

Елена Звездная
Мертвые игры

VI

Annotation

Смерть все ближе, бои на арене становятся все ожесточеннее, а сильные мира сего замерли в ожидании развития событий, опасаясь худшего. И для первых ростков нежного чувства, казалось бы не осталось места... Но любовь не задает вопросов, она приходит даже тогда, когда не ждешь, не надеешься, не веришь и строишь совсем иные планы на жизнь... Вот только смерть уже совсем близко, близко на столько, что ее дыхание становится ощутимым

- [Елена Звездная](#)
 - [Часть первая: Сила отступника](#)
 - [Часть вторая: Артефакты и их последствия](#)
-

Елена Звездная

Мертвые игры. Дыхание смерти

Книга 6

Часть первая: Сила отступника

Из сна меня вырвало стремительное перемещение. И я еще не совсем проснулась, а уже оказалась сидящей на трибуне, перед ареной, где проводились Мертвые игры. Сонно щурясь, удивленно осмотрела арену, по которой ходили маги в черных с зеленым свечением мантиях. Они были похожи на призраков, особенно когда время от времени взлетали, чтобы переместиться на другую часть арены

Кхаэр, раздалось рядом.

И тебе вечной жизни, ответила не задумываясь.

Потом повернула голову и увидела уже хорошо знакомого ученика отступников. Он кивнул, приветствуя, указал на некромантов, и сообщил:

— Эти что-то заподозрили, но ничего не найдут. Тебе что-то известно?

Я все еще не совсем проснулась, подавила зевок, оглядела еще раз арену, и спросила:

— А что должно быть известно?

Ученик вздохнул и буднично сообщил:

— Тебя убьют сегодня.

Это была такая... эм...

— Очень «радостная»; новость, — скептически заметила я.

— Вот и я подумал, что тебя обрадует, — хмыкнул он.

Помолчал, потом добавил:

— Ты мешаешь. Сильно им мешаешь. Я только сегодня узнал насколько.

— И... насколько? — поинтересовалась осторожно.

— Глобально, — туманно ответил ученик вечных. — Не выходи сегодня на бой.

Зевнув снова, я повторно оглядела арену, и вспомнив, сказанное учеником отступников, спросила:

— А почему они ничего не найдут?

— Мыслят узко, — с презрением ответил парень. Он и сегодня был без пугающей маски и рядом со мной, развалившись на сиденье и вытянув вперед ноги, сидел, казалось просто долговязый парнишка из мастеровых. — Они проверяют три параметра, забывая о четвертом.

— Я не поняла, о чем ты, — призналась честно.

Он искоса взглянул на меня и пояснил:

— Широта, высота, долгота.

— А четвертый параметр? — спросила я.

И получила равнодушный ответ:

— Время.

Как интересно... время... Действительно интересно. Вот только как его можно использовать, это уже вопрос.

— Слушай, что это за слухи про тебя? — неожиданно спросил ученик.

— Какие именно? — устало поинтересовалась в ответ.

— Поговаривают ты кошка, — он с интересом меня разглядывал.

— Во мне кровь кошки, — уточнила ситуацию.

Ученик присвистнул и спросил:

— Наши?

Я кивнула.

Парень помолчал, внимательно глядя на меня, а потом неожиданно спросил:

— Как ты оказалась совершенно одна и среди людей?

Что я могла ответить на это? Наверное, многое. В принципе многое и ответила:

— Моего учителя убили.

Мы снова помолчали, глядя на арену, тщательно исследуемую магами, внезапно мое внимание привлек один из них. Маг сидел на последнем ряду перед самым выходом на арену, сгорбившись и обхватив голову руками, и выглядел до ужаса несчастным. Один из исследующих подошел к нему и что-то сказал, маг поднял голову и в предрассветных сумерках блеснула красным отсветом его серьга — Ташши.

— Что же с тобой делать? — задумчиво проговорил рядом со мной ученик вечных. — Оставить одну — погибнешь, привести к нашим — еще не известно какое решение они примут. С одной стороны ты талантливейший маг и вообще наша, с другой — девушка и в тебе кровь Кошек. Глава Ордена любитель «резких бриллиантов»; а ты, сокровище Некроса, тот еще бриллиант, как бы не оказалась в итоге в его...

Мне стало любопытно, чем он закончит фразу, и поэтому я выжидательно посмотрела на него. Парень пожал плечами и задумчиво продолжил:

— То ли гареме, то ли лаборатории.

Перспективы моей жизни продолжали радовать.

Особенно когда ученик, поразмышляв над ситуацией, добил уверенным:

— В лаборатории. Слишком интересная кровь. Вероятно, сделает

слепок ауры и сознания, и отправит на перерождение, вплотную занявшись телом. Просто ты ведь наша, значит, убивать не станут. Если проявишь себя, возможно даже допустит к работе с твоим прежним вместилищем.

Звучало дико. И вместе с тем вполне логично и даже разумно, если не касаться вопросов морали. Но я решила их не касаться и спросила:

— Слепок ауры и сознания делают у всех причастных?

— Практически, — кивнул ученик. — Ты подумала о своем учителе?

Теперь кивнула я.

Мне эта мысль тоже пришла в голову, — серьезно произнес он, — но если учесть, что твой учитель до сих пор не забрал тебя, вывод напрашивается только один — его скрыл в своем теле один из Лордов и держит под контролем.

Даже так...

— В ином случае, — продолжил парень, — он бы уже давно вернул тебя. Ты же знаешь, учеников берут редко, и нас берегут как зеницу ока.

И тут на арене что-то изменилось. Посмотрев, увидела появившихся из выхода для игроков боевых магов. От некромантов они отличались роскошными алыми плащами, более уверенными, даже нарочито уверенными движениями, у большинства были двуручные мечи за спиной. Эти ничего не стали исследовать — сходу начали бить по арене боевыми заклинаниями, проверяя на прочность, видимо. И такой подход дал результат — на том месте, где сегодня погиб парень из академии Сириллы, проявилось черное, беспросветно черное пятно, по форме напоминающее очертания тела.

— Активация кровью! — могучим басом крикнул главный из боевиков. — Не смерть, именно кровь.

После его слов все некроманты стянулись к месту содержащему тьму, Ташши так же направился туда, а вот к нам неожиданным образом устремился один из боевиков. Я как-то не очень уверенно себя почувствовала, хотя и понимала, что нахожусь здесь в виде ментальной проекции и узреть меня у него возможностей нет, но зато запоздало вспомнила, что на мне одна только ночная рубашка, причем не особо длинная, и сев удобнее, спрятала ноги под нее. Потом испуганно глянула на отступника — а тот напряженно смотрел на боевика. Вероятно по той причине, что казалось — маг нас преотлично видел.

И когда он подошел, выяснилось, что нам не показалось.

— Какой милый междусобойчик, — произнес Инар, скидывая с головы капюшон. — Риюш, жених не заревнует, узнав о твоём внеочередном свидании, да ещё и не с ним?

Мы с учеником отступников сидели, потрясенно глядя на мага.

— Чего вы на меня уставились, как на незваное приведение? — поинтересовался он. И переведя взгляд на меня, продолжил: — Риюшик, я бы галантно предложил тебе плащ, но полагаю, он не прикроет твои прелести. Я прав?

Максимально натянув ночнушку, я ответила:

— Вероятно.

— Он тебя не услышит, — произнес ученик.

— Ну почему же, замечательно слышу, — не согласился с ним Инар.

После чего вольготно устроился на соседствующем с моим сиденье, посмотрел вниз на арену, где сейчас как раз проводился очередной явно следственный эксперимент, и спросил:

— О чем шепчемся, девочки?

Одним словом — боевой маг, нарывается просто на ровном месте.

Но вот ответ отступника удивил:

— Девичник планируем, вот одна девочка уже и подвалила.

Инар приподнялся, через меня глянул на ученика, тот ответил ему широкой улыбкой, боевик в ответ улыбнулся так же широко, после чего снова откинулся на сиденье и произнес:

— Наши о тебе знают, ищут.

Наши кто? — уточнил отступник.

— Маги, — кратко пояснил Инар.

— Они не обладают достаточным опытом, способностями и навыками, чтобы... — начал было парень.

Но боевик остановил его ленивым:

— Южная окраина, трактир «Полесье»;, комната девять.

Я увидела, как выразительно дернулся кадык у ученика вечных.

— Брать тебя будут сегодня в полдень, — продолжил Инар.

Несколько мгновений отступник сидел, как громом пораженный. Затем галантно спросил:

— Риа, ты меня извинишь?

— Конечно, — легко согласилась я.

И проекция ученика отступников исчезла.

Мы с Инаром остались сидеть, задумчиво глядя на арену.

— Ты изменилась, — неожиданно произнес боевик. — Ритуал повлиял?

— Изменилась в чем? — внезапно подумав, что мне тоже как-то возвращаться нужно, спросила я.

— Глаза, цвет стал насыщеннее, черты лица словно более ярко

выражены.

— Может проекция просто дает такой эффект? — предположила я.

— Не уверен, — сказал он и посмотрел прямо на меня. — Думаю, что кровь.

Как-то с утра все не радостнее и не радостнее становится. Но фактически — я вчера сама пробудила ее исключительно из чувства неубиваемого любопытства. Надеюсь, ничего фатального не совершила.

— А как ты нас увидел? — задала я крайне заинтересовавший вопрос.

— Остаточный эффект после подчинения, — ответил Инар. — Мне довелось побывать марионеткой одного из Лордов.

Мы помолчали, глядя на что-то обсуждающих на арене магов, после боевик добавил:

— Спасибо тебе за девчонок.

— Не за что, — улыбнулась я.

— Есть за что, — Инар повернув голову, снова посмотрел на меня. — Там кстати главный к вам поехал.

— Кто? — не поняла я.

— Министр Рханэ, — пояснил боевик. — И я так понял, ему нужна ты.

И тут я в очередной раз вспомнила, что надо бы как-то возвращаться и...

И услышала отдаленный стук в дверь.

— Закрываешь глаза, открываешь уже у себя, — поделился нужной информацией Инар.

О, спасибо, — искренне поблагодарила я.

И зажмурилась.

А распахнула ресницы уже лежа у себя в комнате на кровати и гораздо отчетливее услышала стук в двери, а после и голос ректора:

— Риа, ты проснулась?

И не дожидаясь ответа, глава Некроса открыл дверь и вошел. Сонно моргая я посмотрела на него, Гаэр-аш устало произнес:

— Оденься, нам нужно поговорить с тобой.

— Нам? — сглотив, хриплым ото сна голосом, переспросила я.

— Рханэ здесь. С Эль-таимом принца, — пристально глядя на меня, как-то обвинительно произнес ректор.

И я поняла, что после ухода Рханэ мне как минимум влетит.

— Три минуты, — прошептала испуганно.

— В мой кабинет, — обозначил место экзекуции глава Некроса, и вышел.

Я посидела на постели, еще секунд тридцать, а затем резко поднялась. В этой ситуации меня очень выручили вещи и артефакты от Илланиэля — белье и платье я натянула за минуту, умывшись, заколола волосы первой из шпилек, и поразилась в мгновение преобразившейся себе. Высоко собранные волосы мне определенно шли, и я даже улыбнулась своему отражению... а потом улыбка померкла. При ярком освещении в ванной я отчетливо увидела, что глаза у меня стали зелеными. Темно-изумрудного цвета! Вместо болотного оттенка! Присмотревшись к себе внимательнее, отметила, что ресницы оказались темнее и гуще, подчеркнув разрез глаз, который вроде не изменился, но теперь отчетливо напоминал кошачий. Кажется мои вчерашние опыты с кровью все же дали результат. Проклятая Тьма!

Но времени расстраиваться не было, вспомнив о том, что меня ждут, я одернула платье и отправилась на эшафот.

* * *

Дом ректора был погружен в предрассветные сумерки и наполнен сонной атмосферой. Спали даже слуги, поэтому по дому вместо людей, безмолвно скользили умертвия. Один из них нес поднос с ароматным дымящимся чаем, второй стоял на страже у дверей ректоровского кабинета и галантно открыл дверь передо мной, стоило подойти.

— Спасибо, — пробормотала я, и вошла в кабинет.

Атмосфера здесь, в отличие от всего дома, царила тягостная и напряженная.

За столом, облокотившись и подперев подбородок сидел Гаэр-аш, напротив него на кресле устроился министр Рханэ. А на столе, поблескивая в свете зажженных свечей сверкал Эль-таим принца. При моем появлении, оба величайших некроманта современности, разом посмотрели на меня, и Рханэ произнес ожидаемое:

— Трупов.

Чуть не ляпнула «спасибо, и так хватает»; и ответила, как полагается:

— Смертей.

Он кивнул, принимая приветствие, посмотрел на Гаэр-аша, словно спрашивая дозволения задать мне вопрос, и едва ректор чуть склонил голову, разрешая, произнес:

— Вчера, ты заставила Эль-таим заговорить. Как?

Вопрос меня откровенно удивил. Глянув на артефакт, я снова

посмотрела на министра Рханэ и переспросила:

— Что значит «как»?;

Явственно скрипнув зубами, он пояснил:

— Ни один из королевских артефакторов не сумел повторить это.

И оба некроманта выразительно посмотрели на меня. Я же с некоторым недоумением на них, просто потому что не совсем поняла:

— А что артефакторы хотели сделать?

Тяжело вздохнув, Рханэ с трудом сдерживая раздражение, пояснил:

— Заставить Эль-таим заговорить!

Изумленно воззрившись на некроманта, который откровенно жутко пугал меня, я тихо ответила:

— Но это невозможно. Эль-таим не обладает никакими речевыми возможностями.

На меня посмотрели как на одно сплошное издевательство, Рханэ снова тяжело вздохнул и прошипел:

— Но у тебя он же говорил каким-то невообразимым образом.

— Не Эль-таим, — пояснила я, — а неупокоенный дух заточенного в нем артефактора.

Оба некроманта продолжали молча смотреть на меня. Пришлось объяснять:

— Эль-таимы не зря считаются крайне сложными в изготовлении, при их создании требуется максимальная концентрация и владение собой на высочайшем уровне, потому что при внедрении в кристалл энергетической матрицы, сознание артефактора на некоторое время практически переходит в камни. То есть фактически энергоформа облекается в слова «я — это кристалл»; . И существует огромная вероятность, что сознание может остаться там, в кристалле, именно поэтому мастера-артефактора при изготовлении Эль-таима всегда страхуют как минимум двое опытных мастеров... но даже это не всегда помогает. А в случае изготовления Эль-таима его высочества, страхующие артефакторы оказались подонками, позволившими старшему мастеру фактически погибнуть. Вот почему у Эль-таима его высочества имеются существенные недостатки, а собственно накануне я заставила говорить не артефакт, а призвала душу заточенного в нем артефактора. Это просто — используйте любое заклинание направленного действия для вызова инферно. Я применила «Грахархаэтро эуит экса саэрти»;

И тут в моей голове прозвучало:

«Но тебя никто не страховал, да, сокровище мое?!»;

Лично я предприняла титанические усилия, чтобы не посмотреть на

ректора, и в целом — не отвечать даже.

— Так, — Рханэ протянул руку, взял Эль-таим, — простейшее заклинание, значит?

Но использовал он далеко не простую магию — в мгновение кристалл оплело темно-зеленой сетью энергетических линий такой силы, что от напряжения воздух едва не трещал, а я испуганно отшатнулась к двери, поразившись мощи Рханэ и осознав, что его не зря считали одним из сильнейших некромантов

современности. И содрогнулась, едва сила мага ударила по артефакту, воплотив Агрэмеро — одно из мощнейших заклинаний вызова потусторонней сущности. Эль-таим вспыхнул, энергия выплеснулась из него воронкой, в центре которой четко, совсем не так как прежде, обозначился силуэт убитого артефактора.

Рханэ откинулся на спинку кресла, сжав кулаки и с трудом сдерживая бешенство. Кажется, в то что я сказала он поверил только сейчас, наглядно убедившись в присутствии духа убитого мага в артефакте. Меня поразило во всей этой ситуации только одно — министр Магии выслушал меня с абсолютно серьезным выражением на лице, хотя получается, что счел все услышанное бредом.

«Именно так»; -подтвердил голос Гаэр-аша в моей голове.

Вздохнув, мысленно произнесла:

«Я могу уйти?»;

«Нет, останься. Для начала поприсутствуешь при развитии событий, а после я просто собираюсь тебя придушить»;

Испуганно посмотрев на ректора, встретила его совершенно спокойный и даже внешне безмятежный взгляд, вот только я, кажется, уже поняла, что внешний вид и выражения лиц этих двоих, совершенно не соответствуют испытываемым ими эмоциями.

«Да, я в бешенстве»; -подтвердил глава Некроса.

Внезапно я вспомнила, что у меня же сейчас утро, а значит тренировка с Эдвином.

«Даже не надейся!»;

Между тем Рханэ произнес:

— Мастер Дамитрус?

Призрак артефактора содрогнулся, а затем мы услышали глухое и отдаленное:

— Да, министр.

Лорд Рханэ бросив взгляд на меня, сухо спросил:

— Вы можете говорить?

Артефактор попытался. Действительно попытался, открыл рот, задержался и... не смог ничего сказать. Ничего. Он все так же открывал рот, но его потуги не приносили результата.

— На нем печать, — безразличным тоном произнес лорд Гаэр-аш. — Присмотрись, она отчетливо видна.

Скрипнув зубами, министр Магии резонно заметил:

— У девчонки он говорил.

И оба некроманта посмотрели на меня. Нервно сглотнув, я попыталась объяснить, как минимум себе причину разговорчивости духа:

— Я использовала простейшую форму вызова, облик артефактора был искажен кристаллической формой берилла, возможно, это разграничение по секциям, вынесло влияние печати за пределы воздействия на призрака... Не знаю, чем еще это можно объяснить.

Самые сильные некроманты современности переглянулись и министр Рханэ не применяя никаких пассов, не используя вообще никаких заклинаний, без слов и движений втянул выпущенную силу в себя, мгновенно разрушив подчиняющее инферно заклинание. Призрак истаял на глазах. А затем некромант использовал то, что уже было обозначено мной и в кабинете прозвучало:

— Грахархаэтро зуит экса саэрти.

Артефакт задрожал, его аура начала стремительно увеличиваться, стремительно и бесконтрольно, что вынудило Гаэр-аша протянув ладонь коснуться Эль-таима, накладывая на него ограничения. И аура, прекратив увеличиваться, сформировалась в уродливое искаженное гранями кристалла подобие человека. Человека, исступленно протонавшего:

— Отмените игры... отмените... игры! Отмените игры! Отмените!

Рханэ подался вперед, собираясь что-то сказать, но призрак, оглядевшись, увидел ректора и все его существо подернулось алой пеленой ужаса, а затем артефактор закричал:

— Он! — призрачная рука указала на заметно удивившегося Гаэр-аша. — Это все он! Его цель — главенство в человеческих королевствах! План, они создали план! Королевства падут! Единая империя поглотит все! И на троне будет сидеть темный лорд и его Кошка!

Наверное, мне просто показалось, но внезапно мир словно пошатнулся. Или это с трудом устояла на ногах я... Внезапно тяжелой волной навалилось осознание того, что мы с Эдвином, Нортон и Танаэшем обсуждали в карете... те выводы, что оказались очевидны. Более чем очевидны!

И проблема, проблема, что встала передо мной — что может

противостоять магии темных лордов. Я совершенно внезапно отчетливо поняла, что это вовсе не вода, нет. Огню может противостоять только огонь! А темному лорду только другой темный лорд! Вот на что сделали ставку отступники!

И в этот момент ректор убрал руку от кристалла.

В тот же миг, призрак, утратив контроль и подпитку, исчез в гранях кристалла, а кабинет погрузился в напряженное, тяжелое молчание. В безумно напряженное молчание.

Резко поднявшись, лорд Рханэ стремительно забрал Эль-таим со стола, пристально глядя при этом на Гаэ-аша. Ректор хранил молчание, а весь его вид выражал абсолютное, непробиваемое спокойствие.

— Я... — голос Рханэ оборвался. Секундная заминка и ледяное: — Полагаю, дальнейший допрос призрака мы проведем в штатном режиме.

И сказано это было так, что сходу становилось ясно — Рханэ с удовольствием сказал бы больше, но... с врагами не откровенничают.

Ректор принял положение дел с похвальным хладнокровием, поднялся, склонил голову в полукивке, и произнес:

— В таком случае, не вижу более причин для вас задерживаться в моем доме, лорд Рханэ.

— Полностью с вами согласен, лорд Гаэр-аш, — ледяным тоном ответил министр.

Затем повернувшись, сказал уже мне:

— Леди Каро, благодарю за помощь и содействие.

Я склонилась в реверансе, начисто позабыв, что для магинь соблюдение этикета не обязательно, и пробормотала:

— Всегда рада помочь...

Наверное, это было лишним. Боюсь, что теперь уже все было лишним, но Рханэ демонстрируя идеальные манеры, ответил:

— Благодарю вас.

После чего, держа спину неестественно прямой, стремительно нас покинул.

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком.

Затем послышалось, как нежить открыла уже входные двери... стук копыт... скрип ворот при открытии... и закрытии.

А мы остались. Я, казалось окаменевший лорд Гаэр-аш и повисшее в кабинете напряжение. А впрочем нет, осталось и еще кое-что — невысказанные обвинения. Невысказанные, но от этого не менее реальные и... обоснованные.

Гаэр-аш поднялся одним плавным, слаженным движением хищника, с

трудом сдерживающего ярость. Заложив руки за спину, медленно прошел к окну, встал, вглядываясь в заснеженный пейзаж за витражным стеклом, и ледяным тоном произнес:

— Теперь четко, ясно и обстоятельно — к каким конкретно «очевидным»; выводам вы с его высочеством и двумя безголовыми и не уведомившими меня ни о чем остолопами пришли вчера в карете?!

Я едва дышала, все еще осознавая происходящее, попыталась ответить и... голос сорвался. Меня трясло, от понимания... понимания, о котором страшно было даже подумать.

— Мне совершенно плевать, о чем тебе страшно думать, а о чем нет! — прорычал взбешенный ректор, резко разворачиваясь ко мне. — Мне нужна конкретная информация, Риаллин! Четко, конкретно, по пунктам!

И воздух в кабинете вспыхнул, яростно загудев обжигающим синим пламенем.

Вспыхнул, чтобы погаснуть в то же мгновение.

Изумленная, я посмотрела на Гаэр-аша и увидела перед собой темного лорда, способного с легкостью держать под жестким железным контролем и свою ярость, и свой огонь. Огонь, едва заметными искрами пылавший в его серо-синих как предгрозовое небо глазах. Огонь, обозначивший черты лица сильнее, сделавший кожу смуглее, мускулатуру — явственнее, волосы — на порядок темней. И это преобразование, не явное, но отчетливое, было словно ступень в становлении истинного темного лорда. Ступень, преодоленную главой Некроса единым порывом...

— Я изменился? Да, чувствую сам. Разберусь. И это не меняет сути вопроса, — холодно произнес лорд Гаэр-аш.

А затем резко подошел к испуганно отшатнувшейся мне и хрипло выговорил:

— События в карете. Четко, ясно, без дрожаний и очередных порций твоего священного ужаса. Я — чудовище, мы с тобой это уже обсуждали, так что, по крайней мере от тебя, я не желаю слышать ни обвинений, ни инсинуаций на тему как же я мог, и как ты разочаровалась!

Тяжело дыша, я кивнула, а затем испуганно зажмурилась и... И зря я это сделала. Если в реальности Гаэр-аш был страшен, но терпим, то в магическом зрении он представлялся одним сгустком пламени в человеческой форме, и с постоянно нарастающим энергетическим резервом. Со стремительно нарастающим неизмеримо высоким энергетическим резервом.

— Я сказал, прекрати дрожать! — прорычал тот, в ком я всем своим существом ощущала силу, значительно превосходящую возможности того

темного лорда, с которым столкнулась накануне.

И окончательно перепугавшись, я не сумела ничего сказать, только глаза открыла, потому что так было гораздо... гораздо менее страшно. Или более... потому что в следующее мгновение взбешенный до

крайности лорд Гаэр-аш потерял всяческое терпение, и уже ничего не требуя и ни о чем не спрашивая, сжал ледяными пальцами мои виски, жестко врываясь в сознание...

Вспышка!

И я безвольно провалилась в события вчерашнего дня...

Вспышка... запах кареты... стук копыт... скрип рессор и:

«Это ловушка, мой принц! Три наследника древнейших кланов, в чьих жилах течет кровь, способная противостоять магии вечных, и глава дома Меча, тот по зову которого идут! Четыре юноши, четыре наследника, четыре единственные надежды, замены вам нет! Погибните вы — сила, цвет и наследие древних родов, и начнется борьба за власть, что прогрузит человеческие королевства в клоаку крови! Они все рассчитали. Двести лет, мой принц, двести лет — точка отсчета, их главный путь, это неясно мне, это не понял, но остальное... Маленькие шажки большого пути! На их стороне вечность и знания, они использовали их в полной мере. Совпадений и случайностей нет — все рассчитано до мельчайших деталей... Они все рассчитали! Они проникли туда, где их никто не заподозрит... Моя смерть, ваше высочество, моя смерть не случайность, меня... — Он осекся, захрипел и выкрикнул: — Не выходите на поле боя против Некроса, мой принц! Нет! Это их цель... и точка отсчета... я не разобрался с точкой отсчета... Но это древнее! Вы не сумеете защититься... Никто не сумеет. Древнее зло, спящее, ждущее... Двести лет точка от...»;

Меня затрясло!

Вспышка... ощущение мороза, скрип снега и:

«Значит Рию попытаются убрать»;

«Они уже пытаются. Слет воронья не возник сам по себе. Кто-то постарался, чтобы всенаиболее сильные маги оказались в курсе существования последней из Легендарных Кошек. И теперь эти требуют отстранения Рии от участия в играх. Отец и дядя сейчас предпринимают титанически попытки не довести до конфликта, прекрасно понимая, что за свою воспитанницу Гаэр-аш глотку вырвет любому. И все бы ничего, но если это произойдет на нашей территории, то станет поводом для разрыва дипломатических отношений, с трудом налаживаемых последние пятнадцать лет»;

На губах привкус крови, я понимаю, что искусала их, пытаюсь сдержать нарастающую дрожь, и... По спине пробежал холодок, едва я осознала, что вновь испытываю вкус собственной крови! Я уже знала, что последует за этим...

Но последовало иное.

Вспышка!

«Тут дело в силе, сокровище мое. Если со мной что-то случится, а это вряд ли, наследником рода станет Артан. Так что здесь отступники просчитались, моя смерть не повлечет за собой ничего глобального. Смерть Дана в принципе тоже. Во главе рода Шейн станет Артан, соответственно никаких кровавых закулисных игр не будет, здесь все прозрачно и просто»;

«...Нннет, это не так работает, Риа, хотя вероятно отцу и дяде удастся настоять на том, чтобы мой младший двоюродный брат встал во главе королевства. Но если брать в общем, то наследник старшей династической ветви — лорд Гаэр-аш. Фактически, в соответствии с традициями линий силы, власть должна перейти к нему»;

«...Призрак сказал одну очень верную вещь «Глава дома Меча, тот по зову которого идут!»;. Я последний чистокровный представитель дома Меча, поэтому все иные младшие дома обязаны беспрекословно мне подчиняться. Не станет меня — они оспорят право дома Меча главенствовать, и оспорят по праву. Но есть исключение — воины Меча обязаны подчиниться, тому, кто достиг наивысшего мастерства в военном искусстве. Мастеру. Мастеру Меча. А это звание сейчас есть лишь у одного человека...»;

И я вновь вернулась в тяжелую напряженную реальность, встретив медленно темнеющий взгляд оглушенного осознанием происходящего ректора.

Вот только вкус моей крови не оставлял сомнений в том, что еще мгновение и!..

Я перенеслась в прошлое стремительно, гораздо быстрее, чем раньше, и все в груди мгновенно сдавило ощущением чего-то плохого, гнетущего, неправильного. Тревога снедала, но значительно больше в эмоциях было гнева, обиды, злости. Злости, от которой кипела кровь, смывая напрочь владевший существом Калиан страх. Девушка, в чьем теле я сейчас находилась, сидела, опустив голову и пытаюсь сдержать эмоции, а затем, вскинув подбородок, посмотрела на молодого мужчину, который стоял в нескольких шагах от нее, сидящей на постели, покрытой темно-зеленым бархатным покрывалом с золотой вышивкой по краю. Мужчина был

удивительно красив — длинные черные свободно раскинувшиеся по плечам волосы, гордое аристократическое лицо, черные брови, волевой подбородок, красиво очерченные губы и глаза... невероятные желто-зеленые глаза, оттененные густыми черными ресницами. Он был одет в зеленый костюм, подчеркнувший и широкие плечи, и узкие сильные бедра... но даже вычурный костюм не мог скрыть напряжение, читающегося и в позе и во взгляде мужчины.

И я вздрогнула, когда он произнес хорошо поставленным низким голосом:

«Почему ты солгала мне? Я спрошу только раз, Кали, а потом будет больно... очень больно, котенок!»;

И в моей груди страх пересилил все остальные эмоции, страх и панический ужас. Я не знаю, насколько опасна была его угроза, но Калиан видимо знала. И с ее дрожащих губ сорвалось:

«Ларан сказал, что он хешитай...»; — ее голос оборвался.

«Дальше!»; — холодно и безапелляционно приказал мужчина.

Испуганная Калиан бросила умоляющий взгляд на удивительно красивую женщину, чьи черты лица угадывались в молодом мужчине, но эта женщина ничем не смогла ей помочь — бледная, не сдерживающая слез, она казалось уже ничего не видела и не слышала.

И девушка, внутренне сжавшись, произнесла:

«Он что-то сделал с нами... Мина и Риа оказались озерными ведьмами и... им подчиняется вода. Риа вообще хорошо управляет, даже вино сделала водой»;

Еще один из присутствующих мужчин, на которого Калиан боялась даже взглянуть и потому я его толком не видела, простонал и обреченно выговорил:

«Мы опоздали...»

Но его паника была пресечена резкими словами молодого мужчины:

«Лорд Первый Советник, мне не хватало лишь ваших стенаний! Отправляйте гонцов и к генералу Хенесс и адмиралу Деверан, девушек нужно будет увести немедленно!»;

Однако тот, что был в возрасте, попытался возразить, сказав:

«Бракосочетания уже состоялись и...»;

Молодой мужчина стремительно развернулся к нему, с трудом сдерживая ярость и хрипло произнес:

«Они связаны, Миэр, вы не поняли? А как иначе Калиан узнала о свадьбах?! Да, Кали? — он резко повернулся к той, через кого я видела этот мир. — Вы общаетесь мысленно?»;

Я ощутила внутреннее сопротивление испуганной девушки, ее нежелание говорить, и в то же время страх... Страх победил и Калиан тихо ответила:

«Я могу видеть их глазами...»;

И это стало ударом для всех присутствующих. Молодой мужчина пошатнулся, лицо его окаменело, женщина сползла на пол, побледнев сильнее прежнего, а тот, кого называли Первым Советником выбежал из комнаты, не оглянувшись на Калиан, которая ждала от него хотя бы взгляда. Его тяжелые шаги гулом отдались в коридоре.

И когда затихли, женщина тихо спросила:

«Роан, а Кали?..»;

«Поздно, — очень спокойно ответил тот, кто оказался последним правителем Хешисаи, — теперь поздно»;

И я перенеслась в настоящее.

Напротив меня стоял задумчивый лорд Гаэр-аш, рядом с ним почему-то словно диковинный цветок горел синий огонь, за окном светлело, впуская в новый день сумрачное зимнее утро, а я... я... я дико переживала за ту, чьими глазами могла видеть обрывки прошлого. Ее было так жаль. И этот страх, и ее тревога... и то щемящее чувство в груди, с которым она проводила выбежавшего мужчину... Он словно предал ее, этим побегом... Кем он был для нее?

— Отцом, — сухо сообщил ректор. — Ее отцом.

И освободив меня, Гаэр-аш прошел к своему столу, медленно опустился в кресло, сел, постукивая пальцами по подлокотникам. А огонь продолжал гореть в воздухе, вызывая странное желание к нему прикоснуться. Лепестки пламени, темно-синие к низу и почти белые на концах, визуальнo ассоциации с пламенем совершенно не вызывали.

— Эмоции, — вздохнул глава Некроса, и притянул пламя к себе.

Притянув — безжалостно уничтожил.

Но я отметила это мимолетно, меня безумно интересовало другое:

— Почему она восприняла его уход как предательство?

Но спросив, подумала, что глупо, наверное, рассчитывать на ответ... Однако лорд Гаэр-аш тихо ответил:

— Потому что это было предательством. Они слишком боялись пробуждения крови, боялись настолько, что сочтя дочерей практически недееспособными, не посчитали нужным услышать девочек. И та, кто до последнего пыталась быть человеком, внезапно осознала, что в мире людей, на самом деле, все живут по звериным законам. И выживать ей пришлось как зверю.

Ответ поразил. В человеческой истории единственную кошку называли не иначе, чем Проклятая Калиан, но то, что довелось увидеть мне... и то, что сказал ректор... Она была просто девочкой, испуганной девочкой с особыми способностями... Как же так вышло?

— Страх убивает, — усмехнувшись, произнес Гаэр-аш. — Они боялись, в итоге убили всё, что было светлого в трех испуганных девочках, у которых помимо подростковых сложностей начались еще и проблемы с приходом силы. И те, в чьих венах текла кровь Хаоса, сделали выбор в пользу Хаоса — он был честнее с ними, а подростки чрезмерно оценивают честность.

В его последней фразе промелькнул намек, и я подняв голову, посмотрела на ректора, пытаясь понять о чем он. Но глава Некроса молчал, пристально глядя на меня, пристально и оценивающе, словно пытался оценить во мне что-то.

— Ты изменилась, — сухо произнес Гаэр-аш. — Не явно, но вполне определенно. Эксперименты с кровью?

Я промолчала.

Ректор молчать не стал, и продолжил:

— Мой дом покидать исключительно в моем присутствии. Арена, бои, и назад. Никаких более приключений и артефактов для ведьмочек. Никаких прогулок с Гобби.

Возмущенно посмотрев на Гаэр-аша, я собиралась высказаться против, но... он перебил ледяным:

— Если ты еще не поняла, Риаллин, то я обрисую ситуацию для тебя — Рханэ принял к сведению информацию, услышанную от призрака. Мы больше не родственники и не союзники. Все кончено. Вероятно, уже сегодня я получу предписание с приказом завуалированным под просьбу — покинуть столицу седьмого королевства. И мою "кошку" мне прикажут забрать с собой, мотивируя это тем, что воспитанница должна следовать за своим опекуном.

Я молчала, потрясенно глядя на ректора. Он продолжил:

— А когда информация дойдет до четвертого королевства, меня попросят покинуть и его. "Попросят". В ультимативной форме. На практике количество попыток убить как меня, так и тебя, будет впечатляющим. Поверь, робкие попытки отступников убрать "темную лошадку" не пойдут ни в какое сравнение с тем, что нас ожидает.

Я все еще не верила. Не могла поверить. Звучало как-то дико, но... обвинения были слишком серьезными, с этим я была вынуждена согласиться.

— Вероятно, — ректор усмехнулся, — многим позже они осознают, что ты никак не могла быть "той самой кошкой", на которую сделали ставку вечные. Более того, проблему "кошки " не так много лет назад решил мой дядя, отравив Кеалир. Кеалир-Калиан — отступники продумали все, даже созвучные имена подобрали... Не учли они лишь одного фактора — сумасшествия короля четвертого королевства, который не побоялся отравить ту, на которую вечные сделали главную ставку. Я думал, что потерял невесту... а выходит "кошку". Кошку, что должна была пробудить во мне наследие крови темного лорда. Забавно...

Он вновь посмотрел на меня, усмехнулся и добавил:

— Вот только когда они осознают все случившееся — неизвестно. Размышлять и строить предположения сильные мира сего будут лишь после того, как устранят проблему. А главная проблема сейчас — мы с тобой.

Испуганно сглотнув, я все же высказала то, что смутно и неявно плавало на границе сознания:

— Но вы не хотите править. Вы никогда не стремились к этому... Вы сделали все, чтобы поддержать Норта в его претензиях на трон, лишь бы самому на него не садиться. Вы...

Гаэр-аш улыбнулся. Насмешливо, устало и как-то безразлично. А едва я умолкла, спокойно произнес:

— Запомни, сокровище мое, ты никогда, никому и ничего не докажешь. Человеческая природа такова, что люди всегда верят в худшее. Всегда.

Принять подобное я не могла, и с жаром проговорила:

— Но если поговорить... Если объяснить, я уверена, что...

— Я не буду оправдываться в том, к чему совершенно не причастен, — ледяным тоном оборвал меня глава Некроса.

И в этом прозвучала гордость, гнев оскорбленного достоинства и ярость на ситуацию. А я поняла главное — действительно ни оправдываться, ни объяснять ничего лорд Артанаэш Гаэр-аш не станет.

— Иди к себе, — приказал он. — Эдвин вероятно уже поднялся, готовься к тренировке.

* * *

Уходила я со смешанным чувством тревоги и ожидания худшего. Ожидания самого худшего. И была погружена в свои мысли настолько, что

даже не сразу заметила стоящего на лестнице и явно ожидающего меня Эдвина. Некромант, дождавшись, пока я поднимусь к нему, протянул руку и вытер слезинки, неведомо как оказавшиеся на моих щеках. А затем тихо спросил:

— Рханэ был?

Я кивнула.

— Что ж, это было ожидаемо. Идем.

И он потянул меня вверх, вот только свернули мы вовсе не в ту часть дома, где располагались спальни, а в противоположную, к столовой. Ничего не понимая, я прошла за Эдвином, вошла в распахнутые им для меня двери и остановилась, увидев Норта и Дана за столом. На самом столе лежала легкая закуска из нарезанного ломтями сыра и практически наструганного вяленного мяса, стояли кубки и графин с красной жидкостью.

— Не рано ли вы пьете вино? — спросила я, помня, в отличие от них похоже, о том что у нас сегодня еще бои.

— Это не вино, — произнес Норт и указал на стул рядом с собой.

Я прошла и села, Эдвин сел похоже на свое место, отпил из кубка и сообщил парням то, что узнал от меня:

— Рханэ был.

— Ожидаемо, — сухо ответил Норт.

С некоторым удивлением я оглядела всех троих. Парни были суровы, сосредоточены, и выглядели так, словно им на плечи навалилась непомерная тяжесть. И это так контрастировало с теми тремя лучшими учениками Некроса, которых я знала еще совсем недавно. Они изменились. Повзрослели как-то. Ушла вседозволенность, исчезло откровенное презрение к слабым, несдержанность и легкий налет шалопайства исчез так же. Рядом со мной были сильные, уверенные в себе, не боящиеся взять на себя ответственность и готовые к трудностям молодые мужчины. Уже не парни.

— В общем и целом так, — заговорил Норт, — мы все обсудили и пришли к выводу о непричастности Артана к заговору, о чем будет сообщено нашим родам и моим сторонникам. У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

Отрицательно покачав головой, я на миг задумалась говорить или не стоит... решила, что скрывать смысла нет, и сообщила:

— Сегодня был несколько подробнее.

Некроманты внимательно смотрели на меня, не перебивая и всем своим видом выражая готовность слушать. Вздохнув, процитировала:

— Он сказал: "Королевства падут! Единая империя поглотит все! И на троне будет сидеть темный лорд и его Кошка!"

Несколько мгновений в столовой царила тишина, затем Дан произнес:

— Да, все оказалось еще хуже. Я предлагаю забить на игры и сваливать в Некрос. Сказал и тут же скривился. Парни переглянулись и я поняла — всерьез такой вариант они даже не рассматривают, им гордость не позволяет, и не позволит.

— Если мы не победим, возможность захватить трон сдвинется лет на пять, — произнес Норт. — Мне придется иными подвигами и свершениями завоевывать народ.

Эдвин кивнул, Дан не согласился:

— Тебя поддержат все великие рода!

— Дан, до тех пор пока я ничего не добился — я амбициозный мальчишка, восхождение на трон которого — просто смехотворно. Мне нужна победа на играх, даже если не учитывать главный фактор необходимости победы.

И парни глянули на меня.

Стало как-то неудобно, и тут в столовой раздалось:

— Рад, что ты помнишь о главной причине.

Разом повернувшись к двери, мы увидели стоящего в проходе ректора. Гаэр-аш, насладившись всеобщим вниманием, молча прошел и сел во главе стола. Посидел, оглядев всех нас поочередно и произнес престранную фразу:

— В мои дела не вмешиваться.

Я в принципе не поняла о чем он. А вот ребята поняли сходу.

— Мы — семья, — весомо сказал Норт.

— Вы Мастер меча моего дома, — добавил Эдвин.

— И наследник моего рода, — вставил Дан.

Ректор усмехнулся, неодобрительно покачал головой и тихо заговорил:

— Похвальное свойственное вашему возрасту и происхождению благородство, если вы хотели впечатлить меня — я впечатлен. Действительно впечатлен и горжусь вами, но... — Он снова поочередно оглядел парней, и продолжил: — Рханэ не тот враг, с которым стоит связываться даже вам.

Он так это произнес, что я невольно поежилась.

— Огонька? — насмешливо поинтересовался Гаэр-аш.

Я отрицательно покачала головой.

Он криво усмехнулся мне и вернулся к неприятному для нас всех разговору:

— В самом крайнем случае мы организуем ваше спешное бракосочетание с Рией и я исчезну. Все.

Я возмущенно посмотрела на ректора, но на мой взгляд никто не обратил внимание, парни заговорили совершенно об ином:

— Чего ты опасаясь? — сходу спросил Норт.

Эдвин проявил неожиданную осведомленность и выдвинул предположение:

— Опасаетесь лорда Эллохара?

Гаэр-аш не ответил. Дан с Нортом вопросительно посмотрели на Эдвина и тот пояснил:

— Верховная ведьма, жена Рханэ, пользуется покровительством темного лорда.

И так как на него продолжали смотреть все с таким же повышенным вниманием, добавил:

— Известен случай нападения секты ведьмоборцев на Василену Владимировну. У Рханэ был шанс спасти жену, но сам бы он выгорел во время боя практически с девяносто процентной вероятностью. И каким-то образом, подозревается, что используя артефакт связи по крови, ведьма вызвала Эллохара. Итог — выгорели ведьмоборцы. Семь тысяч человек. Минут за пять, может меньше. Деревья остались, животные, птицы и даже насекомые — ведьмоборцы рухнули наземь пеплом... хорошенько ее удобрив.

— Какая осведомленность, — протянул Гаэр-аш.

— Мы были там, — просто сказал Эдвин. — Через год лес стал гораздо гуще — кустарник хорошо принялся на удобрении.

И в столовой повисла многозначительная тишина.

А затем Гаэр-аш произнес:

— Ты прав, Эдвин, опасаясь. И именно Эллохара. Только с причиной немного не угадал.

Харн просто спросил:

— Риа?

— Риа, — подтвердил ректор.

— При чем тут я? — удивленно спросила.

А мне взяли и не ответили. Совершенно. Просто проигнорировали и перешли к другой теме:

— Жеребьевку перенесли на сегодня, перед боями проведут, — произнес Гаэр-аш.

Я хотела было возмутиться, но тут ощутила что-то странное. Очень. Словно где-то рядом постучали. Вопросительно. Осторожно и немного

нервно. Словно дверь вот она рядом со мной совсем, и стучали в нее. Раз, потом еще раз... И я как-то внутренне насторожилась, а в воспоминаниях промелькнул утренний разговор с учеником вечных и адептом Инаром, и настороженность стала тревогой.

— Извините, — напряженно произнесла я, стремительно поднимаясь. Так же стремительно и не оборачиваясь покинула столовую.

Добежала до комнаты, вошла, захлопнула дверь. Увидела Гобби, сидящего за столом с бумагами, приветственно кивнула ему и рухнула на пол, теряя связь с окружающей действительностью.

Чтобы перенестись в другую.

Это был чердак. Пыльный, грязный в паутине чердак, и я едва не заорала, увидев как огромный черный паук проползает сквозь призрачную меня. И тут же услышала:

— Прости, нужна помощь.

Повернувшись на звук, увидела ученика отступников. И вот тогда вскрикнула, негромко и испуганно — парень был в крови. Внушительная рана на груди, пропитавшая кровью белую рубаху прикидывающегося подмастерьем ученика, царапина на щеке, и... и осколок бревна прошивший насквозь его шею справа от шейных позвонков. — Не послушался Инара... зря, — прохрипел он, медленно сползая по потолочной балке вниз.

С сожалением качнув головой, я торопливо подошла к нему, опустила на колени, осматривая раны и думая, что можно сделать... выходило, что ничего — судя по булькающим звукам, прорывающимся из-за осколка, горло было значительно повреждено. Да и на рубашке крови становилось все больше.

— Что я могу сделать? — спросила сразу и без разговоров.

Он посмотрел мне в глаза и прохрипел:

— Унеси.

— Что? — не поняла я.

— Унеси, — срывающимся шепотом повторил он. — После моей смерти принять меры... чтобы оболочка не досталась магам... тело нужно сжечь

— Зачем? — переспросила испуганно.

— Мы наследники ордена Огня, — умирая, зашептал ученик отступников, — из огня вышли... в огонь... должны... вер...

Он не договорил, обмякнув, его глаза закатились.

И во мне словно произошел толчок. Я не знаю откуда пришло знание и как оно оказалось во мне, но мои призрачные ладони уверенно легли на

бледное как полотно лицо ученика вечных, а затем, прежде, чем даже услышала грохот выломанной двери и крик «Кровавый след тянется сюда», я прошептала:

— Этар эргаэн, — и ощутила, как покалывают кончики пальцев.

И покалывание стало почти обжигающим, когда невероятным образом мои ладони, покрывшие лицо юноши, обрели реальность и четкость, завершаясь рваным краем у запястий.

— Ччччто это? — захрипел ворвавшийся на чердак боевой маг.

А я судорожно пыталась вспомнить, вспомнить что-то важное, что должна была, по-видимому, знать, что-то решающее, значимое, необходимое. Упорно ускользающее от сознания...

Но когда боевой маг не отрывающий потрясенного взгляда от моих материализовавшихся рук, призвал боевое плетение, на раздумья времени уже не осталось и я рефлексивно дернула ученика на себя.

Руки отозвались болью.

Она вспыхнула в запястьях, по краю призрачного слома, обожгла холодом ладони и осталась испариной на моей спине, когда открыв глаза я поняла, что нахожусь в своей спальне в доме Гаэр-аша, а передо мной лежит истекающий кровью отступник!

Подняла испуганный взгляд на оторопевшего Гобби, повторно осознала, что сумела вытянуть ученика отступников, и тут же вскочила, чтобы без слов метнуться за дверь, и уже там сорвавшись на бег, за несколько секунд домчаться до столовой.

Я ворвалась к ребятам и ректору видимо в момент принятия какого-то как минимум эпического решения — лица у всех были суровые и сосредоточенные, позы напряженные.

Ровно до моего появления.

А стоило вбежать мне, как все четверо повернулись, посмотрели на меня и... и стали куда напряженнее, чем были до этого, словно окаменели. Но у меня не было времени разбираться в их реакции.

— Норт, — срывающимся голосом позвала я, — ты мне нужен. Он отмер в ту же секунду, поднялся и неожиданно мягко, даже как-то успокаивающе, произнес:

— Конечно сокровище мое.

А затем, идя ко мне, так же мягко спросил:

— Больно?

Откуда он узнал?

— Немного, — честно призналась, потеряв ладони — они все еще отзывались онемением и странным покалыванием, словно я их долго

держала на льду.

И тут Норт выдал неимоверно странную фразу:

— Ничего, многим девушкам бывает больно, ничего страшного, боль я сейчас уберу.

И пока я недоумевала при чем тут многие девушки, он мягко обнял меня за талию, вывел в коридор, закрыл двери в столовую и попытался взять меня на руки. Отпрянув, торопливо выговорила:

— Не настолько у меня болят руки. Идем. Скорее.

И поспешила вперед, чтобы остановиться на середине пути, осознав, что Норт за мной не пошел. Я удивленно обернулась и посмотрела на него. Он на меня. После чего переспросил:

— Руки?

Я недоуменно развела руками, и тут же поспешила обратно, схватила его ладонь и потащила некроманта за собой.

— Не напрягайся, — тут же прикрикнул он, нехотя идя за мной и как-то не спеша ускоряться. И напряженно спросил: — Риа, причем тут руки?

Я обернулась, чтобы ответить, и мельком заметила свое отражение в зеркале. Отражение пугало внушительным кровавым пятном внизу живота, видимо кровь попала на белое платье, когда я перетянула отступника и он рухнул частично на меня, а осколок в его шее потревожился от движения. Нужно будет переодеться, но это потом. Сейчас каждая секунда была на счету.

— Быстрее, Норт, — срывающимся голосом потребовала я.

Он ускорился, догнал меня, подхватил на руки, не позволяя увернуться, дошел до моей комнаты, ударом ноги распахнул дверь вошел и...

— За какой проклятой тьмой! — прозвучало разъяренное на всю комнату.

Гобби посмотрел на него, на распростертого сотрясающегося отступника, написал на листке и развернул его, позволяя нам прочесть:

«Считай, что это больной котик».

— Это не котик! — прорычал Норт.

Гобби невозмутимо написал снова, и развернул лист к нам. Там было:

«Котик или не котик, а лечить его тебе все-таки придется».

Норт медленно повернул голову и уничтожающе посмотрел на меня.

— Пожалуйста, — робко прошептала. Дастел стоял застывшим изваянием оскорбленного достоинства, и продолжал сверлить меня взглядом. И тут Гобби вышел, напоследок протянув нам еще один лист. Еще до того как за ним захлопнулась дверь, мы прочли:

«Пошел за молочком для котенка. И на твоём месте я бы поторопился, Норт, котик вот-вот лапы отбросит».

Прочтя это, некромант мрачно посмотрел на меня, глаза сузились от гнева, и я уже приготовилась к отповеди, но вдруг в глубине его зрачков шевельнулось синее пламя. В следующий миг выражение лица Дастела из гневного, стало каким-то коварно-провокационным и парень неожиданно произнес:

— Поцелуй.

— Что? — осипшим голосом переспросила я.

Немигающе глядя на меня, Норт повторил:

— Поцелуй, Риа, поцелуй по-взрослому. Если ты мне его обещаешь, я спасу твоего... «котика». И поторопись с решением, сокровище мое, Гобби прав — у парня началась агония, ещё немного и ему только некромант и поможет.

По факту выбора у меня не было.

— Все что угодно, Норт, — раздраженно проговорила я.

Норт... или скорее темный лорд, с пляшущими огоньками в глубине глаз, коварно усмехнулся и отпустив меня, приказал:

— Переоденься.

Не став спорить, я торопливо сбегала в ванную, сменила одежду, а когда вернулась все было уже почти кончено. Норт стоял на одном колене возле корчившегося ученика отступников, осколок бревна был извлечен из шеи и окровавленный лежал рядом, изгвазданная рубашка разрезана, обнажив внушительную рану, края которой сейчас сращивал Норт.

— Не подходи, — напряженно произнес он.

Не стала, оставшись возле дверей, ведущих в ванную, и стараясь даже дышать как можно тише. Потому что вид у ученика вечных был не слишком обнадеживающий — парень дышал со свистом, изо рта стекала струйка крови, по телу пробегали судороги, пальцы на руках скрючились совершенно жутко.

— Справлюсь. Прекрати нервничать по поводу доходяги, и начинай по поводу поцелуя, — посоветовал Норт, закрывая глаза и простирая над телом раненого и вторую руку.

Зеленоватое сияние тут же окрасило его ладони, а затем мягкими клубами тумана опустилось вниз, окутывая отступника. Выглядело красиво, вот только вечный отозвался болезненным воем. Жутким, тихим, пробирающим до костей... Но зеленоватый призрачный туман уже окутал его лицо, заползая в рот и перекрывая доступ всем звукам... В моей комнате стало тихо.

Совсем тихо.

В этой напряженной беззвучности, Норт подался вперед, накрывая обеими ладонями грудь отступника, пересеченную стремительно заживающим шрамом. Ученик вечных дернулся, вытянулся в струнку и затих, широко распахнув глаза и потрясенно глядя на некроманта. Норт с достоинством поднялся, указал на парня и произнес:

— Чтобы этого «котика» не было тут в течение минуты. А через три ты должна быть в моей комнате. Вопросы?

Вопрос у меня был, причем всего один: — С чего вообще такое требование, Норт?

Он усмехнулся и любезно пояснил:

— Мне не понравилась твоя реакция, на слова Артана по поводу нашей свадьбы. Надеюсь, я не обращаю внимания? Совершенно напрасно. У тебя осталось две с половиной минуты.

И он вышел из моей комнаты.

Мы с учеником вечных остались.

— Как? — хрипло спросил он, и откашлялся, выхаркивая сгустки крови.

— Норт — целитель, — просто сказала я, чувствуя нарастающую тревогу, по поводу предстоящей расплаты с Дастелом.

И что-то все мое доверие к нему улетучилось вмиг, оставляя нервозность и тревожность, вкупе со странным предчувствием.

Дверь открылась снова, вошел Гобби и вовсе не с молочком — у него в руках был ворох одежды, женской, и даже чепец имелся, причем это оказалась униформа прислуги в доме Гаэр-аша. Гоблин молча подошел к отступнику, протянул ему одежду, указал на ванную. Парень безропотно взял все, и вопросительно посмотрел на меня. В его взгляде читалась откровенная тревога, причем за меня.

— Все хорошо, — я заставила себя улыбнуться. — Поторопись, Норт пока не станет ничего предпринимать, но если о тебе узнает Гаэр-аш...

Я не стала продолжать, ученик понял и так. Встал, поспешил в ванную комнату, Гобби подошел ко мне и протянул записку «Я выведу».

— Спасибо, — искренне поблагодарила его.

И собравшись с духом, отправилась в комнату к Норту, самым невероятным образом ощущая, как подрагивают ноги, и леденеют пальцы. Нервировало то, что я совершенно не знала чего ожидать от Норты, у которого в глазах заплясал огонек. Нормальный Норт был... нормальным, а этот?

А этот ожидал меня обнажившись по пояс и вальяжно сидя в кресле и

пристально, не мигая глядя на меня.

— Дверь закрой, — сказал он, стоило мне войти.

Закрыла. Посмотрела на него, чувствуя, как сердце начинает биться все быстрее.

— Подойди, — продолжил отдавать приказы Дастел.

Подходила я осторожно, остановилась в нескольких шагах.

— Ближе.

Сделала маленький шагок, с нарастающей тревогой глядя, как огонь в его глазах становится все ярче.

— Еще ближе! — последовал очередной приказ.

Я подумала и тихо ответила:

— Нет.

И синий огонь растекся по его глазам, заполнив их полностью... У меня появилось желание сбежать. Причем быстро.

— Знаешишшш, рррадость моя, — прошипел Норт, сжимая подлокотники кресла с такой силой, что я отчетливо расслышала, как трещит дерево, — меня никоим образом не обрадовал факт обнаружения мужика в спальне моей невесты.

Что я могла сказать на это? Только самое очевидное:

— Это не мужик, это молодой парень.

Секундная пауза и разъяренное:

— Риа!

Мне захотелось развернуться и уйти, просто развернуться и... Желание уйти трансформировалось в потребность сбежать, едва Норт рывком поднялся и в два шага приблизился ко мне. Это было слишком резкое движение, слишком пугающее... Слишком явно продемонстрировавшее силу пробудившегося темного лорда. Но еще быстрее, чем я испуганно отшатнулась, рука Дастела скользнула на мою талию, обвивая, резким движением притиснув к его полуобнаженному телу с такой силой, что я едва ли смогла бы сейчас вдохнуть полной грудью. Вторая ладонь коснулась подбородка, заставляя запрокинуть голову и посмотреть в глаза разъяренного темного, который, склонившись почти к самому моему лицу, прошипел с трудом сдерживая ярость:

— Как этот мужик оказался в твоей спальне?

Испуганно вздохнув, прошептала:

— Я его втащила.

— Как?! — взбешенный рык.

Вот на этот вопрос было бы сложно ответить, даже не находишь я в подобном положении. Вновь глубоко вздохнув, мне сейчас просто очень

воздуха не хватало, я попыталась сказать правду:

— Втащила его из чердака, на котором он находился, сюда... — и сбилась с мысли, потому что на Норта стало страшно смотреть.

Дастел несколько секунд взирал на меня с таким выражением лица, на котором абсолютная ярость смешивалась с явным желанием меня прибить, а затем глухо произнес:

— Риа, сокровище мое, ты ведь понимаешь, что шагнув в Призрачные грани и «вытащив» отступника, ты стала уязвима для подобных же манипуляций?!

Я... не совсем поняла, что он имеет ввиду.

И Норт, осознав этого, взбешенно прорычал:

— Это значит, жизнь моя, что в любой миг и момент любой из связанных с бывшим Орденом огня может уволочь тебя в Призрачные грани и далее по месту назначения! Риа! Чем ты думала?!

Сложно сказать, чем я думала в момент, когда ученик отступников начал умирать. Думала о том, как спасти его, и на этом пожалуй все.

Разъяренный Дастел отпустив меня, тяжело ступая ушел к окну, движением руки распахнул створки и встал, сгорбившись, упираясь ладонями в подоконник, глядя на медленно светлеющую ночь за окном и позволяя ледяному ветру свободно овеять его полуобнаженное тело. Я испуганно подумала, что он так заболает.

— Не заболает, — глухо ответил некромант.

— А как ты... — хотела добавить «понял, о чем я думаю», но не стала.

— Снова слышу твои мысли, — хрипло произнес он. — Не хочу это потерять, но, похоже, теряю. Помолчал и добавил:

— Способность читать мысли направленные собственно на себя, появляются у темного лорда исключительно в момент становления — еще одна степень защиты, предусмотренная природой.

Норт вздохнул и тихо произнес:

— В Золотой век Хешисаи определенно должна была существовать защита от насильственных перемещений. Должна была, иначе орден Огня занял бы ключевые позиции в рекордные сроки. Значит найду.

Он облегченно вздохнул, развернулся и сурово посмотрел на меня. Я продолжала смотреть на него все так же настороженно, обдумывая ситуацию в принципе. Призрачные грани? Да, способ защиты есть. Его действительно разрабатывали в Золотой век Хешисаи по приказу наследного принца Роана, и разрабатывал Дакхур — опытный сильный артефактор, собственно учитель мастера Сирилла, который развил его учение о необходимости защиты артефакторов и создал знаменитый,

действенный и обеспечивающий защитой артефакт Сириллана... потерянный мной в Некросе. Но это все мелочи, а вот Призрачные грани... О них мне было известно только из общего курса Истории Магии, преподаваемом в первый год обучения, и то удалось вспомнить лишь несколько скупых фраз вроде «Созданы как антипод Серым граням и Подпространству, которыми в совершенстве владеют демоны». И вот сейчас я стояла и думала о том, что соприкоснулась с самими Призрачными гранями! Была в них, свободно находилась и передвигалась, научилась откликаться на зов и вырываться без дозволения вызвавшего... То есть я владею Призрачными гранями!

Невероятно!

Невероятно и просто потрясающе!

От открывшихся возможностей закружилась голова!

И тут Норт напряженно позвал:

— Риа?!

Я не слушала, я думала. Думала о том, как смогу это использовать и что сделать.

И в этот момент распахнулась дверь.

Я обернулась, все еще витая в осознании открывшихся возможностей, и... все мысли сняло как рукой. В дверях стояла женщина. Долговязая несуразная женщина в платье прислуги дома Гаэр-аша, а за ней, досадливо хлопнув себя по лбу виднелся злой Гобби, который явно пытался эту «служанку» остановить.

— Драсти, — возопило это несуразное нечто, — убраться надобно. Вам. А то итить вашу на лево, время уборки пришло. Освободите комнату!

И ни разу не женственный ученик отступников чисто мужской походкой ворвался в комнату Норта, содрал с себя передник и принялся деловито, но совершенно непрофессионально пытаться вытирать пыль, приговаривая:

— Охохонюшки, грязи-то, грязи!

Я от изумления рот приоткрыла, Норт вспыхнул — практически в прямом смысле, покрывшись призрачным синеватым огнем, словно его облили спиртом, а после подожгли. Гобби выдал пантомиму на тему «Это конец», а ученик отступников, актер из которого был из рук вон никакой, подошел ко мне, сунул что-то со шкафа и приказал:

— На-ка, иди в мусор выброси, это явно гадость какая-то. — Это родовой браслет, древний, почти четыреста лет, бесценный артефакт!

Парень в женском одеянии пожал плечами, и мне доверительно прошептал:

— Я же говорю — гадость.

Единственное что я на это могла сказать, так это:

— Ты что здесь делаешь?!

Ответ сильно удивил:

— Ты в его комнату заявила, чтобы расплатиться за мое спасение, да?

Вообще в чем-то он был прав, но по факту:

— Нет, чтобы получить втык за то, что пользовалась... Призрачными гранями, да?

Ученик потрясенно кивнул, от чего женский парик сполз на лоб, а вот после его глаза округлились и он простонал:

— Призрачные грани, во имя Великой цели! Я не подумал! Риа, тысяча проклятых кинжалов, я же тебя в грани втянул!

И он посмотрел на меня с ужасом. Я на него с откровенным интересом. Ужас в его глазах сменился некоторым удивлением, после чего он протянул:

— Ну да, ты же наша, вот и реагируешь соответственно.

Я улыбнулся. Ученик в парике улыбнулся в ответ и хотел было что-то сказать, но в следующий миг вдруг стремительно поднялся в воздух и взрыв вылетел в окно. Уже там, за пределами дома Гаэр-аша завис на мгновение, удостоился ледяного «Свободен!» от Норта, и был вышвырнут силой за пределы ворот, упав где-то там, вне моей видимости.

После чего полуобнаженный Дастел преспокойно подойдя к окну закрыл створки, и взмахом руки запер дверь, отсекая нас от Гобби и прислуги, показавшейся в коридоре.

Потрясенной мне, мягко, опасно приближающийся Норт, с какой-то предвкушающей улыбкой, сообщил:

— Он приземлился в сугроб. Мягко и безопасно, это я тебе как целитель гарантирую.

Я было открыла рот, но не успела ничего сказать, как некромант, подойдя вплотную, хрипло произнес:

— Ты должна мне поцелуй, Риа. И вызвал я тебя конечно для втыка, но раз уж ты гарантировала оплату за мои услуги целителя, то будь добра выполнять взятые на себя обязательства.

И он посмотрел на меня. Требовательно и с решимостью сверкнувшей в глазах. Затем молча взял меня за руку, поднял ее и продолжая пристально смотреть мне в глаза, прижал раскрытую ладонь к своей груди. Прижал так, что я отчетливо ощутила и прикосновение к его коже, от чего безумно смутилась, и мощное биение его сердца. Все ускоряющееся биение.

И я замерла, перестав дышать и вовсе позабыв о том, что собиралась сказать... что-то возмущенное и правильное... точно правильное... совершенно точно...

Норт, все так же пристально глядя мне в глаза, не отрываясь от них ни на миг, потянулся за моей второй рукой, его пальцы скользнули по запястью, захватили в плен ладонь, неотвратно подняли и вновь раскрыв ладонь, прижали к его животу. Практически посередине, заставив ощутить и твердость мышц, и так же отдаленное гулкое биение сердца. И мир как-то разом сузился, словно во всей вселенной вдруг остались только мы с Нортом. Я, испуганно замершая, с непонятным, странным, охватывающим меня чувством, и он — терпеливо и неотвратно заставляющий ощутить его присутствие, его силу, его нарастающее биение сердца, словно он хотел сказать — оно бьется для тебя. Только для тебя. Всегда для тебя.

Я едва дышала. От нахлынувшей слабости вдруг закружилась голова и ноги ослабли, и почему-то я отчетливо понимала, что происходит что-то... что-то такое странное...

— Норт... — прошептала, пытаясь отступить.

Он удержал, все так же пристально глядя мне в глаза, и тихо произнес:

— Тшш. Я же ничего не делаю, так? — невольно кивнула, как зачарованная глядя на него. — И не сделаю, — продолжил Норт. — Успокойся, дыши глубже. Один маленький невинный поцелуй, и я тут же отпущу тебя. Всего лишь поцелуй, Риош, легкий и мимолетный. Ну же?

И очень медленно, так, словно боялся спугнуть, Дастел начал наклоняться ко мне, не отрывая взгляда от моих испуганных широко распахнутых глаз. И вероятно они распахнулись еще шире, когда, замерев на расстоянии дыхания от моих губ, Норт остановился, ожидая от меня исполнения договора.

И время словно остановилось...

Замерло, став тягучей жаркой патокой, в которой каждое движение давалось с невероятным трудом, и слышалось только мое дыхание и биение моего сердца...

Мгновение, второе, третье...

Внезапный щелчок на моем левом запястье, холод железа и тихо сказанное Нортом:

— Этот браслет мой подделавший внешность сына и мужа темный предок, надел на руку своей супруги в их первую и последнюю ночь, и, пожалуй, лишь он спас ее и дитя темного от расправы, когда вскрылся подлог. Это один из древнейших артефактов Темной империи, он сотни лет хранился в роду Веридан.

И Норт отступил от меня, а после и вовсе указал на дверь.

Все еще пребывающая в странном оцепенении я, лишь удивленно воззрилась на некроманта, намекая, что условия сделки не выполнены. И получила в ответ:

— Вечером поцелуешь.

— Почему вечером? — переспросила я.

— По трем причинам, — невозмутимо начал Дастел, подойдя к шкафу с одеждой и вынимая из него рубашку. — Причина номер один — я умею ждать, сокровище мое. Причина номер два — предвкушение стоит любого ожидания. И причина номер три, — он оглянулся, улыбнулся мне и протянул, — ты будешь думать обо мне весь оставшийся день хочешь ты того, или нет.

И натянув рубашку, Норт повторно указал мне на дверь, со словами:

— Время тренировки с Эдвином.

* * *

Тренировалась я... одна. Точнее, как одна — под присмотром сразу и ректора и Норта, и Дана, и Эдвина. Эти четверо сидели и обсуждали что-то с мрачной решимостью на лицах. И насколько я знала этих четверых — кому-то очень и очень не повезет в будущем. Причем, вероятно, в ближайшем будущем. И понимала я это все отчетливее, по мере того, как в четвертый раз пробегала мимо порога и на нем сидящих.

В момент пятой пробежки, Эдвин скомандовал:

— Боевое плетение Кейвен, мишень выползающее из-за забора умертвие! Натасканная им уже до такой степени, что реагировала автоматически, не задумываясь начала создавать плетение, встраивая в него плетение «Энг» и одновременно старательно ища то самое умертвие, по которому нужно было нанести удар.

И тут Норт сказал:

— Нет, котика убивать нельзя, у меня нет никакого желания лечить его повторно!

Осознав, о ком речь, сбилась с шага, заклинание ушло в остатки столба, искромсанного накануне ректором, и теперь добитого в щепки мной, а грязный, ободранный и злой ученик вечных прекратил ползти, и встал, выпрямившись во весь рост.

Во дворе дома Гаэр-аша воцарилась удивленная тишина.

— Та-ак, — недобро протянул ректор.

— Это вообще что? — поинтересовался Дан.

— Отступник, — холодно пояснил для него Эдвин. — Молодой, зеленый еще, но уже отступник. Вопрос в том, что он тут делает.

В следующий момент вопрос отпал — просто за пределами забора послышался перестук копыт и чей-то зычный голос:

— Отступник был здесь. Ищите!

Ученик вечных, все в том же платье прислуги, правда теперь жутко грязном и потрепанном, нервно глянул на ворота, затем стремительно подошел ко мне, и тихо, так чтобы остальные не услышали, проговорил:

— Не могу войти в Призрачные грани. Никак. Видимо последствия нарушения энергетических после ранения. Не получается связаться с нашими, а без них не покинуть город. Мне нужна помощь.

И он вопросительно посмотрел на меня.

— Да конечно, — поспешно ответила. — Что нужно сделать? Связаться с кем-то? Что передать?

Ученик открыл было рот, чтобы ответить и... и не смог. Попытался снова — и ничего не вышло. Его огромные черные глаза округлились, кадык судорожно дергался, несуразные длинные руки метнулись к шее и ослабленные опали, а во взгляде появился какой-то священный ужас. Испугавшись, я в ужасе метнулась к нему, ухватила за ледяные ладони, приподнимаясь на носочки и вглядываясь в его лицо, пытаюсь понять что происходит и...

— Девочка моя! — раздался ледяной, полный ярости голос ректора.

И я с нахлынувшим ужасом поняла, что происходит с учеником отступников.

Очень медленно повернула голову и через плечо посмотрела на лорда Гаэр-аша. Глава Некроса, пристально глядя на меня, зло спросил:

— Ты хотя бы иногда соображаешь, что делаешь?

Я промолчала, неожиданно ощутив нарастающее глухое раздражение.

«Прекрати раздражаться!» — раздался разъяренный приказ в моей голове.

А дальше откровенно взбешенное: «Да стоит тебе всего раз продемонстрировать отступникам, что ты доступна через Призрачные грани, и твою смерть можно считать свершившимся фактом! Риа, прекрати... Тьма, я даже не знаю, как не сорваться на ругательства! Прекрати совершать действия, не отдавая себе отчета в последствиях! Это опасно! Ты, Тьма тебя раздери, хоть сама соображаешь насколько?»

Холодный зимний ветер, завывая, ворвался во двор, коснулся ледяным холодным дыханием щеки, и не охладил ни на йоту. Меня все больше и

больше злила эта ситуация.

Не просто злила, внезапно я испытала настоящее бешенство! Ярость, которая всколыхнулась во мне волной жара!

И развернувшись к ректору всем телом, я, с трудом сдерживая гнев, закричала:

— Это мое дело! Моя жизнь! И последствия от моих действий тоже мои! Я... — с трудом заставила себя остановиться, осознав, что едва не проорала «Я вас ненавижу!»

Мне удалось остановиться лишь по одной причине — утверждение про ненависть было бы ложью. Ложью, которая, несомненно, причинила бы боль Гаэр-ашу, а я меньше всего хотела сделать ему больно опять... снова... в очередной раз. Нет, я не хотела этого, всей душой не хотела, несмотря на все, что было между нами. И я не понимала почему сорвалась, и откуда во мне столько гнева?

Но слова рвались откуда-то изнутри: злые, гневные, рванные, непонятные даже мне самой! Ярость душила, гнев стиснул спазмом горло, ладони сжались в кулаки и вдруг руки отозвались резкой болью. Не понимая, что происходит, я подняла руки и с изумлением увидела по четыре кровоточащих прокола на каждой ладони... Еще не понимая, глянула на ногти и... остолбенела. Они стали острыми. Вытянувшимися, светлыми и отливающими серебром.

Когти!

Это были когти!

— Ого, — потрясенно произнес ученик отступников, делая шаг ближе, и заинтересованно глядя на мои руки.

Я испуганно посмотрела на него, затем на ногти, заметила бесшумно приближающегося Гаэр-аша. Глава Некроса подошел, устало посмотрел мне в глаза, затем взял мою руку, поднес к губам и осторожно подул на пальцы, не отрывая взгляда от меня. А я с изумлением посмотрела на когти... они, словно успокоенные действиями ректора, медленно втянулись обратно, став совершенно обыкновенными ногтями... с серебристым оттенком, словно выкрашенные лаком.

— Успокоилась? — опуская, но не отпуская мою руку, спокойно поинтересовался лорд Гаэр-аш.

Я неуверенно кивнула.

— Хорошо, — взгляд его оставался все столь же пристальным. — В дом иди, и собирайся — нам выезжать через четверть часа.

Хотела было кивнуть повторно, повернуться и уйти, но вспомнила об ученике отступников. Ученике, вновь застывшего статуей и я прекрасно

понимала чьих рук это дело. Вот только имело ли смысл спорить? Глядя на Гаэр-аша отчетливо понимала — спором ничего не добьюсь.

— Не убивайте его, пожалуйста, — взмолилась я.

Взгляд ректора сделался еще более мрачным.

— Пожалуйста, — повторила, с мольбой глядя на главу Некроса.

И ощутила, как напряглась его удерживающая мою руку ладонь, заметила как окаменело все лицо, и потемнел взгляд. — Хорошо, — как-то с трудом проговорил Гаэр-аш, — его запрут в подвале, в одной из наиболее комфортных камер и продержат там в полной безопасности до нашего отъезда. Такой вариант тебя устраивает?

Нет. Но говорить я об этом не стала, только спросила:

— А что будет после нашего отъезда?

Резко выдохнув, ректор мрачно произнес:

— Раз тебе так дорог этот «котик», заберем с собой и выпустим за пределами седьмого королевства. Довольна?

Кивнула. Осторожно высвободила руку, развернулась и бегом бросилась ко входу. А вот перед ступеньками несколько притормозила — Дан стоял и смотрел на меня приоткрыв рот.

— Сядь и успокойся! — зло приказал Норт.

Который вообще на меня не смотрел. Как и Эдвин. Зато Дан, полностью проигнорировав приказ капитана нашей команды, выдохнул:

— Риа, ну ты... ты... ты дома сегодня посидеть не хочешь? И завтра! И знаешь, я бы на твоём месте, вообще всегда...

— Дан! — прорычал Эдвин.

Дан рухнул на ступеньки, старательно пытаюсь на меня не смотреть. Очень старательно. В то время как Норт и Эдвин отвернулись вовсе. И это... пугало это!

— Ребят, что с вами? — испуганно спросила я.

Норт не ответил вовсе, Эдвин зло приказал:

— Риа, уйди. Просто прямо сейчас уйди!

Я растерянно оглянулась — лорд Гаэр-аш тоже стоял, отвернувшись, и смотрел куда-то в сторону ворот, так же явно стараясь меня не замечать, и только ученик Вечных с интересом смотрел на меня, и некромантов, снова на меня. Судя по лихорадочно блестящим глазам, он был в чисто научном восторге от происходящего, а я просто ничего не могла понять.

— Норт, — шагнула к Дастелу, надеясь, что, хотя бы он объяснит.

И получила злое:

— Уйди!

Вздрогнув, сжалась, от накатывающей обиды. Опустила голову и

взбежав по лестнице, стремительно вошла в дом, прикрыла дверь и еще до того, как закрыла, услышала сказанное Нормом:

— Я сдохну.

Застыла, не понимая, что происходит. А происходило что-то совсем ненормальное, потому что Дан сказал:

— Слушай, ты, отступник, ты вообще ничего не почувствовал?

— Чувствую, — весело ответил парень. — Вас всех накрыло, когда запах ее крови почувствовали. И не только вас, кстати.

— В смысле? — глухо спросил Эдвин.

Что меня очень удивило в этой ситуации — ученик отступников вообще не испугался, да и с некромантами разговаривал, как с давними знакомыми, без страха и осторожности, совершенно открыто и свободно. И так же легко и свободно, он пояснил: — Собаки в городе притихли, слышите? В городе оборотни, и оборотни почуяв запах ее крови напряглись. Вообще, конечно, интересная кровь. Я бы поизучал, пока учитель занят.

И тут Гаэр-аш сказал:

— Я обеспечу тебя образцами и доступом к лаборатории. Иди к входу для прислуги, найди Дормена, пусть примет тебя в штат, обеспечит полагающейся твоему полу одеждой и комнатой в подвальном этаже. До нашего возвращения с игр из моего дома не высовываться. Потом сможешь взять кровь у Риаллин, перед боем ей явно ни грамма терять не стоит.

— Понял! — бодро и радостно ответил ученик. И тут же огорошил продолжением: — Только образцы крови лучше сейчас взять, Риа же с игр не вернется.

— В смысле? — разом переспросили и Норт, и Дан, и Эдвин.

Я вообще не дышала уже, а вечный несколько неуверенно спросил:

— Она вам не сказала? Ее убьют сегодня, если она на арену выйдет, я же ей говорил.

Вот после этого я шустро прикрыла дверь и помчалась куда глядят, только не в свою комнату, где меня сейчас, нутром чую, убивать будут.

Но я не успела даже до лестницы добежать, как позади распахнулась дверь и раздалось угрожающе-пугающее:

— Риаллин.

Я замерла, потом обернулась, с ужасом глядя на ректора и... Гаэр-аш внезапно отвел глаза, затем и вовсе развернулся и глухо приказал:

— Уйди.

И все?

Оказалось, что действительно все — глава Некроса молча вышел

обратно во двор, с грохотом закрыв двери. Я осталась в растерянности стоять на нижней ступеньке лестницы. Нет, мне не хотелось бы продолжать этот разговор, но вот узнать что происходит казалось уже жизненно важным.

Подавленная ситуацией, я молча поднялась по лестнице и увидела идущего по коридору сонного Заэна. Парень зевал и почесывал живот под полузастегнутой рубашкой... ровно до тех пор, пока не увидел меня.

Трансформация была мгновенной! Внезапно он ссутулился, как-то по звериному, затем подался всем корпусом вперед, с каким-то странным выражением вглядываясь в меня, а затем в коридоре прозвучало сдавленное и хриплое:

— Риа... ты такая... такая... красивая! От тебя глаз не оторвать... Риа, ты... — он стремительно подошел, рухнул на колени, и глядя на меня как на статую Темной богини, просипел: — Риа, ты станешь моей женой?

Его глаза лихорадочно блестели, руки дрожали, и весь вид выражал явно какое-то заболевание с повышенной температурой.

— Заэн, ты бредишь, — осторожно отступая, тихо сказала я.

Но словно вообще не услышав моих слов, он продолжил:

— Ты — такая!

Я отступила еще на шаг. Некромант, не поднимаясь, на коленях, придвинулся ближе, и продолжил нести бред: — Ты самая красивая! Самая желанная! Риа, ты настолько желанная, что у меня кровь грохочет в висках! Риа, ты должна...

— Заэн! — раздалось позади меня.

Парень вздрогнул, испуганно глядя на нагнавшего ректора, стремительно бледнея поднялся, посмотрел на меня еще раз лихорадочно и странно, и поспешил вниз, испуганно опустив голову.

Проводя его взглядом, я взглянула на Гаэр-аша и тихо спросила:

— Что происходит? Что с ним?

Не говоря ни слова, глава Некроса указал на дверь моей комнаты. Не став спорить, отправилась к себе, чувствуя спиной взгляд Гаэр-аша, вошла, он вошел следом, скомандовав:

— В ванную сходи и смой кровь с ладошек.

И уже находясь в ванной комнате, я услышала сказанное им Гобби:

— Объясни нашему сокровищу, что с кровью она доигралась. Основательно доигралась. Я теперь даже в Данниасе не уверен больше. Круг общения для нее я, Норт и Эдвин. Все. Нет, я объяснить не смогу, я на нее сейчас даже смотреть фактически не могу. Тяжело. Нужно успокоиться. Пусть использует один из маскирующих внешность

артефактов полу-эльфа. На игры вы с ней поедете в отдельной карете. Все, я ушел.

И он действительно ушел — я услышала, как захлопнулась дверь.

Выключила воду, вытирая ладони вошла в комнату, посмотрела на Гобби, задумчиво сидящего за столом. Умертвие, встретив меня напряженным взглядом, молча указало на стул, а едва я села, гoblin стремительно написал на листке, и развернул, позволяя прочесть всего одно слово:

«Бежать!»

— Что? — переспросила я.

Гобби изобразил вздох и торопливо дописал:

«Бежать нужно, немедленно, Риа».

Я удивленно посмотрела на него, и Габриэль торопливо написал:

«Расскажу тебе кое-что о легендарных кошках Хаоса, девочка моя. Их держали в клетках. Вечно. Золотых, очень комфортабельных, но клетках. Повторюсь — держали вечно. Ограничивая доступ к ним любых мужских особей».

И он выразительно посмотрел на меня, я все так же не понимающе смотрела на Гобби. И умертвие продолжил резким, но аккуратным и четким почерком:

«Хаос создал кошек слишком искушающими. Слишком. Для него это был всего лишь очередной забавный эксперимент, для племени Исандора — неизбежная гибель».

— Племя Исандора? Габриэль кивнул. И продолжил:

«Хаос не создал кошек с нуля, он взял имеющееся обособленное племя и добавил пламя страсти в их кровь. Я слышал, исандорские племена ничего не осознали, для них, внутри сложившегося социума, трансформация прошла незамеченной. Мужчины даже не заметили, что их женщины стали притягательные — для них их кошки и так были самыми прекрасными на свете. У исандорийцев существовало равноправие, и пары они создавали одну и на всю жизнь. Сильные воины, верные готовые сражаться к плечу с мужчинами жены, нежные заботливые матери, ценящие своих родителей дети... Они первыми встали на сторону Тьмы, видимо это и стало причиной жестокой расправы Хаоса. Кошки неизменно давали решительный отпор чужакам, что веками позволяло им сохранять независимость даже от дараев. Но пожирателей клана ХатГатан они считали если не друзьями, то как минимум союзниками. Это и стало началом конца».

Я читала по мере того, как Гобби писал, и едва перо в его руке

дрогнуло, поставив точку, подняла на умертвие вопросительный взгляд. Габриэль продолжил:

«Племя было не просто уничтожено — его фактически разодрали на части, едва по Мирам Хаоса разлетелся слух о невероятной притягательности исандорийских женщин. Женщин, одним взглядом сводивших с ума. Заполучить в гарем женщину-кошку стало навязчивым желанием каждого темного демона или лорда... А темные всегда добиваются своего. Неизменно!»

Он выразительно посмотрел на меня, затем продолжил:

«Сначала воровали женщин. Практически всех. Темные, подзадоренные слухами, слетались как воронье на павший труп. Потом сообразили, что девочки входят в силу с пробуждением крови — от семнадцати до двадцати пяти лет, и торговцы живым товаром своего не упустили. Мальчики и мужчины не интересовали никого, а остановить кражу своих женщин они не могли — что высшим демонам какой-то воин, пусть и смело бросающийся на защиту пары. Их отшвыривали как нашкодивших котят... Не убивая и не принимая всерьез. В результате жалкие остатки некогда гордого племени покинули исконные территории Исандоры и смешались с населением Миров Хаоса. Мужчины остаются мужчинами, мальчики вырастали, со временем они находили себе новую пару, но если рождались девочки...»

Гобби перестал писать, постукивая кончиком пера по бумаге, затем продолжил:

«Кошки в неволе не размножаются. В чреве их женщин зарождается жизнь лишь в том случае, если в сердце живет любовь... Но кошки способны помнить о зле как никто другой, и они помнили, не испытывая к своим похитителям ничего кроме ненависти. И как бы ни были демоны искусны и обходительны, практически никто не сумел обратить ненависть в любовь... Так вымерло племя легендарных Кошек Хаоса. Вымерло практически полностью. Несколько веков отдельные представители еще существовали, благодаря стараниям темных, но итог оказался закономерен — кошек не стало. И остается лишь удивляться тому, как получилось, что мать Проклятой Калиан являлась чистокровной кошкой. Истинной чистокровной кошкой, а значит ее родители были исандорийцами. Чистокровными, но едва ли воспитавшими свою дочь, иначе бы она не сбежала в Хешисаи и не стала женой советника императора. Женой, которая позволяла себе появляться без палатина в любом месте, вести светскую жизнь и наслаждаться свободой. Их было трое — кошка, русалка и волчица. Девушки, сбежавшие от озерных ведьм и избравшие себе парой

обычных людей. И они погибли все трое, плечом к плечу, когда перед лицом опасности оставили своих едва ли не новорожденных дочерей супругам, и ценой собственной жизни запечатали проход из Хаоса на территорию человеческой Хешисаи. Запечатали, на двадцать лет отсрочив гибель великой империи».

Я сидела едва дыша и потрясенно читала каждое слово.

Гобби дал мне все дочитать, и продолжил:

«Мать Калиан наслаждалась свободой вероятно по причине того, что ее красота была слишком экзотична в глазах человеческих мужчин. Но когда подросла полукровка Калиан, от постоянного мужского более чем внимания, ее не мог оградить сам принц Роан. Стоило пробудиться ее крови и кошка сводила с ума даже не взглядом или улыбкой — одним своим появлением. Всего лишь тем что вошла в комнату, залу, холл... вышла на площадь. И чем мужественнее был мужчина, тем сильнее на него влияло притяжение кошки. Но, понимаешь, с этим боролись. Все же Калиан была на половину дитя Хаоса, и мужчины воспринимали ее притягательность, как одну из способностей монстра... Ее влиянию пытались сопротивляться, считая желание к кошке постыдным».

Он выразительно посмотрел на меня, но я если честно не поняла намека, просто осознала, что он был.

И Гобби написал прямо: «Ты даже не полукровка. Ты абсолютно и полностью соответствуешь вкусам человеческих мужчин, а значит не будет в принципе никаких блокирующих факторов. Для них ты все равно что женщина исандорийского племени в Мирах Хаоса. Понимаешь?»

Я отрицательно покачала головой.

Зомби укоризненно посмотрел на меня и повторил уже ранее написанное:

«Нужно бежать. Сейчас, немедленно. К проклятым демонам все эти игры!»

— Куда бежать? — тихо спросила я.

«К нам! — незамедлительно ответил Гобби. — Риа, ты вернула мне сознание, даже оставаясь мертвым я уже полностью вошел в курс дел, император восстановил меня на прежней должности. Я второе лицо империи гоблинов, Риа, и в своей стране я сумею оградить тебя от всех, включая темных лордов, демонов и отступников. Более того, ты не соответствуешь вкусам гоблинов, ты даже не темная леди, а значит кровь кошки не доставит тебе никаких проблем. Девочка моя, это единственный выход!».

На это я лишь тихо заметила:

— Габриэль, вы пока что самое мертвое лицо империи гоблинов.

«Я это переживу, — стремительно написал он. — А вот гибель единственного человека, который не просто по-доброму ко мне отнесся, но и влез Тьма знает во что ради меня, вряд ли».

Я молчала, отчетливо осознавая, что никуда не сбегу... еще была надежда, что все это влияние крови и прочего не так чтобы настолько ужасно, и у меня есть Норт, Эдвин, Дан и лорд Гаэр-аш и... и планы отступников, которые глупо игнорировать и нужно что-то делать. Нужно определенно что-то делать, я вовсе не хочу, чтобы ребята погибли... С другой стороны, погибнуть на арене им вряд ли удастся — их Эль-таимы способны противостоять любой угрозе со стороны отступников. Просто любой. Да что говорить — эти артефакты оказались способны поглощать даже Тьму изначальную. Но вот темные лорды...

И тут Гобби громко постучал кончиком пера по столу, привлекая мое внимание. И едва я на него посмотрела, написал:

«Что опять?»

И вот что здорово, Гобби... даже теперь, когда он стал Габриэлем, я могла честно сказать, о том, что тревожит.

— Что может противостоять магии темных лордов?

«Огонь», — просто написал зомби.

А ведь я почти догадалась. Действительно, что еще мог противопоставить темным всадникам Орден огня, кроме того, чем владел в совершенстве. Так значит огонь...

— Ъыы! — привлек мое ускользающее внимание Гобби.

И едва я на него посмотрела, быстро написал:

«Риа, это серьезно!»

На это я могла ответить лишь одно:

— После мертвых игр. Не раньше.

Он посмотрел на меня долгим взглядом умных мертвых глаз и написал:

«Риа, я не уверен, что для тебя будет «после» этих игр». Я промолчала и тогда зомби продолжил писать:

«Тадор не рассчитывал, что ты останешься среди людей. Могу лишь предполагать, что с ним произошло, но абсолютно уверен — менее всего он хотел бы, чтобы твоя кровь проснулась здесь, среди тех, кто инстинктивно среагирует на ее проявление».

— Габриэль, — я устало посмотрела на него и честно ответила: — Моя кровь это только часть проблемы... ее незначительная часть. Во главе угла все же стоит твое оживление и жизнь парней.

На это Гобби изобразил один вопросительный знак.

Посмотрев на листок, я перевела взгляд на Гобби и начала рассказывать. Об Эль-таиме его высочества, и той душе, что была заключена в нем. О предательстве артефакторов, что действовали в соответствии с планом отступников. Когда начала рассказывать о том, что произошло вчера в карете, когда мы с ребятами выяснили, что единственным наследником всех четырех являлся ректор, Гобби вскочил и начал нервно прохаживаться из угла в угол. Я понимала его нервозность — вчера отвлеклась на ведьмочек и создание артефакта для их защиты, а уже сегодня неотвратимо накатывало осознание всего масштаба случившегося.

Внезапно Гобби подошел, встал возле меня и торопливо написал:

«Приход Рханэ сегодня на рассвете связан с подозрениями в отношении Гаэр-аша?»

Я кивнула.

После добавила, что призрак матера-артефактора Дамитруса прямо указав на ректора, заявил: «Это все он! Его цель — главенство в человеческих королевствах! План, они создали план! Королевства падут! Единая империя поглотит все! И на троне будет сидеть темный лорд и его Кошка!»

Габриэль застыл, потрясенно глядя на меня, затем вернувшись к своему месту сел, и начал торопливо писать:

«Министр Рханэ один из умнейших людей современности. Он благороден и достаточно силен, для того чтобы никогда не прибегать к ударам в спину, а это единственное чего мог бы опасаться глава Некроса. Более того — в данный момент в седьмом королевстве практически правит триумvirат: король, наследный принц Танаэш и сам Рханэ. То есть решения уровня устранения пусть даже потенциального врага, он будет принимать не один. На твоей стороне и соответственно стороне Гаэр-аша принц Танаэш. Мой опыт и интуиция позволяют уверенно утверждать, что ни провокаций, ни гонений со стороны правительства седьмого королевства не последует».

Если честно — меня это успокоило. Однако гоблин продолжил:

«Но и обезопасить себя братья Рханэ будут обязаны, и вероятно Гаэр-ашу, как твоему опекуну, предложат заключить брак».

Я непонимающе посмотрела на него.

«Твой брак, — пояснил гоблин, — с их кандидатом. И главе Некроса придется дать согласие».

— Нет! — воскликнула я.

«Гаэр-ашу придется дать согласие! — безапелляционно повторил

написанное Габриэль. — Высокая политика это часто компромиссы идущие вразрез с убеждениями, желаниями и планами. Гаэр-аш сможет перебирать их кандидатов, отмечая как неподходящих его воспитаннице, но, если, к примеру, будет выставлена кандидатура младшего принца... Высокая политика, Риа, здесь все сложно».

Он посмотрел на меня и продолжил:

«Именно поэтому я и настаиваю на нашем немедленном побеге. Сейчас, пока ни Гаэр-аш ни Рханэ не осознали моих возможностей, пока они не воспринимают меня всерьез». И все же я не была согласна с его предположением, и заметила:

— Но, Норт...

«Тебя никто не оставит в четвертом королевстве!» — размашисто написал Габриэль.

И на мой вопросительный взгляд пояснил:

«Риа, проблематика заключена в связке «темный лорд и его кошка». И в данной связке не так страшен темный лорд, как опасна кошка. Пойми, темные лорды это реальность, вот они, рядом совсем, целая империя. А кто такие кошки неясно! Более чем уверен — сейчас Рханэ спешно поднимает архивы и ищет все, что возможно найти именно о легендарных кошках Хаоса. А они были способны на многое, Риа, к примеру, открывать прямой путь в Ад, или обращать живых в послушных воле мертвецов!»

И я ощутила тревожный холодок по спине. «Обращать живых в послушных воле мертвецов» — не это ли и называется Магией смерти?!

— Ыы! — позвал Гобби, едва я, простонав, спрятала лицо в ладонях.

Я не слушала. И не ответила. Мне было страшно и тошно. Страшно от того, скольким людям я могу навредить, тошно ощущать себя чудовищем... О, дядя Тадор, если бы ты спросил меня, если бы хотя бы на секундочку спросил меня, а хочу ли я стать носительницей измененной крови... Если бы...

— Ыыы! — Габриэль подошел и коснулся моего плеча, пытаясь поддержать и приободрить.

Мне бы побольше информации об этой Магии смерти. Как можно больше, мне бы...

И тут Гобби отвел одну ладонь от моего лица, заставив посмотреть на него, и написал:

«Я знаком с целым магистром Смерти, и ни разу мне не доводилось слышать о том, что он обращал живых в послушную армию умертвий. Хотя...»

Габриэль чуть скривился. А я удивленно спросила:

— И что? Его никто не преследует?

«Эээ... — несколько неуверенно написал зомби, — понимаешь, я бы сильно не позавидовал тому, кто рискнул бы его преследовать... Или, к примеру, встать у него на дороге... Или попытаться тронуть то, что он считает своим... Да что говорить, Блаэды с младенчества свободно передвигаются по Мирам Хаоса и дело совершенно не в том, кто их отец — все до одури опасаются дядю...»

И тут Гобби перестал писать. Посмотрел на меня в ужасе, потом на то, что вывел, снова на меня и размашисто приписал:

«Бежать!»

— Почему так сразу? — не поняла я.

«Потому что, девочка моя, вчера во время боя средних Блаэдов едва не ранили. Не убили бы, вампиров этого клана в принципе сложно убить, но могли ранить... И я догадываюсь, что домовые уже донесли об этом Благодати Никаноровне. И если сама ведьма не опасна, то вот ОН!»

— Кто «он», Габриэль? — тихо спросила я.

В следующий миг гоблин схватил исписанные в процессе нашего разговора листки и с ними ушел в ванную. Там послышался трески разрываемой бумаги, а следом шум воды, в которой зомби все это размочил. Потому что после истории с огненными саламандрами, видимо уже не доверял дело уничтожения писем огню... И тут я вспомнила про Салли и Пауля и порадовалась, что у них там явно все хорошо, не то что у нас здесь. Раздался стук в дверь.

Я повернулась, ожидая, что сейчас кто-нибудь войдет, но... дверь так и осталась на месте, хотя ручку опустили и явно сжимали с той стороны. Затем раздался голос Эдвина:

— Риа, через пять минут выезжаем.

И такое ощущение, что он продолжал стоять там.

— Эдвин, — позвала я.

Ручку отпустили. Потом раздался глухой удар, словно кулаком саданули в стену, и... он мне не ответил. Он вообще не ответил. Он молча ушел.

Мое сердце сжало тревогой. Еще не осознанной, смутной, и в то же время жуткой.

— У ребят ведь это пройдет, да? — тихо спросила я.

«Не уверен», — написал Гобби.

Не хочу об этом думать... Не хочу! Не буду... Но безумно было страшно и как-то больно на душе... нет, я не скажу, что мне нравилась порой совершеннейшая бесцеремонность некромантов, но и вот так, это

как-то жестоко.

«Время», — написал зомби.

— Раздевайся, — попросила я.

Умертвие безропотно расстегнул и снял сюртук, затем рубашку, после сорочку. Под черной шелковой сорочкой на груди сияла здоровым серым цветом совершенно живая кожа. Я честно говоря, обнаружив ее вчера, опасалась, что к утру могут быть изменения, в том плане, что кожа потеряет свежесть, или повредится, или... Но нет, руны Хешисаи работали исправно, распределяя и поддерживая энергетический баланс, по паутинке шелковых нитей транслируемый артефактом Кхада. И все бы хорошо, да вообще почти идеально, вот только живой кожа была лишь там, где достигало плетение, а вот ладони, шея, голова... И как можно покрыть все это, не привлекая внимания? Ну допустим паутиной из шелковой нити ладони можно прикрыть перчатками, шею — шейным платком, но что делать с головой?

Габриэль отошел к столу и вернулся с надписью:

«Время».

Кивнув, я медленно опустилась на пол перед умертвием, задумчиво на него глядя. Создать плетение и придать ему невидимость? Увидят, там же маги везде, причем высокого уровня. Взять прозрачную нить? Вариант, но... измененная нежить на бои не допускается, а у меня и так Гобби уже основательно изменен, и если об этом узнают... Что же делать?

Гобби снова показал на надпись «Время».

Знаю, знаю... время...

В общем и целом на данный момент я не видела проблемы в том, что не все кожное покрытие Габриэля вернулось к жизни, в принципе так было даже лучше, учитывая, что без восстановления всего организма у кожи все равно не было шансов. А для восстановления всего организма требовалось еще минимум три, максимум пять боев. Но что-то внутри на грани интуиции требовало принятия мер сейчас, не откладывая. Даже не знаю, что.

— Риа, — раздалось за дверью.

— Дан, еще пять минут, — крикнула, не поднимаясь. Из коридора раздалось задумчивое:

— Меня охватывает странное желание выломать эту дверь... Хм. Рий, у тебя духи новые?

— Нннет, — напряженно ответила я.

— Хм... прическа?

— Я и вчера с ней была, — ответила после некоторого раздумья.

— Слушай, но желание выломать эту проклятую дверь, оно же откуда-то взялось! — возмущенно заявил Дан.

Потом, помолчав, поинтересовался:

— Может белье эльфийское?

Я промолчала.

— Ну такое, знаешь, которое толком не зримое и с поддерживающим все ваши прелести эффектом, а выглядит так как клочок невесомого кружева. Знаешь, если оно на тебе, это многое бы объяснило!

— Дан, просто уйди! — попросила раздраженно.

— Только психовать не надо, ладно? — выкрикнул он. — Это вообще все началось после того, как ты стала нервничать!

Спорить не стала.

— Пора ехать в общем, — сказал Дан и ушел.

Я осталась сидеть на полу, продолжая смотреть на Гобби... в смысле Габриэля и думать, что делать. Что же мне в принципе делать... В голову не приходило ничего путного, кроме пожалуй одной странной мысли — носитель измененной крови способен вернуть жизнь умершему тремя последними каплями своей крови. Три последние капли крови... И решила, что, если ученик вечных прав и смерть меня сегодня догонит, позову Гобби и отдам ему три последние капли. В любом случае лучше такой план, чем никакого. Хотя сказанное Даном про эльфийское белье заставило задуматься.

* * *

Из комнаты я выходила на ходу застегивая мантию и в очередной раз поблагодарив Габриэля за поход к полуэльфу. На мне был теплый тренировочный черный костюм от Илланиэля, поверх мантия-сплошной тьмы, которая и сейчас сохраняла вид усековенного мрака. С прической разобралась за мгновение — вколола заколку и теперь у меня был высоко собранный хвост и челка, которую я расчесала отдельно, предусмотрительно позаботившись о возможности колдовать для себя. Мое умертвие шло следом повязывая щегольский платок на шее.

В коридоре мы никого не встретили, и как оказалось причиной тому было всеобщее ожидание нас во дворе замка. Некроманты нашей команды в непроницаемо обсидиановых мантиях стояли у нашей черной кареты, адепты Сирилана. Но если двое оставшихся в живых после вчерашнего боя стояли спокойно, то Заэна трясло. И я понимала почему — ему пришлось

встать на замену убитого игрока, ему явно не по себе от этого...

Так я думала. Но стоило Заэну увидеть меня и стало ясно — именно я и являюсь причиной его состояния. И едва наши глаза встретились, парня затрясло сильнее. И как в лихорадке, некромант сделал шаг ко мне, чтобы остановиться как от удара, едва Гаэр-аш крикнул:

— По каретам! Я настороженно оторвала взгляд от застывшего Заэна, взглянула на ректора, стоявшего рядом с нашими парнями и не встретила больше ни с чьим взглядом. Эдвин, Дан и Норт стояли, глядя себе под ноги, лорд Гаэр-аш испепелял взглядом отказывающегося подчиниться адепта. А затем Дастел глухо произнес:

— Я поеду с Рией. Так безопаснее.

Повернулся, и все так же не глядя на меня и продолжая изучать землю, Норт подошел к лестнице, протянул мне руку. Очень медленно, напряженно глядя на него, я спустилась по ступенькам, вложила дрожащие пальцы в его ладонь и слышала судорожных выдох некроманта. А затем и явственный скрежет зубов.

И все же он довел меня до кареты, так ни разу и не взглянув, распахнул дверцу, помог подняться и...

— Прости, я не могу. Поедешь с Гобби, — произнес хриплым сдавленным голосом.

От его слов стало так больно.

— Почему? — спросила едва слышно, сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Тебе лучше не знать! — прозвучал безапелляционный ответ.

И Норт ушел. Не оглядываясь. Не взглянув на меня... И то сжимая, то разжимая ту руку, которой прикоснулся ко мне... Да когда же это кончится?!

Я забила вглубь кареты, и сжавшись сидела там, ожидая выезда. На душе было так горько... Не стоило, ох и не стоило мне злиться на ректора! Да пусть он хоть трижды неправ, но лучше бы я промолчала! Лучше бы эти когти не показывались! Лучше бы...

Послышался звук открываемых ворот. Потом в мою карету забрался Габриэль. Сел напротив. Посмотрел на меня и достав из кармана тончайший черный шелковый платок, протянул мне. Тихо поблагодарив, вытерла ресницы и посмотрев в окно, проследила за тем, как выехала первая карета с игроками академии прикладной магии. На ее крыше тоскливо сидел умный дракон с черным бриллиантом на голове, который обмазали глиной, маскируя драгоценный камень. Дракон явно в боях участвовать не хотел... Впрочем как и остальные игроки этой команды —

вчерашняя смерть отбила всяческие амбиции.

Внезапно дверца нашей с Гобби кареты распахнулась, в нее рывком вошел ректор и сев рядом, отдал мысленный приказ запряженной нежити. Кони тронули. Я настороженно искоса взглянула на Гаэр-аша.

— Да, я хотел бы сейчас находиться как можно дальше, но говоря откровенно — твое притяжение кошки ничто в сравнении с тем, что я к тебе же испытывал, становясь, как ты образно выразилась, чудовищем.

В его тоне отлично почувствовалась насмешка, но я даже не стала ничего говорить в ответ, просто радуясь тому, что хоть кто-то может находиться в моем присутствии кроме Гобби и... и похоже ученика вечных. Видимо уловив отголосок моих мыслей, глава Некроса произнес:

— Вероятно да — влияние кошки не воздействует на отступников. Вероятно поэтому Тадор и влил ее в тебя — даже не предполагал, что это станет для тебя проблемой такого уровня.

Грустно кивнув, я тихо спросила:

— Парням легче станет?

Удостоив меня усталым взглядом, Гаэр-аш честно ответил:

— Я не знаю, Риаллин.

Он помолчал и добавил: — Насколько я понимаю, все трое среагировали на твою кровь. Запах крови. Я бы предположил, что дело в той эмоциональной вспышке, что ты себе позволила, но мы оба видели, что стало с Заэном, когда он ощутил запах твоей крови. По здравому размышлению могу предположить, что парней все же отпустит. Вопрос лишь в том, надолго ли?

— В смысле? — испуганно замерла я.

— В смысле, — и взгляд ректора сверкнул огнем в полумраке кареты, — та кровь, что ты нам невольно продемонстрировала, оказалась вовсе не менструальной, и как выяснилось — принадлежала «котику».

Он вдруг посмотрел на Гобби и с усмешкой произнес:

— Умертвие, ты даешь на редкость точные прозвища. Липкие до невероятности. Ученик отступников назвал нам свое имя, но его не запомнил даже я, парень прочно стал «котиком».

Гобби ухмыльнулся.

Ректор же вернулся к поднятой теме и гораздо тише добавил:

— Так вот, это была не менструальная кровь, соответственно сегодняшняя вспышка оказалась разовой, но уже можно прогнозировать те изменения, что начнутся, когда ты станешь девушкой. И прогнозы не радуют.

Я замерла.

— На сегодняшний момент, — продолжил Гаэр-аш, — можно ожидать повышенного внимания к тебе, но ты и так не была им обделена. Твоя главная задача — никаких ранений. Но даже если что-то произойдет, опасаться не стоит — я рядом. Парни возьмут себя в руки, они воины, все трое, железный самоконтроль в них вырабатывали с раннего детства. Да, им не просто, но переживут. Самая крепкая сталь — закаленная, и у них сейчас своеобразная закалка железного самоконтроля, им даже на пользу пойдет.

Вконец расстроенная я, тихо прошептала:

— Вы так говорите, словно все к лучшему.

На меня вновь внимательно посмотрели и глава Некроса произнес:

— Риаллин, я уже говорил: расклад в мире таков, что женщины создают проблемы — мужчины их решают, становясь сильнее, решительнее, выносливее. Так задумано природой. Кстати, хочешь узнать, откуда в тебе кровь Проклятой Калиан?

Я кивнула.

— Ее готовили для Кеалир, — откинувшись на спинку кареты, начал рассказывать Гаэр-аш. — Я уже не особо помню детали наших отношений, но видимо в какой-то момент моя невеста попыталась манипулировать мной и натолкнулась на жесткое «нет». Когда отступникам стало известно об этом, они осознали, что никакого влияния на меня Кеалир не имеет, возможно решили, что девушка мне надоела, я считался ветренным в те годы, и перешли к плану номер два — достали хран с заветной кровью проклятой кошки. Знаешь, чем ценятся кошки?

Отрицательно покачала головой. Гобби сегодня многое о них рассказал, но по факту я даже не солгала ректору, действительно не знала, в чем их ценность.

— Они не надоедают, — посмотрев на меня, пояснил ректор Некроса. — Никогда. Кошки изменчивы, игривы, поговаривают, что ненасытны и вызывают такую же ненасытность в своем партнере. Рядом с ними каждый ощущает себя — едва ли не богом. Существует ли что-либо более опьяняющее для мужчин? Сомневаюсь. Отступники не сомневались так же.

Гаэр-аш помолчал, глядя в окно кареты, и продолжил: — Они рассчитывали, что кровь кошки сделает то, что не сумела сделать сама Кеалир — пробудит во мне темного лорда. Темного лорда, полностью покорного своей Кошке. Неплохой план, должен признать, но они не учли одного маленького нюанса — отношения Тадора к тебе. Шерарн, получив заветный хран с кровью и приказ начать работу с Кеалир, оценил совсем

иные качества данного подарка судьбы. Он запросил копии летописей тех лет, в которых жила Проклятая Кошка, затем изучил период жизни ее матери. И интересовало его вовсе не то влияние, которое кошки способны оказывать на мужчин, он заинтересовался магией Смерти. Заинтересовался по одной единственной причине — он хотел обеспечить твою безопасность. Видимо уже на тот момент оценил тебя как артефактора, осознал, что перед ним редкий талант. А кому как не ему знать, что происходит с на редкость талантливыми артефакторами.

Лорд Гаэр-аш грустно улыбнулся и продолжил:

— Как видишь, я ошибался в Тадоре. Я, как и отступники, исключил такой важный фактор как любовь. Просто не принял его в расчёт. И напрасно. Шерарн не стал работать с Кеалир. Он тянул, отписывался посланиями вроде «мне требуется еще время», и спешно менял твою кровь.

Ректор замолчал на мгновение, затем тихо добавил:

— Дознатель Нордаш был убежден, что трупы, коими наполнили подвалы дома Шерарна, добывал он сам.

Я затаила дыхание, боясь даже спрашивать.

Гаэр-аш бросил на меня насмешливый взгляд и сказал:

— Можешь дышать, трупы не его рук дело.

— Правда?! — с надеждой переспросила я.

— Их готовили для замены слуг в королевском дворце. Подбирали по физическим параметрам, возрасту, месту происхождения. На тот момент, когда дознаватели обнаружили тела они были еще живы, просто погружены в сон. Но с нарушением периметра... Впрочем, мы не об этом.

С нарушением периметра они погибли! Все. В единый миг. О Тьма...

— Риаллин, это случилось много лет назад и уж точно не повод для слез! — резко произнес ректор.

— Я не плачу, — тихо возразила ему.

— Я вижу!

Он помолчал, затем сухо выговорил:

— У тебя впереди бой. Думай об этом. Или как минимум о том, что отныне ты самый притягательный объект для воздыханий. Полагаю, мне стоит заготовить несколько мусорных бочек для всей той флорообразной гадости которой тебя завалят, а тебе морально быть готовой выслушивать признания.

— Какие признания? — переспросила, ничего не понимая.

Ректор повернулся, с усмешкой посмотрел на меня и ответил:

— В любви, Риаллин. В пылкой, чистой, высокой и утонченной любви...

Он усмехнулся, все так же глядя на меня, и протянул руку к дверце кареты, еще до того, как экипаж остановился.

«Команда Некроса!» — раздался голос одной из ведьмочек, разнесшийся магией над встречающей игроков толпой.

Гаэр-аш вышел первым, следом за ним Гобби, а после уже я, опираясь на поданную опекуном затянутую в черную перчатку руку. Посетители игр встретили криками и овациями, от шума, света ясного зимнего неба, и ледяного впившегося в кожу холодного ветра я на миг зажмурилась, а когда проморгавшись открыла глаза, услышала иступленное:

— Риа, я люблю тебя!

Опешив, потрясенно воззрилась на Инара, растолкавшего толпу, едва ли заметившего ректора, налетевшего на меня, сжавшего в объятиях и зашептавшего:

— Ты самая лучшая! Самая потрясающая! Самая невероятная! Самая удивительная! Я тебя реально сейчас люблю больше чем мать родную!

«Тьма, пожалуйста, пусть это будет шутка... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» — мысленно взмолилась я.

«Я не Тьма, видимо в связи с этим все еще размышляю, вмешаться или не стоит» — раздался в моей насмешливый голос Гаэр-аша.

И меня это так возмутило, что я попыталась повернуть голову и хотя бы на выражение лица главы Некроса посмотреть. Но Инар не дал. Обхватив ладонями мое лицо, он заставил смотреть на себя и торопливо выговорил:

— В общем так, малышка, если когда-нибудь, что-нибудь, пусть самое противозаконное или даже если там к оступникам смотаться придется — обращайся, я весь твой! Да что я, за мной с полсотни боевых магов пойдут и весь мой клан... — тут он замялся, чуть скривился, и добавил: — Ну, клан еще не мой, но месяца через полтора, будет мой как миленький, никуда не денется. Ты главное уясни, если что, я для тебя и преисподнюю вверх дном переверну. Уяснила?

Я потрясенно кивнула.

— Обожаю тебя, — с нежностью произнес Инар. — Просто обожаю, ты лучшая! Ученику сама знаешь кого привет.

И с этими словами боевой маг в красном бархатном плащекрутанулсЯ и гордо пошел через расступающийся, шокированный не менее чем я народ.

Около секунды я потрясенно смотрела ему вслед, после повернулась и посмотрела на ректора — выражение лица Гаэр-аша мне совершенно не понравилось. Гобби выглядел едва ли более довольным, а едва поймал мой

взгляд, одними губами произнес: «Я говорил». Что именно говорил я спросить никак не могла, а очень хотелось.

Но вот что могла, так это тихо заметить:

— Знаете, я не слишком против подобных признаний в любви.

Гаэр-аш мрачно взглянул на меня, и ледяным тоном произнес:

— Это не было признанием в любви, Риаллин. Это было спонтанное и крайне эмоциональное выражение признательности. И вот мне очень хотелось бы знать, признательности за что... Надеюсь, ты просто сделала для него артефакт?

— Нет, — прошептала я, — не делала.

— Я опасался это услышать, — проговорил ректор и подал мне руку. Я не была в платье, да и не на каблуках, и поэтому вполне могла пройти сама, но вместо этого покорно ухватила опекуна под локоть и придерживая мантию, поспешила за ним, пытаясь приноровиться к быстрым уверенным шагам главы Некроса. Неимоверно злого главы Некроса... и больше всего расстраивала мысль, что во всех его неприятностях сейчас виновата я. Я призвала дух убитого артефактора вчера в карете, и он фактически обвинил ректора в заговоре. Я же сегодня вызвала его повторно, и... и в итоге сейчас именно Гаэр-аш для седьмого королевства первый враг. И это действительно моя вина.

— Простите, — прошептала, когда мы начали подниматься по сходням в зал для игроков.

— Тебе не за что просить прощения, — отозвался Гаэр-аш.

Было за что, и я это отчетливо понимала.

И было за что быть благодарной — ректор не оставил меня, он шел рядом, он был рядом, он даже разговаривал вполне свободно, несмотря на то, что я почти физически ощущала его напряжение. Невольно вспомнила совершенно ровно сказанное им «Твое притяжение кошки ничто в сравнении с тем, что я к тебе же испытывал, становясь, как ты образно выразилась, чудовищем». Я с ужасом вспомнила тот тяжелый разговор в запретной библиотеке, его поведение, ярость и злость... и желание Гаэр-аша ко мне. Желание, которое, как оказалось, сжигало его тогда изнутри вместе с просыпающимся пламенем темного лорда.

И внезапно с ужасом подумала — это я пробудила в нем темного лорда! Я... точнее та кровь Проклятой Калиан, что течет по моим венам... То есть план вечных, он по факту удался ведь...

«Не удался, — раздалось в моей голове. — Прекрати страдать по надуманным поводам».

— Проблемы с министром Рханэ повод не надуманный, — тихо

возразила ему.

— Я мужчина, я разберусь сам, — резко ответили Гаэр-аш.

Затем сухо добавил:

— И не смей вмешиваться, или каким-либо образом пытаться мне «помочь».

Вздрогнув от его тона, я даже не стала ничего отвечать.

А затем уже и не могла — мы поднялись в зал, где уже собрались большинство из игроков и, лично по мою душу, около сорока слетевшихся посмотреть на последнюю Легендарную Кошку магов. И именно они первыми повели себя странно.

Более чем странно.

Стоило только нам с ректором войти, как вся эта толпа в мантиях, очень медленно, как в кошмарном сне, повернулась, пристально вглядываясь в меня. Пристально. Изучающе. Напряженно. У некоторых из них глаза вмиг заполнились тьмой, словно в них впрыснули черные чернила, двое из магов хищно оскалились, и это выглядело столь жутко, что я с трудом подавила порыв спрятаться за широкую спину Гаэр-аша. И как выяснилось, поступила верно.

«Веди себя спокойно, псы и их подобия слишком хорошо чувствуют страх».

Псы и их подобия?! Я как-то сразу поняла, что подобиями псов глава Некроса назвал магов, но вот псы...

А потом я увидела их. Эти трое стояли чуть в отдалении от скопления продолжающих испепелять меня взглядами магов, и сильно отличались практически от всех присутствующих мускулистым телосложением и полнейшим отсутствием теплой одежды. Оборотни в принципе прекрасно регулируют теплообмен своего тела, и потому я не удивилась тому, что все трое находились лишь в легких коричневых туниках. Удивилась скорее их присутствию на играх. И тому, что целью их визита, похоже была я.

И их цель явно была достигнута.

Оборотни пристально посмотрели на меня, втягивая носом воздух, затем их взгляд переместился на Гаэр-аша и все трое едва заметно, но обнажили клыки... Еще один, полный обещания грядущих неприятностей взгляд на меня, а затем оборотни слаженно развернулись и покинули зал для игроков через второй выход.

«Они не проблема, — холодно произнес Гаэр-аш».

— А зачем они вообще пришли?

— Проверить свои подозрения, — уже вслух ответил ректор. Посмотрел на меня и добавил: — Риаллин, ни один клан оборотней не

рискнет связаться со мной.

— А маги? — тут же спросила я.

И получила ответ:

— Попытаются и поймут то, что уже уяснили оборотни.

И в этот миг меня охватило странное чувство тепла, нежности, словно порыв теплого ветра прикоснулся к моей щеке, и почти сразу услышала голос Норта:

«Сокровище мое, скажи Артану, что мы немного задержимся».

— Хорошо, — вслух прошептала я.

И чувство окутывающего тепла отпустило.

— Что «хорошо»? — мгновенно переспросил лорд Гаэр-аш.

— Нннорт просил передать вам, что они немного задерживаются.

Ректор сдержанно улыбнулся, и провел меня чуть в сторону от входа. Я так понимаю, он ждал остальных наших, теперь же понял, что ожидание продолжится несколько дольше, чем рассчитывал. И при всем этом, глава Некроса продолжал улыбаться.

— В чем дело? — напряженно спросила я, пытаясь понять причины этой улыбки.

— Ничего, — с насмешкой поглядывая на магов, отозвался Гаэр-аш.

— Сссовсем ничего? — спросила я с подозрением.

— Практически, — отозвался ректор. И насмешливо добавил: — Практически ничего не останется от оборотней.

И снаружи вдруг послышались какие-то крики, шум, истеричный женский визг и грохот ломаемых досок. Практически сразу все стихло... На миг. Затем вновь послышались крики, усиливающийся грохот и зарычала Яда, которая поднялась в зал вместе с нами, Гобби и Когтем.

— Сидеть, — не оборачиваясь приказал ей Гаэр-аш.

Гештьяра занервничала, и после секундных раздумий, направилась ко мне за успокоением. Рассеянно погладив протянутую голову, я тем не менее прислушивалась к происходящему снаружи, затем нервно уточнила:

— Там всего трое оборотней, ведь так?

— Будь их трое, Норт не сообщал бы о задержке, — логично ответил ректор.

Следующим за порцией успокоения ко мне потянулся Коготь. Боевая нежить ощущала хозяев, и сейчас с трудом сдерживалась, чтобы не присоединиться к схватке.

— Слушайте, но у нас же бой, — поглаживая уже одновременно и мурлыкающую Яду, и сопящего Когтя, напомнила я.

Задумчиво взглянув на меня, глава Некроса на миг задумался, затем

посмотрел на магов, все так же уделяющих все свое внимание исключительно мне, и покачивая головой произнес:

— Нет, я тебя не оставлю. Снедаемая тревогой за ребят, я возмущенно спросила:

— А вы полагаете, здесь, на глазах у всех, со мной может что-нибудь страшное произойти?

Одарив меня насмешливым взглядом, Гаэр-аш наставительно сказал:

— Запомни, девочка моя, самые страшные вещи обычно происходят на глазах у всех.

И вдруг внезапно напрягся, глядя поверх меня. Нет, это не прослеживалось даже в позе, просто в зрачках отразились язычки синего пламени. Я испуганно обернулась и не сдержала вскрика — позади меня, шипя и угрожающе раскрыв капюшон возвышалась огромная черная змея.

— Хаммана! — выдохнула с облегчением.

— Ссс! — ответил мне пустынный монстр, после чего змея радостно устроила свою голову у меня на плече, и продолжила свое жалобное: — Ссс...

Я погладила и ее, мне было не жалко. Когтю и Яде точно жалко, а мне нет, змею было в чем-то даже жаль, особенно когда на весь зал раздалось взбешенное:

— Хаммана!

И капитан команды АнМора, разъяренный как пустынный демон направился к нам, едва ли не расталкивая всех с пути. Его раскосые черные глаза метали молнии, руки были сжаты в кулаки, браслет для управления нежитью раскалился до красна, взгляд был направлен на испуганно сжавшуюся змею, а затем перешел на меня...

И Аббар Джуд остановился так резко, словно налетел на какую-то невидимую преграду! До нас было шагов пять еще, но он застыл, потрясенно глядя на меня, и его черные глаза ошеломленно расширились.

— Как мило, — едко произнес ректор, — в АнМора протащили полудемона.

Парень вздрогнул, перевел взгляд на Гаэр-аша и хрипло ответил:

— Во мне лишь одна восьмая демонической крови, правилами академии не запрещено.

А затем снова посмотрел на меня. Очень пристально, изучающе, и так, что казалось под его взглядом нагревалась моя кожа.

— Я могу счесть оскорбительным подобное внимание к моей воспитаннице, — лениво, чуть растягивая слова, произнес Гаэр-аш.

Аббар Джуд отреагировал полуусмешкой, а затем галантно

поклонившись мне, сказал:

— Прошу простить меня за прежние резкие слова, прекраснейшая.

И рыкнув на Хамману так, что змея стремительно уползла к нему, гордо удалился.

В полнейшей растерянности, я вопросительно посмотрела на лорда Гаэр-аша.

— Это только начало, Риа, — спокойно пояснил он.

— Да? — мне от всей этой ситуации хотелось взвыть. — И когда это прекратится?

— Это не прекратится, это будет усиливаться по мере твоего взросления.

Мне не хотелось в это верить! Мне совершенно не хотелось в это верить! — На твоей насупленной мордашке читается отчаянное упорное отрицание, — съязвил ректор. А затем уже серьезно добавил: — Риа, этого следовало ожидать еще в тот момент, когда от запаха твоей крови вся нежить Мертвого леса скопом ринулась к тебе. И тебе безумно повезло, что рядом были именно Норт, Дан и Эдвин, сомневаюсь, что кто-либо иной из адептов сумел бы справиться с подобной лавиной умертвий. Мне в принципе стоило уже тогда принять меры и существенно ограничить твою свободу передвижений, но буду откровенен — подобного развития событий не мог предположить даже я.

Судя по всему, никто не мог предположить, даже дядя Тадор.

И в этот момент вернулись ребята. Все трое были на удивление счастливы, улыбались, переговаривались что-то оживленно обсуждая, расслабленно направились к нам и...

Первым остановился Норт. На его лице отразилась такая мука, что первым моим порывом было броситься к нему. Но я осталась стоять на месте, прекрасно понимая — я виновата в том, что ему сейчас плохо. Я и никто больше. Хотела испытать вкус прошлого и получить частицу знаний Проклятой Калиан? Получила! Теперь расплачиваюсь.

Вторым остановился Эдвин, Дан замер просто осознав, что друзья рядом не идут, обернулся к ним, потом подошел, в итоге все трое отошли и стояли от нас метрах в пятнадцати, Норт и Эдвин повернувшись спиной, Дан время от времени бросая на меня странные взгляды.

А потом в зал вошли ведьмочки.

И акцент всеобщего внимания мгновенно сместился в их сторону, потому что ведьмочки это ведьмочки, как на них не посмотри. В смысле если смотреть обычным зрением — то это ведьмочки, и они удивительно сказочные, практически волшебные создания, а если магическим — это

как видеть яркие радужные сферы, посреди собрания темных и сумрачных. Они удивительные.

И я улыбнулась Ярославе, Рогнеде и Любаве, которые, отвечая на приветствия и краснея от комплиментов, направились напрямик к нам. Подошли все трое, отвесили поклон Гаэр-ашу и... и тут Любава вдруг как выдаст:

— У вас товар, у нас купец.

— Оригинально, — мрачно глядя на нее, произнес ректор.

И готовая было продолжить Любава, даже воздуха побольше набравшая, резко выдохнула, закашлялась, покраснела и посмотрела на Рогнеду. Высокая плечистая ведьмочка нахмурила брови, и воинственно спросила:

— У вас какие-то претензии к нашему купцу?

Левая бровь главы Некроса вопросительно изогнулась, но на Рогду это не произвело никакого впечатления и она сурово продолжила:

— В общем так — домовые союз одобрили, мы, ведьмочки, тоже одобрили, мы вообще готовы одобрить все, с чем согласна Верховная, Яруска и та не против, так что мы ждем вашего положительного ответа.

Гаэр-аш усмехнулся, и снисходительно сказал:

— Поверьте — ждать моего положительного ответа крайне неблагоприятная задача.

Любава громко выдохнула, смирив ректора презрительным взглядом с головы до ног и возмущенно выпалила:

— Так и знала, что вы монстр!

И вдруг на лице ее промелькнуло крайне забавное выражение, она резко обернувшись посмотрела на Эдвина, затем торопливо подошла вплотную к насмешливо наблюдающему за ней ректору, поднялась на цыпочки, и прошептала:

— Слушайте, а если так — у вас купец, а у нас товар? — Уже гораздо интереснее, — сдерживая улыбку, ответил глава Некроса.

Любава опустила обратно на всю длину туфельки, судорожно вздохнула и прямо высказала:

— Эдвина хочу.

Губы лорда Гаэр-аша дрогнули, но смеяться над влюбленной ведьмочкой он, как настоящий мужчина, естественно себе не позволил, и лишь задал вопрос:

— А вам известно о его статусе, положении и ограничениях, которые по традициям клана Меча налагаются на супругу действующего главы клана?

Удивленно моргнув, Любава отрицательно покачала головой. И тут же переспросила:

— Эдвин что, действующий глава клана?! Так вроде говаривали, что молодой он, я думала «молодой» в смысле младший, а оно вона как, да?

Но не дав ректору ответить, завалила его целой лавиной вопросов:

— А клан большой? А закрытый? А какие ограничения? А чего мне делать-то? А если вы согласие дадите, он в храм со мной пойдет? А вы ему приказать жениться можете? А...

И она умолкла, с надеждой глядя на ректора Некроса.

Гаэр-аш тепло улыбнулся ей и проговорил:

— Большой. Закрытый. Ограничения существенные. Не знаю. Не уверен. Нет. На последний вопрос ответить не могу, вы его не сформулировали. Что-то еще?

Любава сникла. Постояла, нервно грызя ноготь на правой руке, потом запрокинув голову, иначе для нее смотреть на Гаэр-аша вблизи не представлялось возможным и шепотом спросила:

— А если я его осторожно украду и приворот использую?

— Не подействует, — на корню уничтожил все ее планы ректор, — на воинов клана Меча привороты не действуют.

И тут я услышала вопрос:

«Чего хотят ведьмочки?»

И почти сразу, не дожидаясь ответа, Норт спросил:

«Как ты?»

От его голоса на душе стало теплее, а еще я была просто очень рада, что он со мной заговорил. Очень рада.

«Меня очень пугает то, что с вами происходит», — ответила мысленно.

«Справимся», — кратко ответил он.

Невольно улыбнулась, и от уверенности, которая прозвучала в его голосе, и от уверенности, которая появилась во мне.

«Обожаю твою улыбку» — мысленно сказал мне Норт. Моя улыбка определенно стала шире, а румянец смущения проступил на щеках. И все так же с улыбкой я посмотрела на ведьмочек, потом на Гаэр-аша. Ректор улыбнулся в ответ на мою улыбку, и явно хотел что-то сказать... но в следующее мгновение его улыбка померкла. А напряжение в зале вдруг стало практически ощутимым. И так же ощутимо вдруг напряглись все присутствующие. Заметно напряглись! И это живые, а боевая нежить так вообще вдруг постаралась стать меньше, незаметнее и как-то вся сжалась.

Искренне удивленная случившейся со всеми метаморфозой, я

огляделась и увидела вошедших с противоположного входа Ташши, Людвига и Никаса с боевой нежностью. И сильно удивилась двум вещам — лич-отступник принца сегодня совершенно не излучал никакой угрозы, то есть вообще, а у братьев Блаэдов на лицах читалось крайнее недовольство. И даже мрачная обреченность. Я просто даже не узнавала вечно неунывающих веселых вампиров. Сильно удивленная их поведением, как-то не сразу заметила, что обоих покровительственно обнимает за плечи высокий, очень высокий смуглый и при этом светловолосый мужчина, в отличие от всех присутствующих радостно улыбающийся. Причем это была совершенно блистательная широкая улыбка, которая стала только шире, едва субъект удостоверился, что его тут все испугались не то что до дрожи — до явственно читающегося священного ужаса!

И это было так странно...

Просто чем больше я глядела на этого мага в черной форме, поверх которой было наброшено серебристо-бежевое длинное пальто, тем меньше ощущала в нем угрозу. И просто понять не могла, почему вдруг совершенно нехарактерно поскуливая, Яда попыталась спрятаться за спину Гаэр-аша, натолкнулась на уже успевшего спрятаться там Когтя, врезавшись в дракона отлетела и рухнула, а потом, подвывая и царапая когтями пол, попыталась сдвинуть сотоварища и так скрыться от веселого взгляда странного мужчины. Возня нежити привлекла внимание этого испугавшего всех к нам, и глаза незнакомца остановились на мне. Ничуть не смущаясь, я посмотрела в ответ. Мужчина вопросительно приподнял сильно контрастирующую с его светлыми волосами черную бровь, и вообще весь его вид явно намекал на то, что мне полагалось испугаться и желательно тоже дрожать от ужаса. Я невольно пожала плечами, демонстрируя, что как бы вообще не страшно. Незнакомец на это усмехнулся, хлопнул Блаэдов по плечам, словно предлагая расслабиться и легко шагая, направился к нам.

«Норт! — внезапно услышала я зов Гаэр-аша. — Собрал все силы в кулак, подошел и увел невесту. Сейчас! Немедленно!».

«Только не говори, что это...» — начал было парень.

«Это он! — отчеканил ректор. — Видимо Рханэ вызвал, чтобы надавить на меня. Еще бы понять с какой целью».

Слушая их переговоры, я внезапно почувствовала растущую тревогу. Сам высокий мужчина остановился, заметив, как шарахнулась от него толпа магов, и издевательски поинтересовался у них хорошо ли те себя чувствуют и вообще как здоровье? Судя по лицам опрашиваемых здоровье у них явно пошатнулось в этот самый миг, причем как физическое, так и

психическое. Никто даже не смог ответить ему, у всех банально зуб на зуб не попадал.

И глядя на то, как откровенно трясутся сильнейшие человеческие маги, я внезапно вспомнила, о чем написал Гобби...

Вспомнила дословно: «Потому что, девочка моя, вчера во время боя средних Блаэдов едва не ранили. Не убили бы, вампиров этого клана в принципе сложно убить, но могли ранить... И я догадываюсь, что домовые уже донесли об этом Благодати Никаноровне. И если сама ведьма не опасна, то вот ОН!»

И я вдруг поняла, что Гобби тоже сильно опасается этого мужчину, если назвал его не по имени, а пугающе-расплывчато «ОН». Вот и Гаэр-аш сейчас сказал Норту то же самое «Это он!».

Но глядя на уже практически подошедшего к нам легендарного и неизвестного мне «ЕГО», страха я все равно не испытывала. А вот тревогу — да. Потому что в отличие от Гаэр-аша, который видимо в политике смыслил меньше Габриэля, я уже знала с какой целью к нам приближается этот определенно опасный и влиятельный человек — чтобы надавить на ректора и заставить его дать свое согласие на мой брак с кем-либо из седьмого королевства. Потому что такова, будь она неладна, высокая политика!

В панике, я оглянулась, ища Гобби — но моего зомби не было видно. Похоже он, как и прочая боевая нежить, благоразумно спрятался... Я не винила Гобби, сложно вообще винить его в чем-либо, если даже умертвие отступника испугалось настолько, что никакой угрозы от него вообще не исходило! И ощущая все нарастающую тревогу, я вновь посмотрела на высокого уже подошедшего к нам мужчину, поймала его любопытный взгляд на себе, несмотря на ситуацию с не меньшим любопытством посмотрела в ответ. Просто на какой-то краткий миг мне вдруг показалось, что его очертания дрогнули, так... так словно он использовал иллюзию. И это изумило.

Мужчина же, остановившись в двух шагах от нас с ректором, отвесил галантный поклон мне и низким, удивительно бархатистым голосом, произнес:

— Очарован.

Сказано было таким тоном, что сходу стало ясно — очарование было последним чувством, которое этот человек испытал в отношении меня. И мне если честно, очень понравилось такое начало диалога.

Но вот продолжение его не особо.

Незнакомец обратил свой взгляд на казавшегося высокомерно-

невозмутимым ректора, и начал с:

— Катастрофичных и ужасающих, лорд Гаэр-аш.

Да, это было крайне нестандартно, должна признать. И менее всего я ожидала, что глава Некроса ответит в том же духе:

— И вам всего кошмарного, лорд Эллохар.

То есть некромантское приветствие «Трупов», это еще не самое жуткое из возможного. Недоуменно покачав головой, на миг прикрыла глаза и... и содрогнулась всем телом!

Этот лорд Эллохар человеком не был! Все так же, не открывая глаз, со смесью откровенного ужаса и вспыхнувшего жгучего любопытства, я рассмотрела и гораздо более высокий, чем казалось рост, и более темный оттенок кожи, и черный цвет ногтей, и синие пылающие огнем глаза... непонятно кого. Распахнув ресницы я вновь увидела человека, определенно человека, да, который в данный момент с высоты своего роста изучающим взглядом рассматривал Гаэр-аша, отвечающего ему тем же, но стоило мне глаза закрыть и я видела этого лорда уже без иллюзии. И это было жутко, но вместе с тем действительно интересно, потому как я совершенно не могла понять, кто это вообще такой? Какие-то черты в нем были присущи темному лорду, но я могла поклясться Тьмой, что темным лордом этот мужчина не был.

И тут он вдруг резко повернул голову и посмотрел на меня.

Я распахнула ресницы — в реальности... или иллюзии, тут как посмотреть, лорд Эллохар продолжал самым издевательским образом играть в гляделки с ректором, но стоит закрыть глаза, и я отчетливо вижу, что темный не знаю кто смотрит на меня пылающими синим огнем провалами глаз. А затем так же отчетливо, услышала, как этот лорд произнес: «Тараг, твоя теория разлетелась кдохлым оркам, она действительно кошка, плюс неслабый маг Смерти». И рядом с темным неожиданно возник огромный призрачно-огненный голубой змей. Он посмотрел на меня совершенно алыми глазами, и спросил у хозяина: «Забираем?»

— Что?! — воскликнула я, распахнув ресницы.

Иллюзорный маг, медленно повернул голову, оторвав взгляд от Гаэр-аша, и издевательски произнес обращаясь ко мне:

— Простите?

Прекрасно понимая, как выглядел мой возглас в глазах окружающих, я нахмурилась, но молчать не собиралась вовсе. И пристально глядя на этого вызывающего всеобщий ужас мужчину, произнесла:

— Очарована встречей с вами, но хотелось бы, чтобы эта встреча

стала первой и последней!

Лорд Эллохар в ответ на выпаленное мной, загадочно улыбнулся и промолчал. Это он внешне промолчал, зато его переговоры со змеем я прекрасно слышала. «Тараг, кошечка явно против», — насмешливо произнес темный.

«Господин, с каких времен кого-либо интересует мнение кошек?»

— Действительно! — раздраженно выдохнула я. И добавила: — Мнение змей тоже, знаете ли, мало кому интересно.

Вероятно, я совершенно напрасно сказала об этом, потому что после слова «змей» даже из иллюзорного облика лорда Эллохара исчезла всякая напускная безмятежность и на меня посмотрели иначе — крайне внимательно, в разы более изучающе, пристально и опасно.

И тут в моей голове прозвучало напряженное:

«Риа!»

«Лорд Гаэр-аш, кто этот Эллохар? — с трудом сдерживая возмущение, спросила я. — Вы вообще знаете, что он определенно не человек и на нем иллюзия?!»

«Риа, успокойся и помолчи!»

«Я не могу молчать! — эмоции просто кипели. — Этот, который явно не человек, да даже не темный лорд, кстати, совершенно издевательским образом обсуждает планы в отношении меня со своей призрачной голубой змеей!»

Я ожидала, что ректор после этого прикажет заткнуться или уйти к Нурту, но услышала напряженное:

«И каковы планы?»

Успокоившись, все так же мысленно ответила:

«Змей предлагает забрать меня и рекомендует этому лорду совершенно игнорировать мое несогласие по данному поводу, и...»

Договорить не успела, потому что услышала задумчиво произнесенное лордом Эллохаром:

«Тараг, ты заметил?»

«Что именно, господин?» — услужливо уточнил змей.

«Они общаются», — как-то со значением произнес темный.

И после его слов призрачный змей удивленно воззрился на меня совершенно жуткими красными глазами так, словно вообще увидел впервые. А мне стало крайне интересно — что бы все это могло значить? Но темный и до дрожи всех напугавший, после высказанной фразы, просто молча смотрел на меня. Змей так же. Под их взглядами стало существенно неуютно, и откровенно перепугавшись, я осторожно сделала шаг ближе к

Гаэр-ашу, раздумывая над тем, что я по идее маленькая, так что мне места за спиной ректора определенно хватит, не то что Яде и Когтю. И я уже раздумывала, как бы понезаметнее туда юркнуть, как неожиданно к нам подошли Ташши и министр Рханэ, и оба синхронно произнесли привычное каждому некроманту:

— Трупов.

Лорд Эллохар после этих слов заметно скривился, и с нескрываемым сарказмом протянул:

— Всегда поражался разнообразию и многогранности приветствий вашей некромантской братии.

Все три некроманта молча посмотрели на него. Темный, усмехнувшись, продолжил: — Почему обязательно «трупов»? Можно было бы пожелать к примеру прогнивших мозгов, выколотых глаз или на худой конец оторванных конечностей, это бы значительно разнообразило ваше общение, не находите?

Они не находили. Я в целом предпочла помалкивать. И вообще подумала о том — а где Норт? Гаэр-аш давно приказал ему забрать меня, почему Норт все еще не подошел? Обернувшись, поискала парня в зале и обнаружила, что некромант, с трудом сдерживая раздражение, стоит неподалеку от нас, окруженный ведьмочками. У меня почему-то создалось впечатление, что они его всеми силами пытались задержать. Что происходит?

— Нет, серьезно, — откровенно паясничая продолжил лорд Эллохар, — вам стоит подумать над моим предложением, определенно стоит.

Мне показалось, он ожидал какого-то диалога после этого замечания, но в ответ услышал лишь напряженно-сдержанное:

— Мы подумаем, — сказанное министром магии.

Темный скривился, будто что-то кислое проглотил, и скептически глянув на некроманта, сообщил:

— Это не самая лучшая фраза в ответ на провокацию к дискуссии, Рханэ.

Меня откровенно поразила реакция на это лорда Гаэр-аша, он с ухмылкой воззрился на коллегу, с видом «Ну что, съел?». Рханэ подобный намек определенно не понравился, но министр, определенно следуя собственному плану, холодно произнес:

— Едва ли дискуссия является целью нашей встречи. — И взглянув на племянника, спросил: — Не так ли, ваше высочество?

После чего все посмотрели на Ташши и всем стало совершенно

очевидно, что Ташши смотрит на меня. Не отрывая глаз, едва ли дыша, напряженно и столь сосредоточенно, что едва ли слышал обращение дяди. Откровенно испугавшись его поведения, я осторожно спросила:

— Ташши, с тобой все в порядке?

Некромант мгновенно кивнул в ответ, затем хрипло ответил:

— Да. Все замечательно, Риа, не волнуйся.

Несмотря на присутствие старших и некоторых откровенно посторонних, я тихо заметила:

— Сложно не волноваться, учитывая насколько странно себя сегодня ведут... практически все.

Ташши улыбнулся мне, вмиг став тем обаятельным и добрым парнем, которого я всегда знала, и поспешил успокоить:

— Все хорошо, правда. Спасибо, что беспокоишься.

А затем, величественно повернувшись к ректору, его высочество торжественно произнес:

— Лорд Гаэр-аш, прошу вашего позволения, со всем тщанием, уважением и искренним восхищением обратиться с предложением к вашей воспитаннице, леди Риаллин кэн Эриар.

Полная и абсолютная Проклятая Тьма!

Услышав его слова, я простонала в голос, с отчаянием глядя на наследника седьмого королевства. Это не могло быть правдой, просто не могло быть правдой...

И тут ректор отчеканил: — Нет!!!

Прозвучало резко, грубо и непримиримо. И вот это как раз вполне правдой было, просто потому что отлично вписывалось в мою картину мира, потому что несмотря на все заверения Гобби, что Гаэр-аш должен будет согласиться, я точно знала — да никогда! Потому что глава Некроса и термин «придется» в отношении него вещи просто несовместимые. А еще я точно знала, что сейчас будет расправа, жесткая и беспощадная, истинно в духе Гаэр-аша, у которого и до пробуждения темнолордовской крови характер был совершенно жуткий.

И лорд Эллохар лишь плеснул масла в огонь, словно ни к кому не обращаясь, задумчиво заметив:

— А я предлагал начать с дискуссии...

Гаэр-аш отреагировал ледяным взглядом, а затем глядя на Рханэ, уничижительно произнес:

— Лорд Рханэ, буду предельно откровенен — я ожидал ответных действий не столь быстро, но увидев вашего темного... вечного заступника, без которого, как оказалось, вы не способны открыто

выступить против меня, предположил практически все возможное, от вызова на магическую дуэль, до требования немедленно покинуть пределы седьмого королевства! Но ни на секунду, ни на мгновение, я не мог даже помыслить о том, что устранить возникшую проблему, вы решите самым мерзким, недопустимым и неприемлемым для любого уважающего себя мужчины способом — за счет женщины!

Рханэ побагровел. Ташши, напротив стал бледен. Зато лорд Эллохар неожиданно улыбнулся, всем своим видом демонстрируя подчеркнутое внимание и ожидание дальнейших слов Гаэр-аша. Его не смутило даже то, что следующая реплика принадлежала министру:

— Я бы попросил вас, лорд Гаэр-аш, воздержаться от оценочных суждений в данной крайне неоднозначной ситуации.

— Да неужели? — с холодной яростью, поинтересовался глава Некроса, унижительно взирая на сильнейшего некроманта седьмого королевства. — И в чем же по-вашему заключается неоднозначность ситуации, лорд Рханэ? В вашем недостойном желании оправдаться? Или быть может в тщетной попытке убедить меня, что ваш принц и наследник, озвучив расхожее выражение «обратиться с предложением», вовсе не собирался, вопреки чести, воспитанию и безусловному знанию что девушка уже помолвлена, сделать ей предложение руки и сердца?

Министр магии открыл было рот, и закрыл его, столь плотно сжав, что я явственно услышала скрежет зубов.

А Гаэр-аш продолжил в характерной исключительно для него совершенно безжалостной манере.

— Мне бесконечно мерзко осознавать, что, услышав абсолютно неподтвержденные ничем обвинения и инсинуации от давно почившего и более чем вероятно дезинформированного мага, вы не только поверили в них, но и поспешили принять совершенно аморальные меры, намереваясь путем давления вынудить меня дать согласие на брак Риаллин с вашим кандидатом, и тем самым лишить меня доступа к «кошке». Полагаю, я достаточно точно описал вашу «неоднозначную» ситуацию, не так ли, лорд Рханэ?!

На лорда Рханэ было страшно смотреть. Но он не был бы главным магом своего королевства, не сумей выдержать удар. И он выдержал с достоинством, разве что стал казалось еще прямее и суровее, а затем я услышала подтверждение худших предположений Гобби:

— Лорд Гаэр-аш, я рекомендую посмотреть на ситуацию под совершенно иным углом и осознать, что наше предложение более чем... почетно. Говоря откровенно, выбирая кандидата для вашей далеко не

высокородной воспитанницы, я менее всего ожидал столь самоотверженного решения моего племянника и наследника королевства. Для урегулирования данного, несомненно важного для всех человеческих королевств вопроса, Танаэш, как истинный правитель, отказался от личных интересов, и расторг помолвку с Ярославой. И в этот момент я поняла почему Инар был таким счастливым! Вот тебе и: «Ты самая лучшая! Самая потрясающая! Самая невероятная! Самая удивительная! Я тебя реально сейчас люблю больше чем мать родную!». Он просто узнал о расторжении помолвки, и соответственно о том, что ведьмочка теперь для него полностью свободна... Вот, Тьма!

А потом я поняла главное из сказанного министром Рханэ — «Для урегулирования данного, несомненно важного для всех человеческих королевств вопроса, Танаэш, как истинный правитель, отказался от личных интересов». И едва ли удержала еще один полный отчаяния стон... Потому что, кажется, все поняла. И прежде чем магистры вновь схлестнулись в словесном поединке, глядя на мертвенно-бледного принца, тихо спросила:

— Ташши, зачем?

Он судорожно выдохнул и хрипло произнес:

— Риа, дай мне все объяснить.

— А что тут объяснять? — я была так расстроена, что едва сдерживала слезы, но боюсь они все же заблестели в моих глазах. — Ташши, так нельзя! Я помогла тебе всего один раз, да и не спасала же твою жизнь, после того как я видела тебя на играх, уверена ты легко справился бы с теми умертвиями в таверне. Но ты почему-то с тех пор считаешь себя мне обязанным и постоянно пытаешься опекать и защищать. Нельзя быть настолько благородным и самоотверженным, Ташши! Нельзя отказываться от любимой и любящей девушки, только потому что ты в очередной раз пытаешься меня спасти!

После моих слов принц седьмого королевства словно окаменел. Мне казалось бледнее, чем он был стать невозможно, но Танаэш стал. И это было совсем не тем, чего я ожидала, выпалив все это.

— Прости... — прошептала виновато глядя на парня. — Прости, меньше всего я хотела тебя обидеть или ранить, и я бесконечно благодарна, что ты по крайней мере не бросаешься на меня с признаниями в любви и прочем, мне правда приятно, что ты не поддался влиянию этой треклятой крови, но, Ташши, не надо пытаться спасти меня ценой собственного счастья.

Он почему-то ничего не сказал мне в ответ. Он просто стоял и смотрел на меня, но в его глазах отражалась мучительная боль, словно в этот миг

его личный мир рушился на осколки.

— Ташши... — испуганно позвала я.

Он медленно отступил на шаг, затем развернулся и ушел на негнущихся ногах. Не оглядываясь. Ни на кого вообще не глядя. Отмахнувшись от попытки Никаса остановить его. Он ушел так, словно я только что сломала ему жизнь...

Совершенно потрясенная, я посмотрела на Гаэр-аша, даже не знаю почему, то ли в поиске поддержки, то ли в надежде, что он мне хоть что-то объяснит, и натолкнулась на странный, недоуменно-изучающий взгляд, такой словно ректор ожидал чего-то вроде случившегося, но не настолько же...

И тут прозвучал напряженный вопрос лорда Рханэ:

— Она это... искренне?

— Абсолютно, — мгновенно ответил ему лорд Эллохар, как и ректор не отрывающий от меня пристального взгляда.

— Да, сокровище, умеешь ты, — услышала задумчивое от Эдвина.

Обернувшись — позади меня находились мрачные Норт и Эдвин, даже не знаю, когда подошедшие, я не услышала их приближения. Глянула на ведьмочек — среди расстроенных девчонок сейчас стоял Дан и о чем-то вдохновенно вещал. Его не слушали, все ведьмочки как-то странно и с явным осуждением смотрели на меня. Окончательно испуганная, я завела руку за спину, нашла ладонь Норты, и едва он сжал мои пальцы — стало легче. Как-то сразу. На фоне того, ребята снова могли стоять рядом, любящая совершенная мной глупость уже не так расстраивала. И все же... было до крайности неприятно. Подняв взгляд на ректора, мысленно спросила:

«Лорд Гаэр-аш, я сказала что-то не то, да?»

«Нет, наивное ты мое сокровище, ты сказала все верно, но порой именно правда ранит больше всего. Иди с Норт, я разберусь здесь».

Я осталась стоять, думая о том, что оставлять ректора как-то неправильно и...

И тут услышала спокойное:

«Иди уже, прелесть наивная, никто не причинит вреда твоему взарра, слово принца Хаоса. Уходи».

Я в полном изумлении взглянула на лорда Эллохара и получила за это сходу:

«Не стоит показывать всем, насколько одаренным магом смерти ты являешься. Опустить взгляд, не смей смотреть на меня, и уходи с тем темным лордом, которого пробудила. Иди, девочка, все будет отвратно... эмм... в смысле хорошо по-вашему, я же слово дал».

Удивительно, но я верила каждому его слов. Молча повернулась, позволила Нарту обнять и увести себя. Едва отошли, прислонилась спиной к стене, стараясь как можно меньше прикасаться к Дастелу.

— Я в норме, Риа, иди ко мне, — глухо произнес некромант.

Протянув руку, прикоснулась к его ладони, но большего себе не позволила — ему было тяжело, я видела. И Гаэр-ашу сейчас явно было не просто, я украдкой отслеживала что происходит, правда четко видеть картинку могла лишь прикрыв глаза. Обычному зрению происходящее доступно не было — все что я видела просто глядя на трех беседующих магов, так это три неясных размытых контура, словно их от нас отделял льющий непрерывным потоком ливень, ко всему прочему заглушающий и все звуки.

— Слушайте, этот эффект полого возник, едва мы отошли? — напряженно спросила я, просто мне очень не понравилось то, что беседа проходила в настолько приватном режиме.

— Нет, — ответил Эдвин, — эффект возник едва лорд Эллохар к вам подошел.

Норт тихо добавил:

— При нашем приближении вплотную он исчез. Все сказанное тобой Танаэшу я слышал.

Вот как, значит с ведьмочками Норт задержался едва ли минуты на две-три.

Бросив еще один встревоженный взгляд в сторону ректора, зажмурила глаза и магическим зрением отчетливо увидела, что призрачно-голубой змей наговаривает что-то светоловолоосоогненному... демону, а тот едва ли слушает, внимательно следя за некромантами, обменивающимися явно гневными репликами. Нет, все выглядело крайне пристойно, но яростно суженные глаза главы Некроса говорили о многом.

И тут я ощутила, как дрогнула напряженная рука Норта, но тот мгновенно подавил в себе эмоции, и его ладонь вновь бережно удерживала мою, так словно все хорошо и вообще замечательно.

Медленно открыв глаза, с болью посмотрела на него, затем так же медленно попыталась отнять руку. Норт удержал, и сдавленно произнес:

— Я справляюсь.

— Но тебе очень тяжело, я же вижу, — возразила шепотом. Посмотрела на Эдвина, тот судорожно выдохнув, резко отвернулся, и складывалось ощущение, что ему тоже крайне непросто давался контроль над собой. В довершение ко всему подошел Дан, окинул меня плотоядным взглядом и хрипло заметил:

— Риа, тебя опасно выпускать в общество...

— Почему? — грустно спросила я.

— Видишь ли, это определенно не идет на пользу психологическому здоровью общества.

Он повторно оглядел меня с головы до ног, и все так же хрипло поинтересовался:

— Как ты думаешь, какая конкретная навязчивая мысль сейчас просто раздирает меня на части?

— Дан! — прикрикнул на него Эдвин.

Я вообще ничего не ответила, сжавшись и отчаянно не желая ни слушать, ни слышать, ни знать о том, чего сейчас хочет от меня Дан. С меня хватило отчима... и ректора. Не хочу больше, правда не хочу, совершенно не хочу этого...

— Короче это бред, — начал Дан, совершенно проигнорировав предупреждение Эдвина, — но мой мозг постоянно и бесконечно генерирует идеи и планы твоего похищения.

Зажмурившаяся и испытывающая сильное желание зажать уши руками я замерла, приоткрыла ресницы и с сомнением посмотрела на Дана.

— Это безумие, согласен, — подтвердил самый сильный некромант нашей команды, — но я не могу перестать об этом думать. Вот как ты думаешь, сколько здесь выходов?

— Два... — неуверенно сказала я.

— Семнадцать! — с какой-то мрачной торжественностью выпалил Дан. — Семнадцать вариантов отступления, которые я могу использовать, когда схвачу тебя и ринусь наутек с бесценной добычей. Посчитаны окна и возможность пролома стен. Риа, это безумие, ты мне никогда как девушка не нравилась вовсе, но все, о чем я могу сейчас думать — как бы уволочь тебя ото всех подальше, запереть навечно и единолично, с упоением наслаждаться всей тобой, и речь не только о постели.

— Дан, закрой пасть! — разъяренно рыкнул на него Норт.

— Я же сказал, что не только постель! Дай закончить, Норт, это важно и может Риа... Да придумает может хоть что-нибудь! — прошипел Дан. И возбужденно продолжил: — Огромное желание владеть тобой единолично, Риа. Слышать твой голос, твой смех... мы кстати так редко слышали твой смех, видеть, как ты улыбаешься... и желательно только мне. Просто видеть тебя. Вот так знаешь посадить и откровенно любоваться, чувствуя себя самым счастливым идиотом на свете. Кстати, я, выросший в семье где были одни пацаны, всегда мечтал иметь дочерей, штук пять знаешь, но не от тебя, Риа. От тебя я вообще не хотел бы иметь детей причем по одной

единственной причине — не хочу делить твое внимание ни с кем. И я ведь отчетливо осознаю, что это ненормально, да и в принципе неестественно, но мозг... Вот с того момента, как ты сорвалась на Гаэр-аша, и словно засияла вся, вот с того момента мозг по нарастающей строит планы твоего похищения. Непрерывно. И это усиливается, Риа, и...

— Хватит, — оборвал его Норт таким тоном, что Дан просто поостерегся продолжать дальше.

А вот Эдвин посмотрел на меня, я задумчиво на него... Задумчивый взгляд медленно трансформировался в вопросительный.

— Извини, — глухо произнес Эдвин, — я не испытываю всего перечисленного Даном, у меня на уме одна постель.

Грубо, но честно. И я посмотрела на Норта. Тот, гулко сглотнув, хрипло сообщил:

— Я боюсь мою откровенность ты не оценишь.

— Почему? — мгновенно спросила я.

Он отрицательно покачал головой и еще тише произнес:

— Потому что безумно люблю. Потому что уже считаю своей. Потому что схожу с ума от ревности. Потому что готов убить всех, включая себя, лишь бы из твоих глаз исчезло это выражение затравленности и страха.

У меня сердце замерло от его слов...

Но лишь на миг, уже в следующий я начала думать о том, что можно сделать в данной ситуации. Причем быстро, максимально быстро. И как можно менее энергетически затратно... И что вообще можно сделать с этой кровью, чтобы я перестала быть объектом всеобщего внимания и в целом желательно от лишнего внимания избавиться. Требовалось что-то максимально сильное, основательное и неизменное по своей структуре, к примеру сталь...

И тут Эдвин сказал:

— Риа, буду откровенен — проблемы с твоей кровью, явной попыткой семейства Рханэ разобраться с вопросом усиления "темного лорда", и меч зависший над Гаэр-ашем волнуют меня гораздо меньше, чем слова "котика"...

Парень выразительно посмотрел на меня.

Я же, перепугавшись его выражения "меч зависший над Гаэр-ашем" испуганно повернулась к магистрам и зажмурилась... нет, никакого меча не была — ректор стоял и судя по выражению лица окончательно высказал свое непримиримое "нет", лорд Рханэ был в бешенстве, вообще едва держался, а вот лорд Эллохар, совершенно жуткий в своей реальном облике, улыбался и перебрасывался фразами с продолжающим возвышаться

рядом змеем — я так поняла, что этим двоим было весело.

— Это было образное выражение, Риа! — прошипел Эдвин.

— Ты не пугай меня так больше, — попросила я.

И открыв глаза, посмотрела на магистров снова — теперь ничего не было видно, пелена продолжала плотной стеной окружать их. А затем я увидела, что и еще кое-что изменилось — резко исчезли все те маги, что являлись с целью посмотреть на меня.

— Извини, — вдруг глухо сказал Эдвин, — больше не буду.

Я удивленно посмотрела на него и в некотором смятении спросила:

— Что с тобой?

Некромант как-то странно усмехнулся и прямо спросил:

— Почему ученик отступников убежден, что тебя убьют сегодня?

Даже не нашлась, что на это ответить, просто пожала плечами.

— Они старательно пытаются убрать ее с самого начала, — произнес Дан, — и теперь понятно почему.

Норт, вновь взяв меня за руку, потянул на себя, обнял, встав за моей спиной, и сказал:

— Не могу понять, активации чего они собираются достичь, если мы пятеро окажемся на игровой арене.

— Пятеро? — переспросил Дан. — Норт имеет ввиду умертвие отступника, — пояснил Эдвин.

Дастел кивнул и продолжил:

— Арену исследовали вдоль и поперек, проверили все, что только возможно, никаких чар, кроме наложенных магами седьмого королевства, обнаружено не было. Здесь нечему активироваться при нашем появлении.

Парни помолчали, а затем Эдвин сказал:

— Четверо. Они планировали появление нас четверых. Их план был создан пятнадцать лет назад, на момент когда уже было известно, что мы все обладаем способностями к некромантии. Сомневаюсь, что они могли предположить захват Танаэшем тела отступника.

— А как они могли предположить, что мы все будем участвовать в Мертвых играх? — тут же поинтересовался Дан.

— Происхождение, воспитанная в нас амбициозность, вызов, который мы не могли не принять, — усмехнулся Норт. — и все же никак не могу понять — в чем может быть ловушка?

"Время " — вдруг вспомнила я.

А потом с сомнением подумала — причем тут время? Причем тут вообще может быть время. Но ученик сказал именно об этом, четвертом параметре измерения, который не учли маги... Хотя как? Как в принципе

можно использовать время в качестве ловушки? Да и как вообще его можно использовать?

— Это все мелочи, — жестко отрезал Эдвин, — я хочу понять, откуда у котика столь явная убежденность в сегодняшней гибели Рии?

Понятия не имею! Вообще.

И тут пелена окружающая магистров спала. Лорд Рханэ, учтиво склонил голову, словно говорил "позвольте откланяться", выпрямился, зло посмотрел на Гаэр-аша, развернулся и покинул зал с командами. Лорд Эллохар неожиданно протянул руку ректору, и энергично пожал ладонь явно напрягшегося главы Некроса.

А вот после этого, повернулся ко всем присутствующим и громко произнес:

— Так, детки, злого дядю Эллохара все знают?

Сказано было весело и с явной иронией, но присутствующие перестали дышать. Все буквально перестали дышать, с ужасом глядя на того, кого явно знали.

— Ребятишки, — издевательски продолжил темный, — так, исключительно порядка ради, напоминаю, что это игры и убивать друг друга вовсе не обязательно. — А затем уже без шуток и веселого тона, мрачно спросил: — Намек ясен?!

Судя по бледным лицам намек осознали все.

И теперь просто молча молили Тьму, чтобы страшный "злой дядя Эллохар" просто ушел... Взял и ушел... и больше никогда не приходил...

Вот только у темного было явно иное мнение, и он, похоже, собирался остаться. Более того, обратился к Гаэр-ашу с вопросом:

— Где тут, кстати, самые лучшие места?

— Я провожу, — задумчиво ответил наш ректор. Выразительно посмотрел на нас, затем повернулся, и шагнул в сторону выхода для зрителей. И как бы все бы ничего, но за его спиной продолжали прятаться Яда и Коготь, и когда глава Некроса отошел, забавная композиция из обнявшейся и застывшей в надежде что их не заметят нежити, стала всем доступна. Оценил только Эллохар, хохотнувший и сообщивший умертвиям, что они хорошо смотрятся вместе. Зомби переглянулись и отлетели друг от друга как ошпаренные, Яда еще и отплевываться начала, а так же вытирать себя лапками в тех местах, с которыми соприкасался Коготь, тоже старательно себя сейчас оттирающий, правда не лапками, а мантией близстоящего и явно шокированного этим адепта из Зандарата. Причем Ерден Ждуд был удивлен настолько, что даже не возразил. Его собственная нежить натор Хайд увидев это решил, что раз можно чужому дракону, то

значит и ему тоже, а потому, осторожно приблизившись, подцепил мантию с другой стороны, и тоже начал старательно ею вытираться. Глаза Ердена надо было видеть...

— Хайд! — завопил он, делая рывок в сторону.

Точнее попытку рывка. Просто его мантию с одной стороны держал Коготь, с другой собственный натор, так что когда Ерден сделал рывок, его отбросило назад, да с такой силой, что мантия издав "хрясь" порвалась, некромант рухнул на пол, а нежить задумчиво уставилась на трофеи в виде половинок мантии...

За дальнейшим развитием событий мы не проследили, потому что подошли Никас и Людвиг Блаэды. Оба вампира были крайне раздосадованы и не особо это скрывали.

— Трупов, — поздоровался с нами Людвиг.

— Кишок там, и глаз гнилых, — невесело добавил Никас. И тут же обратился ко мне: — Риа, что случилось с Ташши?

Я даже рот раскрыть не успела, как Норт мрачно поинтересовался:

— Ты действительно полагаешь, что она должна знать об этом?

Вампир пожал плечами, затем посмотрел на Людвига. И вот он уже рассказал:

— Ташши не спал всю ночь, как одержимый исследуя арену. О том, что ему нужно поспать и вообще у нас сегодня бой — отказывался слушать. Честно признаюсь — мы свалили. Мы конечно вампиры, но нормальный сон перед боем это святое.

И тут я подумала, что у ребят из нашей команды нормального сна перед боем вообще не было — они всю ночь просидели, решая как разобраться с возникшей ситуацией.

— А утром, когда мы уже пришли сюда, Ташши выглядел совершенно убитым. Не то чтобы устал, но такой подавленный был. Потом министр приехал, они о чем-то переговорили и уехали во дворец. А спустя час вернулись, причем Ташши был счастлив до невозможности, — рассказал Никас.

— И с помолвочным кольцом на мизинце, — недоуменно сообщил Людвиг.

И посмотрел на нас. Мы все четверо молча смотрели на него.

— Он расторг помолвку с Ярославой, — словно поясняя ситуацию, произнес Никас.

Ну... мы все продолжали молча смотреть на братьев Блаэд.

— И, похоже, был этому настолько рад, что после бессонной ночи выглядел свеженьким и полным сил. — Продолжил Людвиг.

— Ровно до вашего разговора, — добавил Никас.

После чего Блаэды разом вопросительно посмотрели на меня, и Людвиг спросил:

— Что там произошло, Риа?

Я тяжело вздохнула. — Отвечать не обязательно, — сказал Норт.

Но я все же ответила:

— В сложившейся сложной политической ситуации Ташши решил пожертвовать собой, чтобы спасти меня и разрешить эту ситуацию.

Братья посмотрели на меня, переглянулись, снова посмотрели на меня и Людвиг произнес:

— Ри, это точная информация?

— Менее всего он выглядел решившимся на самопожертвование, — протянул Никас.

— Скорее счастливым сверх меры, — снова Людвиг.

— Даже не смотря на разрыв помолвки с ведьмочкой, — снова Никас.

— А какая забавная информация проскальзывает, — очень недобро протянул Норт.

— Ставшая очевидной еще накануне, — жестко произнес Эдвин.

— Серьезно? — Норт посмотрел на друга.

— Тебе следует быть внимательнее, — ответил тот.

— Учту, — холодно отозвался Дастел.

Братья Блаэд переводя взгляд с Норта на Эдвина, напряженно спросили:

— Народ, что происходит?

И тут вдруг Дан спросил:

— Парни, а как вам наша Риа?

Вампиры, заметно удивившись, посмотрели сначала на меня, потом на Дана и Никас ответил:

— Красивая у вас Риа, как и всегда в прочем. К чему вопрос?

Вопросы возникли. У меня в первую очередь.

— Никас, а что на вас из защитных артефактов?

Вообще парни не обязаны были отвечать, особенно членам вражеской команды, но Блаэды всегда были довольно открыты, поэтому Никас увлеченно начал:

— Это, — мне продемонстрировали неприметную стальную серьгу в левом ухе, — надевается на вампиров при рождении, защищает от любых магических воздействий в принципе, но главная его задача — не позволять чему-либо препятствовать голосу крови. Это очень важно, потому что голос крови позволяет маленькому вампиру в момент опасности призвать

родичей на помощь.

Приподнявшись на носочки, прикоснулась к сережке кончиком пальца, а после очень осторожно покрутила, пытаясь найти замочек. И не нашла.

— Запаивается сразу, — сообщил Никас, — прямо на новорожденном.

Выпрямился, и после оттянув ворот показал второе маленькое стальное колечко, вдетое в кожу на его правой груди. — Это вдевается в день совершеннолетия, — Никас продолжал удерживать край рубашки, демонстративно позволяя мне посмотреть и этот артефакт, а затем добавил, то, что сделало мой интерес максимально пристальным, — защищает от любых приворотов. Вообще всех. Даже против самых жутких типа некромантских, классического запрещенного Черного приворота Кхада, и от всех абсолютно приворотов Западного королевства дроу, а там я скажу вам серьезные вещи понаизобретали.

— Зачем? — сходу спросил ошарашенный Дан.

— Это Западное королевство, там большинство женщин склонно строить карьеру в военных сферах государства, и плевать они хотели на брак и замужество. Причем плюют они качественно — яд, кинжал в спину и прочие разнообразные вещи. В итоге у дроу остается всего два пути для обзаведения женой — вызов понравившейся пасии на дуэль чести, после которой в случае победы можно потребовать заключения брака, но там еще не ясно кто победит; или приворот. — Людвиг усмехнулся и провокационно поинтересовался: — Как думаешь, что мужики предпочитают?

— Приворот, — неодобрительно заключил Дан. — Но разве темные эльфийки не в курсе этого?

— В курсе, — улыбнулся Людвиг, — так что заклинания защиты постоянно улучшаются, а привороты модифицируются и эволюционируют, и ничего равного темноэльфийской любовной магии нет в принципе.

Я слушала их разговор краем уха, полностью сосредоточившись на артефакте. Именно артефакте. Крайне сильным, могущественном и... древнем.

— Из какого материала его делали? — тихо спросила у Никаса.

— Сталь вроде, — легкомысленно ответил вампир.

А затем добавил:

— Надо у дяди спросить, он точно в курсе.

А Дан резко ответил:

— Не надо дядю! У вас не дядя, у вас...

— Кошмар и ужас Хаоса, мы в курсе, — усмехнулся Людвиг. А затем мрачно рассказал: — За боями следят домовые, они донесли матери. Та, хоть

и черная ведьма, а все-таки мать — примчалась ночью, устроила скандал...

— Мы немного не стали молчать, она разобиделась и вот в итоге вызвала дядю, — подытожил Никас.

— А дядя от участия в играх отговаривать не стал, — заключил Эдвин.

— Дядя и уговоры — вещи несовместимые, — сказал Людвиг.

Никас согласно кивнул, затем повернулся ко мне, продолжающей заинтересованно разглядывать его артефакт, и спросил:

— Ты хочешь сделать что-то подобное, чтобы на тебя не западали как на Кошку?

Удивленно моргнув, я кивнула.

— Это к дяде, — безапелляционно вынес вердикт Никас. — У вампиров клана Блаэд используется заговоренная сталь, но отец как-то упоминал, что для нас дядя приволок что-то даже не из Хаоса, а, кажется из Мрака. Так что сталь, но какая-то особенная, и у нас четверых защита на порядок выше. Понимаешь, на нас даже укусы вампирши не действуют одурманивающе, а это реакция вообще на грани инстинктов. Так что да, надо у дяди спрашивать.

Спрашивать что-либо у темного фактически демона я побоялась, с другой стороны было очень заманчиво получить артефакт, способный оградить парней от влияния моей измененной крови. Было бы просто замечательно. И я умоляюще посмотрела на Никаса. Никас почему-то на Людвига. Людвиг возмущенно спросил:

— Почему я?

— У тебя врать лучше получается, — совершенно серьезно ответил ему Никас.

Людвиг открыл было рот, сверкнув клыками, закрыл. Постоял, подумал. И стянув рукав мантии с левой руки, свистнул в браслет для контроля нежити. Где-то вдалеке раздалось похрюкивание, потом слегка затрясся пол и поднявшийся в зал кабан, бодро затрусил к нам. Тем временем Людвиг достал блокнот, вырвал оттуда листок и старательно написал на нем:

«Дорогой дядя, срочно требуется сталь из Хаоса. Л.»

Свернул, засунул в пасть Хорхе, и используя браслет приказал:

— Двигай.

Хорхе двинул.

— Быстрее!

Хорхе ускорился.

Мы все с интересом проследили за тем, как секач на огромной скорости покинул зал. Потом переглянулись, и... не успели ничего сказать,

как совсем рядом раздалось: «Хрюк».

Это было неожиданным.

Еще неожиданнее оказалось то, что в его пасти торчал другой листок бумаги, на этот раз более темной и плотной. Не растерявшийся Людвиг достал листок, развернул, и прочитал вслух:

«Дорогие Л. и компания, не могли бы вы поведать мне причины и обстоятельства побудившие вас накарывать столь возмутительную просьбу, столь наглым и прямым образом?»

Людвиг сник. Никас подошел ближе к брату, достал лист и написал:

«Дорогой дядя, помнится именно вы не раз говаривали, что родственные узы позволяют несколько более фривольно воспринимать требования этикета темного двора. И нам бы сталь. Никас.»

После чего свернул и передал записку Людвигу, тот молча засунул в пасть Хорхе. Кабан, даже не дожидаясь приказа и требования ускориться, вмиг умчался из зала. Вернулся тоже быстро, уже с другой бумажкой. Людвиг достал, развернул:

«Дорогой Никас, даже в общении с близкими родственниками следует как минимум сохранять уважительный тон, а как максимум быть вежливым. Говорите зачем вам сталь, или в Хаос можете отправляться сами. Заодно прадеда проведаете».

Прочитав это, Эдвин осторожно спросил:

— У вас есть родственники в Хаосе?

— Дальние, — мгновенно соврал Людвиг.

Никас определенно соврал до этого, заверив брата что тот умеет врать. Вся наша команда с некоторой долей вполне разумного опасения, посмотрела на братьев.

— Очень дальние, — Никас лгал на порядок лучше, но все равно прозвучало неубедительно.

— По вампирской линии, — Людвиг и ложь были действительно плохо совместимы. Никас по крайней мере когда врал, смотрел прямо в глаза с самым честным выражением лица, у Людвига взгляд метался как загнанный в пентаграмму зомби.

— А есть не вампирская? — с улыбкой, спросил Эдвин.

— Так у них же мать ведьма, — напомнил Дан.

При напоминании о матери оба вампира сильно скривились. Очень сильно. И тут Хорхе хрюкнул, намекая, что ответ нужно нести.

Но вот писать братья явно не спешили, и причину Никас объяснил, в ответ на мой вопросительный взгляд:

— Ты артефактор, Риа.

Мне это ничего не объяснило.

Вампир грустно улыбнулся и пояснил:

— Я очень люблю дядю, но даже он едва ли оставит здесь артефактора твоего уровня.

Меня очень тронула забота Никаса. И не только меня, Норт молча протянул ему руку, пожал, затем предложил:

— Ложь проще всего скрыть в тени полуправды. Напиши, что сталь нужна для Рии, есть надежда что талантливый артефактор сможет изготовить артефакт, блокирующий влияние крови кошки.

Уважительно глянув на него, Никас так и написал:

«Сталь нужна для Рии, есть надежда что талантливый артефактор сможет изготовить артефакт, блокирующий влияние крови кошки».

Хорхе сосредоточенно умчался, унося послание.

Ответ он принес не так быстро, как мы рассчитывали, но все же принес:

«Под вашу личную ответственность. Артефактора использовать из королевской мастерской, Рханэ предупрежу, сталь принесу к вечеру».

И все было бы замечательно, но министр Рханэ...

— Поговорю с Ташши, — решил Никас.

— Удачи, — как-то очень странно протянул Людвиг, и повернулся к двери.

Его высочество как раз входил в зал с противоположного от нас входа. Он выглядел величественно — предельно ровная спина, расправленные плечи, прямой взгляд из-под косой челки, и какой-то зловещий блеск его серьги в виде сияющего изнутри кроваво-красным свечением черепа. Пожалуй, даже более зловещий, чем темной тенью следующий за Танаэшем лич-отступник.

Наследник седьмого королевства обвел взглядом притихший с его появлением зал, увидел, что члены его команды стоят с нами, стал казалось еще величественнее, и направился к нам. Он шел как истинный правитель, и окутавшая его аура власти словно вынуждала стоящих на его пути некромантов отшатнуться с пути будущего короля. Расступались все. Отступила и нежить. И даже отступник следовал безропотно и покорно, словно опасался навлечь на себя гнев наследника королевства.

И вот так, в абсолютной тишине, Танаэш Рханэ подошел к нам. Отвесил галантный полупоклон мне и с вызовом посмотрел на Норта, чье напряжение я ощущала даже не телом, Норт все так же обнимал меня, его напряжение я ощущала эмоционально.

Зато едва Даствел заговорил, его голос звучал расслаблено и несколько

вальяжно: — Ваше высочество желает принести извинения?

Продолжая все так же поверх моей головы взирать на Норта, Ташши ответил:

— Не вижу повода.

И вот тогда Норт стал на порядок горячее. Я сначала решила, что мне показалось, но осторожно разместив ладонь поверх руки Дастела, обвившей мою талию, едва не обожглась.

— Прости, любимая, — хрипло произнес Норт.

— Ничего-ничего, все в порядке, — заверила я, с трудом сдержав желание подуть на ладошку.

Ташши внимательно посмотрел на меня, затем, не снимая перчатки, протянул руку, тыльной стороной ладони вверх, и повинувшись призванной магии поверх его черной перчатки, из голубых энергетических линий начало формироваться что-то... Что оказалось гладким, словно морская галька, льдом, который едва сформировав, принц молча протянул мне. Я так же молча взяла и сжала в обожженной ладони, испытывая искреннюю благодарность и вместе с тем от чего-то боясь поблагодарить вслух. Наверное, от того, что рука Норта, обнимающая поперек тела, напряглась так, что стало тяжело дышать. Танаэш понимающе улыбнулся и уже развернулся, собираясь уйти, когда я все же не выдержала и тихо попросила:

— Ташши, прости меня пожалуйста!

Стоя в пол оборота он обернулся, улыбнулся мне как-то устало и грустно, и тихо спросил:

— За что мне прощать тебя, сокровище Некроса? За то, что ты оказалась слишком доброй, слишком чистой, и слишком невинной, чтобы осознать случившееся?

Норт резко выдохнул и холодно произнес:

— Тебе лучше уйти, Танаэш!

Но вместо того, чтобы нас покинуть, как намеревался, Ташши резко развернулся и глядя на Дастела, не менее ледяным тоном ответил:

— Ты говорил об извинениях, Норт. Но я не вижу ни одной причины, для принесения извинений. Просить прощения за то, что полюбил? Смешно. Извиниться за отчаянную попытку спасти ее жизнь? Смешнее вдвойне.

Он замолчал, с мрачным вызовом продолжая смотреть на Норта, но тут Эдвин шагнул вперед, закрыв и меня и Норта, и холодно произнес:

— Достаточно.

Ташши не стал с ним спорить и направился прочь, приказным тоном

произнес:

— Никас, Людвиг.

Вампиры двинулись к нему, но Никас сделав два шага обернулся и сказал:

— Риюсик, я все равно с ним поговорю, не переживай.

И принц остановился. Развернулся. Подошел к застывшему Никасу и требовательно спросил:

— Поговоришь о чем?

Не став отпираться, Никас прямо ответил:

— Дядя передаст сталь из Хаоса твоему дяде, надо будет ее забрать и отдать Рие.

Черные глаза Танаэша медленно сузились и он ледяным тоном переспросил:

— Зачем?

И Никас опять честно ответил:

— Риа хочет сделать артефакт, который блокирует влияние ее крови, ну чтобы знаешь парням было легче.

Его высочество сжал губы так, что они побелели, придав приятному лицу Ташши выражение мрачной решимости и об ответе я догадалась еще до того, как принц произнес:

— Нет. Хватит с нее артефактов. Что касается «парней» — пусть закаляют силу воли, им полезно.

И он ушел. Растерянный Никас посмотрел на меня, посмотрел вслед уходящему принцу и поспешил за капитаном своей команды. Людвиг, пробормотав «Да, дела», тоже последовал за ними.

После их ухода, Эдвин молча забрал лед из моей ладони, Норт прикоснувшись к обожженной коже, так же молча все залечил. Дан задумчиво сообщил:

— За время вашего напряженного общения с Ташшиком, мой воспаленный разум обнаружил еще два варианта свалить отсюда с Рией.

— Это в дополнение к тем семнадцати? — равнодушно уточнил Эдвин.

— Ага!

Норт молчал. Он все так же держал меня за руку, осторожно поглаживая пальцы, и молчал. Эдвин взглянул на него и прямо спросил:

— Чего ты опасаться?

Дастел несколько секунд молчал, затем сдавленно ответил:

— На финал заявится король. Полагаю, вам, хорошо знакомым с его любовью к пафосным заявлениям, не нужно объяснять, что произойдет.

Я не то чтобы была хорошо знакома с любовью короля к пафосным заявлениям, но помня о его выходке в Некросе, тихо спросила:

— Ты думаешь, он станет повторять свое бредовое заявление?

— О том, что отдаст тебя победителю? Даже не сомневаюсь, — хрипло ответил Норт.

— А лояльности от Танаэша уже можно не ждать, — добавил Эдвин.

И вот тогда до меня дошло. Практически все и дошло... и я поняла очевидное — на Ташши тоже повлияла кровь Проклятой Калиан. О, Тьма! Трижды проклятая Тьма!

— И чего ты побледнела? — вдруг обратил на меня внимание Эдвин.

Побледнела? Наверное. Наверное, побледнела... А как тут не побледнеть? Да я была в ужасе! Ярослава и Ташши... я разрушила пару ведьмочки и принца. Пару, о которой все знали. Ярослава ведь официально была невестой Танаэша, он ей даже организацию мертвых игр доверил... как невесте. А я все разрушила! Я...

— Так, а ну прекрати! — Эдвин схватил за плечо, встряхнул так, что я вся дернулась. — Прекрати, я сказал!

Прекращать было сложно! На меня волнами накатывало осознание произошедшего, осознание всей ситуации, осознание всего того, о чем рассказал Гобби! И я вдруг отчаянно поняла — я стану как Проклятая Калиан, я буду разрушать все, к чему прикоснусь — пары, браки, семьи... А если учесть, что Ташши попал под влияние крови, то вполне есть шанс, разрушить и государства... О, Тьма! О, Тьма... И это еще даже кровь не проснулась, а что будет потом?! — Риа? — позвал Норт.

Я вырвалась из его объятий. Остановилась, не зная, что делать, как успокоиться. Отдаленно в сознании билась мысль, что сегодня бой, я знала, что нужно оставаться здесь, сейчас будет пережеребьевка, нужно быть с командой... я не могла! Мне отчаянно и до невозможности остановиться, нужно было побыть одной! Просто побыть одной... Иначе я кажется с ума сойду.

И я дернулась было уйти, но Эдвин преградил дорогу.

— Я... мне в уборную, — соврала, ощущая, как срывается дыхание.

Как срываюсь я!

И не позволяя ни остановить, ни задержать себя, торопливо отшатнулась от Эдвина, и практически бегом бросилась прочь из зала. Меня шатало, перед глазами все прыгало и взрывалось светящимися белыми точками, в голове шумело. Я едва ли разбирала дорогу, и когда в коридоре столкнулась с бабушкой, держащей корзинку с яблоками, даже не извинилась.

Бабушка и не требовала. Оказавшись неожиданно сильной, она сгребла меня в объятия и утащила в сторону уборной. Женской. Там отпустила, заперла двери и развернулась к дрожащей мне, став огромным плечистым гоблином.

— Ыгырх... — простонала я, узнав его.

— Умылась бы ты, ледя, лица на тебя нет, — с явной жалостью, посоветовал он.

Я подошла к раковине, оперлась на нее руками, и с отчаянием посмотрела в зеркало, чтобы понять то, что мне сегодня уже говорили — я изменилась. Не явно, не так, чтобы с уверенностью сказать, что из зеркала на меня смотрело чужое лицо, но и своим его назвать я могла едва ли. Изменился взгляд — глаза из зелено-болотного стали яркого темно-изумрудного оттенка. Настолько красивого, трудно было перестать смотреть на них. Но если бы дело было только в цвете. Я всматривалась и не могла понять, что сделало мой взгляд настолько притягательным? Естественные тени ли так легли, ресницы ли стали длиннее и гуще, или разрез глаз слегка изменился? Или все вместе? Все вместе?!

Зажмурилась на секунду, с трудом сдержав стон, снова распахнула ресницы. Вгляделась в лицо... Кожа — стала светлее, одного равномерного оттенка, и даже исчез маленький шрам на подбородке, оставшийся еще с тех пор, когда я первый раз убежав из дома, споткнулась в темноте и рухнула лицом на камни. Теперь шрама не было... Нос... он стал тоньше и изящнее, и не осталось даже намек на веснушки, которые его покрывали... Губы... полнее, очерченнее, и с легким коралловым оттенком... Лицо... Скулы выше, овал тоньше...

Внезапно поняла, что я сползаю на пол.

Точнее как поняла — Ыгырх любезно поддержал меня, схватив за шиворот и вздернув вверх. Он же и прорычал шепотом:

— Эй, там зовут тебя.

С недоумением посмотрев на него, внезапно услышала:

— ...Риа, умертвие подери, мне выломать дверь?

— Нет, — ответила, осознавая, что была настолько оглушена случившимся, что даже не услышала, как меня зовут. — Со мной все в порядке, Норт, я закончу и выйду.

Вопрос только в том, с чем я закончу. Вновь посмотрела на себя в зеркало, и улыбнулась. Из-за того, что Ыгырх продолжал держать за шиворот, я выглядела как марионетка.

— Отпускать уже? — спросил Ыгырх. Я кивнула. Но едва гoblin перестал удерживать, медленно сползла на пол, села, обняв колени и

уткнувшись лбом в колени, и попыталась взглянуть на ситуацию здраво и рассудительно. На ситуацию, которая грозила превратить в реальность мой самый жуткий из кошмаров. Сейчас, сидя на полу и отчаянно пытаюсь взять себя в руки, внезапно отчетливо поняла — я всегда боялась мужского внимания. На грани ли интуиции, из-за приставаний отчима, или под влиянием памяти той крови, что влил в меня дядя Тадор — не знаю. Но страх был. Дикий, сковывающий, давящий, затрудняющий дыхание... Насколько же дикий ужас пришлось пережить Калиан, что он сохранился в памяти ее крови?!

От этой мысли по спине прошелся холодок, и замер где-то в груди. Внезапно поняла, что до этой секунды я переживала за ребят, за Ташши, за то, что разрушила его отношения с Ярославой, но не думала о себе. Я ни на мгновение не подумала о себе, но именно сейчас, соотнеся дикий ужас с памятью крови, я внезапно подумала о том, чем кровь Кошки грозит мне...

— Габриэль правду писал — бежать тебе надо, — наставительно произнес Ыгрх, присаживаясь на корточки передо мной.

В юбке это выглядело забавно.

А я вспоминала поведение парней во дворе, то как вел себя Гаэр-аш, когда, выходя из моей комнаты, бросил Гобби: «Объясни нашему сокровищу, что с кровью она доигралась. Основательно доигралась. Я теперь даже в Данниасе не уверен больше. Круг общения для нее я, Норт и Эдвин. Все. Нет, я объяснить не смогу, я на нее сейчас даже смотреть фактически не могу. Тяжело. Нужно успокоиться.»

И это Гаэр-аш, человек с железной волей давшей сбой лишь на момент пробуждения в нем силы и сущности темного лорда.

И ледяным ужасом в моей голове вдруг промелькнула четкая мысль: «А что будет, когда моя кровь проснется?»

— Бежать, — повторил Ыгрх. — У нас то ты внешне страхогоблина, на тебя никто и не позарится, а тут... тут беда будет, ледя, большая беда.

И вопрос в том, когда? Когда и... чего ждать?

Внезапно в двери постучали, а затем, без труда открыв защелку, заглянуло румяное лицо Любавы. Ведьмочка, смущенно улыбнувшись, неловко протиснулась, закрыла за собой двери и смущенно улыбаясь, сообщила:

— А меня Эдвин послал.

Перекинув косу наперед, поигралась с ее кончиком, снова посмотрела на меня и добавила:

— Вообще Ярослава с Баженой рвались к тебе, но их Норт не пустил, и вообще сказал, чтобы держались от тебя подальше. Злой аки черт был. А

Эдвин меня поманил, да и как подошла, уж попросил зайти к тебе, узнать как ты. Ты как?

Я отчаянно хлопала ресницами.

Еще бы не хлопать — с появлением Любавы Ыгырх исчез! Был тут, сидел же передо мной, а сейчас исчез!

— А ты на полу чего? — поинтересовалась ведьмочка. — Устала, да? Слушай, а Эдвин он чего из еды-то уважает?

— Пироженку, — почему-то ответила я. — И обязательно с вишенкой, без вишенки не ест.

— Ооо, — протянула Любава.

Где Ыгырх?! — А замороженная подойдет? — с тревогой спросила ведьмочка.

Я серьезно кивнула и попросила:

— Можно мне одной побыть, пожалуйста? Со мной все в порядке, правда.

Она закивала, открыла дверь, и опять же протискиваясь, вместо того чтобы створку открыть пошире, вышла. Но еще до того, как дверь захлопнула, я услышала ее смущенное:

— Да в порядке с ней все. Сидит себе на полу, бледная, отчаянные глазищи на пол лица, ручки дрожат, в глазах ужас, а так все хорошо, да.

И дверь она захлопнула.

Ровно для того, чтобы в то же мгновение ее распахнул Норт, решительно вошел, поднял меня, и на руках вынес, не желая слушать мои попытки возразить.

Пронес по коридорам, прикрыв меня мантией от всех, внес в одну из комнат для отдыха, ногой захлопнул дверь, пронес меня внутрь, посадил на низкий черный уже знакомый диван, встал передо мной на колени и обняв ладонями лицо, просто спросил:

— Что?

Я не ответила, обреченно глядя в его темные с фиолетовым отсветом глаза, внутри которых едва заметно плясало синее пламя. И это определенно был танец ярости...

— Что случилось, сокровище мое? — с нажимом переспросил некромант.

Судорожно вздохнув, едва слышно произнесла:

— Я разрушила отношения Ярославы и Ташши.

Норт, криво усмехнувшись, ответил:

— Паршивые значит были отношения, раз он с легкостью перекинулся на новый объект воздыхания.

— Не говори так, — попросила я.

Отпустив мое лицо, Норт осторожно опустил руки и коснулся моих ладоней, нежно погладил, вновь посмотрел в мои глаза и спросил:

— Что еще?

А вот на это я уже ответить не смогла. Просто смотрела на Норта и думала — а что с ним будет, когда моя кровь проснется? Останется ли он тем, кому я могу доверять, рядом с которым перестала бояться, тем чьи прикосновения и объятия воспринимаю без содрогания?

— Ты странно смотришь на меня, — после паузы произнес Норт. — Я ощущаю отголоски эмоций — затаенный страх, обреченность, усталость и... желание, чтобы я ушел.

Внезапно подумала, что действительно с удовольствием побыла бы одна. В последнее время мне как-то не удается просто побыть одной.

— Что с жеребьевкой? — тихо спросила, надеясь сменить тему.

— Ждем команду АМИ, — ответил Норт. — За ними уже отправили, но в целом никто не может понять причины их задержки. Я кивнула, чуть отодвинувшись от Дастела, высвободила свои ладони и села удобнее, откинувшись на спинку дивана и глядя в потолок. Слабость накрыла как-то сразу и разом, не хотелось ничего, даже смотреть на естественный древесный рисунок гладко обструганных лакированных досок, которыми потолок был оббит. Хотелось остаться одной, просто остаться одной...

Но одиночество явно перестало быть моим уделом.

«Девочка моя, упиваешься страданиями?» — раздался в голове вопрос Гаэр-аша.

«Полагаете, у меня нет повода?» — устало поинтересовалась в ответ.

«Полагаю, что достаточно пораскинуть мозгами, чтобы осознать, насколько твоя кровь всегда отличалась от привычной. — Жестко ответил ректор. — Риаллин, вспомни о реакции нежити на запах твоей крови, о голодной ревущей толпе, несущейся на тебя, и даже не столько на тебя, сколько за платком с твоей кровью, который таскал твой не в меру ретивый зомби.»

«Вспомнила», — напряженно ответила я.

Гаэр-аш усмехнулся и вкрадчиво поинтересовался:

«Ну и как, добрались они до тебя?».

«Нет...» — несколько растерялась я.

«Вот и мужики не доберутся, как бы сильно их не сводил с ума твой запах. Успокойся и соберись, у вас бой».

В этот момент открылась дверь, вошел Эдвин, посмотрел на меня, на Норта, затем сообщил:

— Команда АМИ прибыла, пошли, сейчас жеребьевка будет.

Норт, поднявшись, протянул мне руку. Я поднялась, немного неловко запутавшись в мантии. Поправила ее, одернула рукава, ворот. Подумала, что, наверное, сражаться без мантии было бы удобнее. И постаравшись улыбнуться парням, сказала:

— Пошли.

И мы вышли в коридор. Я привычно шла в середине, Норт и Эдвин по краям, словно охраняя меня, вот так втроём мы и вошли в зал для команд. На нас едва ли обернулись — уже началась жеребьевка и огромный полупрозрачный магический шар крутился, перебирая имена и команды, словно тасовал карты. И все напряженно смотрели на переливающийся призрачным перламутром шар, готовых огласить итоги жеребьевки ведьмочек, на экран, вспыхнувший во всю стену.

И вдруг ректор напряженно спросил:

«Риа, что происходит?»

«Жеребьевка, — спокойно ответила я.»

Разглядывая огромный зал, потемневшие с началом явления магического шара стены, яркий экран на котором мелькали наши имена, лица и боевая нежить, игроков, собравшихся командами, различающимися по отделке мантий и сосредоточенно ожидающих результатов. Все было как всегда перед боями, ничего не обычного.

И тем удивительнее оказалось вдруг услышать:

«Риа, беги!»

Я сильно удивилась. «Назад, к выходу, к трибунам. СЕЙЧАС!»

Но после нервного потрясения, я как-то заторможено реагировала на все, и вместо того, чтобы подчиниться, изумленно спросила:

«Зачем?»

И больше спросить не успела ничего... Как в замедленном сне, увидела разворачивающихся к нам членов команды АМИ. Йен Танат, Кират Анма, Суан Яр — три обычных некроманта. Парни, которых я знала, которых Норт с Эдвином знали, которых все тут знали... Они вдруг засветились тьмой, как отступники...

— Риа, назад! — крик Ташши стал последним, что я слышала.

В следующее мгновение adeпты Академии Магических искусств нанесли удар!

Первый снес меня с такой силой, что, пролетев через половину зала, я в печаталась в стену и рухнула вниз с огромной высоты. Боль от сломанных, впившихся в легкие ребер оглушила, и я не сразу ощутила жжение на руке. Лишь рухнув вниз изломанной скрюченной куклой,

увидела, как золотой лужицей растекается обручальное кольцо Норта. Подняла потрясенный взгляд от руки и зажмурилась, увидев вторую лавину тьмы, несущуюся на меня!

Обрушившуюся на меня...

Треск досок, истошные крики ведьмочек, и жжение обручального кольца на правой руке... Но новой боли не последовало. Я открыла глаза, глянула на ярко сияющее от чего-то ставшее красным кольцо ректора, и отстраненно подумала — какой странный артефакт...

И содрогнулась, увидев третью волну Тьмы...

— Картаэрра!!! — крик Ташши, и на пути убийственного сумрака вспыхнула сеть Крадона.

Жуткое, находящееся под строгим запретом, не входящее в программу ни одной магической академии, иссушающее весь резерв мага и нередко убивающее его заклинание, созданное некогда Крадоном для защиты тех, кто был дороже жизни, уничтожило Тьму практически полностью, остатки впитало кольцо ректора...

А затем Ташши рухнул на пол как подкошенный... Повалились изрезанные на куски Кират Анма, Суан Ярт — Эдвин не оставил им и шанса на выживание. Хрипел, с ужасом глядя на вспоровшие его грудь ребра Йен Танат, а Норт уже мчался ко мне.

Я потеряла сознание еще до того, как он успел добежать.

Часть вторая: Артефакты и их последствия

— Чего сидишь? — раздался вдруг голос совсем рядом.

Я открыла глаза, огляделась. Действительно сидела — на крышке стола, в стороне от реторт, колбочек, пробирок, ампул и прочего, над чем корпел ученик отступников. Парень, не поднимая головы, продолжил:

— Предупреждал ведь, не выходи сегодня на бои, так нет же, рванула, не оставив мне даже маленького, крохотного, мизерного образчика крови. Вдали послышались крики. Кричала девушка. Жутко, надрывно, срывая горло... Тьма, что происходит?

— Третий час орешь, — поделился внезапной информацией ученик отступников.

— Кто орет? — не поняла я.

— Да ты, кто же еще, — он безразлично повел плечом. — Говорил Нурту, что проще прибить, чтобы не мучалась, но он оказался против. Вон, старательно пытается сохранить твою жизнь. К чему, спрашивается?

Я удивленно моргнула, с сомнением посмотрела на ученика, и уже хотела сказать, все что думаю по поводу его отступнического юмора, как вдруг вспомнила.

Просто все вспомнила.

И чтобы окончательно убедиться, молча протянула руку, пытаясь коснуться реторты... Ладонь прошла насквозь, не задев стеклянную колбу. Я была астральной проекцией!

И содрогнулась, услышав вдали еще один надрывный, полный невыносимой боли истошный крик...

— Ректор давно предлагал лишить тебя сознания, но старик этот психованный, который меня очень хотел на предмет выяснения возраста исследовать, сказал, что нельзя. Так что ты в сознании и орешь. Ну и голосок у тебя, должен сказать... Думал, если вызову, станешь орать хоть поменьше. Не сработало.

От следующего крика, мне захотелось закрыть уши ладонями и не слышать... просто не слышать.

— Вообще шансов у тебя мало, — едва крик оборвался и стало тихо, сообщил ученик отступников, — там сердце в нескольких местах пробито осколками ребер, и остальное все в решето, но Норт старается.

Он помолчал и продолжил:

— Ты понимаешь, наши ведь всегда по уму действуют, и сверив все данные о твоей защите, показания лича и прочее, вывели самый лучший способ убийства, как формулу, понимаешь? Ты согласишься умно очень — убить тебя, тобой же. В смысле твоими же костями. согласишься, это гениально!

Не согласиться было трудно... Весь дом Гаэр-аша снова сотряс мой крик, жалобный, полный боли, перешедший в хрип.

— Не знаю кто из наших придумал, по связи прошло только что ты уже не являешься проблемой и все, но зная, как наши лорды умеют решать проблемы, я тебя сразу предупредил, помнишь?

Я кивнула.

Затем осторожно спрыгнула со стола, и порадовавшись тому, что не провалилась в пол, осторожно ступая, направилась к двери.

— Ты куда? — мгновенно обернулся ко мне ученик.

— Туда, — прошептала в ответ.

Он вдруг посмотрел на меня с дикой тоской, хрипло выдохнул и внезапно признался:

— Не уходи. Пока ты здесь, пока вижу, что жива, как-то легче.

Затем обхватил голову руками, и простонал:

— У меня не получается, Риа! Ты спасла, а у меня не получается!..

Все так же осторожно ступая, я подошла к нему, и посмотрела на то, что находилось перед парнем. Кристалл. Крупный, с половину моей ладони, с впаянной в него медной проволокой и острыми неограниченными краями.

— Ты пытаешься сделать хранитель для моего сознания? — удивленно спросила я. Он молча кивнул.

— Получается?

Отрицательно мотнул головой.

Постояв молча, тихо попросила:

— Если у Норта ничего не получится, возьми три последние капли моей крови...

— Отдать Гобби? — догадался он.

— Спасибо.

Дом снова сотряс мой крик. Он оборвался на высокой ноте еще более отчаянным воплем, а затем раздался грохот и звон, словно разбилось что-то тяжелое.

И я вновь направилась к двери. Подошла, расположив ладони на створке, и они медленно прошли сквозь дерево.

— Через стены ты проходить тоже можешь, ты сейчас на грани жизни, так что свободно пройдешь, — тихо уведомил отступник.

Я закрыла глаза и легко шагнула вперед.

Вышла уже в подвале. Не была здесь ни разу, но ориентируясь по планировке верхней части дома, пошла вперед, и вскоре набрела на каменную лестницу, ведущую наверх. Поднялась по ступенькам, четыре раза останавливаясь, когда раздавался очередной мой крик.

Так же зажмурившись миновала тяжелую кованную дверь и вышла в просторный сумрачный холл особняка. Обернувшись, с удивлением поняла, что за моей спиной находится стена. Причем выглядывшая совершенно глухой и монолитной, без какого-либо даже намека, что там за ней есть спуск в подвал. Как же много тайн и загадок хранил дом Гаэр-аша.

И я вновь пошла вперед, к лестнице, ведущей на второй этаж... чтобы остановится не дойдя до нее. На ступеньках сидел Дан. В одной руке он держал стакан, другая лежала поверх стоящей рядом бутылки с чем-то явно крепким имеющим оттенок темного чая... И вот эта ладонь, что была на бутылке, заметно дрожала.

Мой крик раздался снова. Глухой, измученный, пронзительный, страшный.

И Дан, как умертвие, едва ли контролируя свои движения, поднял бутылку, трясущимися руками налил полный стакан, стуча стеклом о зубы, выпил все залпом, запрокинул голову, пытаясь совладать с собой. По его щекам текли слезы.

Дан... О, Тьма, Дан...

Я прошла мимо, поднялась по лестнице и с трудом сдержала желание вернуться, когда услышала тихое по мужски скупое сдавленное рыдание Шейна. Не знаю, как удержалась.

Постояла секунду и пошла дальше по коридору.

Крик раздался вновь, он оборвался на полуноте...

И я увидела Эдвина. Он стоял, прислонившись спиной к стене, возле двери, ведущей в мою комнату. Я подбежала, но едва оказалась в двух шагах, остановилась, с тревогой вглядываясь в его лицо. В неимоверно бледное лицо Харна, в тени, что залегли под его глазами, на заострившиеся черты лица... И даже не сразу заметила, что пол устилают осколки разгромленной мебели. Всей той мебели, что еще недавно украшала эту галерею.

— Эдвин, — испуганно прошептала я.

Он не слышал. Он просто физически не мог меня слышать, но что

он точно расслышал, так это очередной душераздирающий крик, и глухо простонав, откинул голову назад, ударяясь в стену с мучительным, жутким стоном.

Отойдя, я осторожно коснулась двери, зажмурила глаза и шагнула вперед.

В моей комнате была кровь!

Везде, куда ни глянь кровь, кровь, кровь! Первой мыслью стало — во мне просто не может быть столько крови!

Потом я увидела мантию, смятую и окровавленную, затем брюки, свитер, рубашку, бюстье... С ужасом проследив по направлению сброшенной видимо по мере снятия одежды, я увидела себя. Я лежала на покрытом белой простыней столе, выдвинутом на середину комнаты и окруженном сотней магических светильников. В одном нижнем белье, с руками, привязанными к кольям, вбитым в столешницу, с ногами, так же крепко зафиксированными. И все что могла делать — кричать, когда, прорывая кожу, мое тело покидал еще один осколок кости... их было много на полу... окровавленных осколков моих костей. И я кричала, надрывно, выгибаясь всем телом, и кажется сойдя с ума от боли...

— Долго еще? — едва мой крик оборвался, спросил Гаэр-аш.

Я повернула голову на звук его голоса и вздрогнула — ректор, казалось, был совершенно спокоен. Абсолютно спокоен. Одна проблема — его глаза заволокло пламя. Жуткое, темно-синее пламя.

— Еще немного, Арташа, почти закончили, — произнес тот самый уже знакомый мне сумасшедший старик. — А тебе что, грудью девочки надоело любоваться? Зря, красивые грудки, между прочим, я бы полюбовался.

Норт, до того державший напряженные дрожащие руки, над моим плечом, не глядя на старика, не прерывая действия, глухо и зло зарычал. А я замерла, осознав то, что не увидела из-за покрывшей тело крови — я без бюстье! Я практически голая!

— Дед, угомонись! — отрезал Гаэр-аш.

Затем, после недолгого молчания, хрипло спросил:

— Почему так много осколков? В ней хоть что-то из костей осталось?

— Все, — ответил старик, касаясь моей кожи и сжимая зубы, чтобы усилием воли, усилием магического напряжения, заставить еще один осколок, прорвав кожу, вырваться наружу.

И едва мой надрывный крик стих, он все так же спокойно, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Это не ее кости, Арташа. Где ты видел, чтобы к примеру

позвоночник расщеплялся на сотни костяных наконечников? То-то и оно. Плюс неизвестно, удалось ли бы к примеру реберным костям так сердце изрешетить... Нет, мой мальчик, мерзавцы действовали наверняка и первая волна Тьмы создала в ее теле все вот это безобразие, дублирующее ее кости и рассыпавшееся на осколки. Они и вонзилось, что куда могло.

Следующий осколок извлек Норт, вновь заставив меня захлебнуться криком, старик же продолжил, едва все стихло:

— Полагаю, второй удар должен был превратить ее в подобие ежа, ошетинившегося костяными иглами, третий — разнести к умертвиям на мелкие части. И остались бы от вашей кошечки только ошметочки, — почти с любовью, пропел он. Но сразу вполне серьезно добавил: — Предусмотрительно ты на нее свое колечко напялил. И Ташшунечка, как бы ты на него не был зол, а девчонку спас.

Норт, не отрывающийся от работы, хрипло спросил: >- Почему мое кольцо оказалось бездейственным?

Старик, переместив ладони и приступив кажется к очередному извлечению очередного осколка, насмешливо спросил:

— Почему бездейственным, Нортик? Оно то как раз подействовало, но в рамках заданной задачи — сохранило красоту твоей нареченной. Посмотри, мой мальчик, на личике ни одного повреждения, да и на теле не было бы, не займись мы своим кровавым делом, и опять же — такие грудки.

— Дед! — взревел Гаэр-аш.

Норт же, не обратив внимания на последний выпад, разъяренно спросил:

— В рамках заданной задачи?! С целью сохранения красоты?!

Мрачно взглянув на него, еще мгновение назад откровенно потешающийся над обоими родственниками старик, вполне адекватно и в повелительном тоне, приказал:

— Не отвлекайся!

А едва Норт вернулся к работе, продолжил:

— Не путай обручальное кольцо и кольцо нареченной. Обручальное связывает новобрачную с силой рода, от нее питается, и в случае необходимости ее же призывает, как случилось с кольцом Артана. А кольцо помолвочное это один отдельный артефакт, ему подпитываться неоткуда, потому и расплавилось. Не забыть ожег залечить девочке.

И я снова заорала, срывая легкие, выгибаясь дугой и захлебываясь слезами.

— Прекрати это, — едва крик стих, глухо попросил Гаэр-аш.

— Не могу, мальчик мой, — весело ответил старик, — пока она в полусознательном состоянии, ее боль держит, не позволяет уйти за Грань. Ты пойми, большая разница, между людьми обычными и теми, чья кровь подверглась изменениям. Последние легче за Грань уходят, не чувствуют они нее, не ощущают страха перед ней. Девчонка, вероятно, и артефакты свои клепают на грани между жизнью и смертью.

— Да, — глухо ответил Норт.

— Вот видишь, — удовлетворенно произнес целитель. — Арташенька, потерпи, ну покричит девочка и перестанет, горлышко потом подлечим, а вот то что видит она все это, это уже не очень хорошо. Опять же за грудки свои стоит стыдиться, а грудки то ничего, очень даже, стыдится тут точно нечего.

Я застыла, повернул голову и посмотрел на деда Гаэр-аш, Норт... Норт не отвлекался, он извлекал из моего тела еще один осколок, и следующие несколько секунд, я опять душераздирающе орала.

А едва замолчала, всхлипывая и содрогаясь, старик невозмутимо поинтересовался:

— И давно ваша девочка астральными проекциями увлекается, м?

— С чего ты взял?! — хрипло спросил ректор.

— Опыт, Арташенька, исключительно опыт — движения астральной проекции отражаются на физическом теле, и вот у нее и глазки клипают, и рот приоткрывался, словно при разговоре, и ноги ритмично подергивались, будто идет, а сейчас шейка в одну сторону дергается, потом в другую... да и когда я над вами с Нортиком потешаться изволил, на щечках мимолетно, но промелькнул румянец. Риечка, девочка, вышла бы ты, а то смущаешь, старика-то.

Замерев, я напряженно смотрела на целителя, не двигаясь с места.

И тут внезапно в голове раздалось: «Убью!»

«Да не обязательно, оступники и сами неплохо справляются, — почему-то ответила я. И тут же добавила: — А прикрыть меня чем-нибудь можно?».

«Если бы можно было — прикрыли бы!» — зло ответил глава Некроса.

— Арташик, вы что, общаетесь? — вдруг как-то напряженно спросил старик.

Лорд Гаэр-аш обратил внимание на промелькнувшее напряжение, и холодно ответил:

— Допустим. Это проблема?

Метнув взгляд на Норта, старик промолчал.

И молчал дальше, старательно делая вид, что занят мной, после спросил у Дастела:

— Давно у девочки такая сопротивляемость к целительской магии?

— С момента пробуждения магии крови, — сухо ответил Норт. — Так что там с ментальным общением?

Совершенно нагло целитель проигнорировал и его вопрос, и скомандовал:

— Сходи за водой. В моей сумке дезинфицирующий состав, выльешь в таз, девочку нужно вымыть.

— Я сам! — мгновенно заявил некромант.

Не удержавшись, старик для начала расхохотался, а уже затем, глядя на родственника, издевательски произнес:

— Мальчик, я принимал тебя у твоей мамы, и видел там все. И если вы оба таки возьметесь за ум и не допустите больше покушений, есть надежда, что у этой девочки роды принимать тоже мне предстоит. И ты не поверишь, но и у нее я тоже увижу все. И я тебе даже больше скажу, при всем моем на то желании, ничего нового я там не узрею. За водой!

Норт, испепеляя старика взглядом, отступил, затем развернулся и ушел. Целитель же, избавившись от свидетеля, мрачно посмотрел на внука и тихо сказал:

— Вэарра.

Я уже слышала это слово. А вот Гаэр-аш похоже нет, потому что с удивлением переспросил:

— Что?

Но ответа не дождались ни он, ни я.

Целитель снял со стола одно из полотенец, вытер руки, после чего обойдя мое тело, встал в изголовье и положил обе ладони на снование шеи, и закрыв глаза, приказал внуку:

— Сходи ребят успокой, переживают же. И девочку заberi.

Открыл глаза, посмотрел прямо на меня так, словно видел, и добавил:

— Но могу, конечно, погрузить в сон.

Отрицательно замотала головой. А затем торопливо вышла из своей комнаты первая, просто хотела узнать, как Гобби, где он вообще?

И эта мысль, эмоциональный всплеск тревоги, незначительный в реальности, как оказалось имел огромное значение в Призрачных гранях! Меня подбросило вверх с такой силой, что, миновав весь дом Гаэр-аша насквозь, я зависла под облаками, удивленно глядя на снег, пролетающий так же сквозь меня. Это было... так здорово! Летать! Оказаться над спящим ночным городом, с интересом разглядывая освещенные и темные улочки,

дома в городе и отдаленный пригород, ярко пылающий всеми огнями королевский дворец... «Ташши...» — пронеслось в мыслях.

И меня понесло к нему. Через облака, мимо спешащих разнести известия летучих мышей и нетопырей, мимо одиноко промчавшейся ведьмы на метле, прямо на королевский дворец. Я зависла над ним, над самым шпилем главной башни всего на миг... а затем ухнула вниз, едва не завизжав от страха...

И замерла в ярко освещенной комнате, несколько оглушенная раздавшимся воплем:

— ... лишиться всего, из-за девчонки?!

Вздрогнув, и стараясь привыкнуть к свету после ночного сумрака, я огляделась.

Это была внушительного размера спальня, отделанная в строгом и сдержанном, но золотом тоне, и, пожалуй, это все, что я могла сказать о ней, потому что, увидев Ташши, уже ни на что другое не смотрела. Принц был бледен, практически сравнявшись цветом кожи с простынею, которой был укрыт. Под глазами залегли тени. На обнаженных плечах и груди проступила венозная сеть, ярко обозначившаяся в районе солнечного сплетения.

— Чем ты думал?! — продолжал орать король.

— Ты уверен, что действительно хочешь знать чем? — вставил ехидную реплику министр Рханэ.

Я обернулась. В отличии от короля, нервно расхаживающего по спальне, главный некромант седьмого королевства сидел в кресле у окна с бокалом в руках. Выглядел он расслабленно, совершенно расслабленно... только руки немного подрагивали.

— Заткнись! — раздраженно приказал монарх.

Министр ответил усмешкой, и спросил:

— Тебе налить?

Метнув на него гневный взгляд, король взбешенно произнес:

— Даргаэрш, не вижу повода для выпивки!

— Ну почему же не видишь? — равнодушно и устало поинтересовался Рханэ. — Начнем с того, что магию Ташши сохранил и... на этом закончим.

И он залпом выпил все вино из бокала.

А в комнате раздалось хриплое, едва слышное, практически шепотом:

— Что с ней?

Короля как подбросило! Стремительно развернувшись к сыну, он заорал во все горло:

— Что с ней? Что с ней??? Да плевать я хотел, что с этой треклятой кошкой, на которой вы все помешались!!! Да чтоб ее...

— Хватит, — тихо произнес министр Рханэ.

Но произнес так, что вздрогнула я и заткнулся правитель седьмого королевства, разъяренно повернувшись к брату. Некромант даже не обратил на это внимания. Поднявшись он подошел к племяннику, сел на прикроватную тумбу, и спокойно ответил с тревогой взиравшему на него Ташши:

— Я не знаю. Принц судорожно выдохнул, отчаянно, до побеления сжав веки.

Рханэ же продолжил:

— Вероятно, все плохо, раз Норт не приступил к лечению сразу, а погрузил ее в стазис.

Так вот почему уже ночь. Нападение произошло утром, ученик отступников говорил только про три часа которые меня лечили. Значит они начали уже ночью, а до этого... И Ташши, похоже, все это время был без сознания...

— Примерно пять часов назад в дом Гаэр-аша прибыл лорд Веридан, а он сильный целитель, пожалуй, даже сильнейший среди живущих. Если что-то еще можно сделать, они сделают, Таш.

Принц кивнул, тяжело дыша и продолжая все так же держать глаза зажмуренными до боли.

— Я не понимаю, зачем ты ему все это рассказываешь? — раздраженно спросил король.

Взглянув на него, Рханэ спокойно ответил:

— Потому что она значима для него, если ты этого еще не понял. И потому что в отличие от тебя, твой сын способен любить.

Хмыкнув, король подошел, осторожно, стараясь не потревожить сына, сел на край кровати, стянул с черных, смоляных как и у родственников волос корону, небрежно швырнул ее на ближайший столик, взлохматил рукой до того тщательно уложенные пряди, посмотрел на брата и устало сказал:

— К гоблинам всю эту вашу любовь, с годами я оценил проклятие ведьмы и те преимущества, что оно дало. Одного не могу понять — как Ташши угораздило потерять голову от девчонки? Четко же было сказано — на тебя и весь род твой.

Министр пожал плечами и честно признался:

— Никогда не был специалистом по ведьминским проклятиям. — Подмигнул и добавил: — Я как-то больше по другим вещам.

— Можешь не конкретизировать, учитывая, что Василина ждет четвертого твоего отпрыска, всем уже давно ясно по каким «вещам» ты специализируешься.

Братья усмехнулись совершенно одинаково. Да и внешне, оказались очень похожи, только король выглядел более изнеженным и расслабленным, хоть и с печатью властности на лице, в вот в министре сразу ощущалась сила, власть, мощь одного из сильнейших некромантов современности, и напряженность, от того груза ответственности, что лежала на его плечах. Но вот одного я не поняла — о каком проклятии шла речь? А впрочем, едва ли меня это интересовало.

Осторожно, держась подальше от братьев, я обошла постель, и все так же осторожно шагая, позволила кровати пройти насквозь через мои ноги, и стараясь сдержать неприятное ощущение не согласного с моими действиями разума, подошла к Ташши. Он едва ли вслушивался в разговор старших родственников, отчаянно пытаясь сдержать эмоции и... переживая. Безумно переживая за меня.

Не удержавшись, протянула руку и коснулась ладонью его щеки...

И произошло то, чего не должно было быть!

Принц вздрогнул всем телом, и не отрывая глаз потрясенно прошептал:

— Риа?! Я мгновенно одернула руку и отпрянула. Ташши распахнул ресницы и посмотрел туда, где я находилась еще секунду назад, причем посмотрел с искренним непониманием в глазах. С трудом подняв ладонь, потрогал воздух в месте, где я только что была, и обессиленно уронил руку...

— Бредит?

— Не похоже, — напряженно глядя на принца, отозвался Рханэ.

А Таши вновь закрыл глаза и выдохнул уже увереннее:

— Риа!

Жутко перепугавшись, я спросила:

«Что?» и поняла, что даже я сама свой голос не слышу.

Тем поразительнее было то, что его совершенно определенно расслышал принц. Он судорожно выдохнул и не открывая глаз, спросил:

— Что ты здесь делаешь?.. А, тысяча умертвий, не важно! Как ты? Только не молчи, пожалуйста, скажи, как ты?!

Отступив еще на шаг, растерянно ответила:

«Все хорошо... жива... Они вытащили все осколки, дедушка лорда Гаэр-аша сейчас уже просто голосовые связки залечивает».

Внезапно подумала, что вероятно поэтому и не слышу свой голос.

Но Ташши слышал! И удивленно переспросил:

— А что с голосовыми связками?

Я ответила прежде, чем поняла, что вероятно не стоит:

«Сорвала пока кричала».

И сильно пожалела о своих словах, заметив, как еще сильнее побледнело лицо Ташши.

«Все хорошо, правда, — поспешила заверить парня. — Я забежала... в смысле залетела узнать, как ты, и мне пора обратно. Ты скоро восстановишься?»

— Уже, — хрипло ответил он. — Через пару часов буду полностью в норме. А ты?

«Не знаю, наверное, тоже», — неуверенно ответила.

И метнув испуганный взгляд на окаменевших братьев Рханэ, торопливо добавила:

«Выздоровливай, мне пора».

И подумала о Гобби.

Ничего не случилось, что было странно, очень странно.

Подумала о том, что он переживает... снова ничего. Я продолжала оставаться на месте, услышала сдавленный стон Ташши «Береги себя», не ответила, потому что не могла понять, почему с Гобби эмоциональная привязка не работает. Вспомнила про Ыгырха и чуть не вскрикнула, ощутив, как меня подхватывает второе более сильный порыв, чем тот что унес к Ташши.

Меня унесло так, что дома, облака, сцены из жизни тех, мимо кого я проносились, мелькали не успевая стать осознанными. А в следующее мгновение я оказалась в гостиничном номере. Очень дорогое, очень просторное, отделанное черными с позолотой обоями, с неразобранной покрытой покрывалом в тон к обоям постелью, с ковром, расшитым багряными нитями, без окон, с железной дверью и столом у стены, за которым сидел... отступник. Лорд-отступник! Огромный, с совершенно черной кожей, белыми прядями собранных в хвост на затылке волос, с обилием колец на неестественно длинных пальцах и в светло-бежевой мантии древнего, ценимого лишь вечными покроя. И полностью поглощенная этим зрелищем, я не сразу увидела, что по другую сторону от отступника, за столом сидел... Гобби!

Вечный же, поправив одно из колец, издевательски произнес:

— Это очень выгодное предложение, умертвие, — слово «умертвие» он произнес с нажимом, словно одним этим хотел поставить Гобби на место, — но вы должны понимать — устранение девчонки для меня дело

чести!

Габриэль мгновенно написал что-то в своем блокноте, после чего вырвал листок и передал отступнику. Лорд-вечный прочел, хмыкнул и ответил:

— Нет, вы ошибаетесь, я вполне уполномочен принимать подобные решения.

Удовлетворенно кивнув, гоблин в безупречном фраке и с ярким, притягивающим внимание кольцом на указательном пальце, стремительно написал еще что-то. Опять же вырвал листок, придвинул к отступнику. Тот взял, прочел, заметно скривился.

— Да поймите же вы, девчонка все равно не выживет! — произнес он с нескрываемой гордостью. — Понимаете — я гений! Истинный, признанный даже нашим выдающимся сообществом гений! И то что я провернул — гениально! У нее нет шансов на выживание, ни одного.

Мой Габриэль все понимал. Он даже изобразил полу-кивок полу-поклон, чуть склонив голову в знак признания выдающихся заслуг отступника, а затем стремительно написал что-то. Мне стало очень интересно что, и подойдя к Гобби, я с интересом посмотрела, что в записке.

Там значилось: «В таком случае, что мешает вам принять мое предложение?».

Написав, Гобби вырвал листок, и протянул его отступнику.

Лорд не взял.

Огромными, абсолютно черными без единого намека на белок или зрачок глазами вечный в полнейшем удивлении смотрел на меня. Я в свою очередь, посмотрела на него, стремительно размышляя на тему — а способен ли он меня видеть вообще? Судя по взгляду, он был не только способен, он и видел преотлично.

Что и подтвердил, потрясенно выдохнув:

— Ты!

Я вежливо ответила:

— Трупов.

Гобби недоуменно оглянулся, пытаясь понять, с кем разговаривает отступник.

— Ты!!! — между тем, взревел лорд-вечный.

После чего, откинувшись на спинку стула, с сомнением и откровенным неверием произнес:

— Ты наша... Сотня проклятых неудачных экспериментов! Ты наша!

Он выглядел потрясенным до глубины души, которой у отступника не

было. Потрясенным настолько, что едва ли мог говорить. Он поднимал руки, ронял их, потерял в процессе одно из своих колец и даже не заметил этого. Вскочил, прошелся по комнате, что-то бормоча, остановился, снова недоуменно оглядел меня, растер лицо руками, растопырил пальцы — посмотрел на меня в щель между ними, выругался, опять же помянув все проклятые эксперименты. А затем решительно вернулся за стол, сел, деловито придвинув стул и скомандовал мне:- Так, иди сюда, недоразумение.

Но тут Гобби написал на листке:

«Риа?»

Отступник заметил это, глянул на меня и сообщил:

— Чтобы он тебя услышал, осознанно и эмоционально прикоснись к его щеке, внутренней стороной ладони. Нет, ну надо же, кто бы вообще мог подумать, что ты наша!

И он, достав из ящика широкий лист бумаги, начал стремительно писать на нем что-то. А я сделала как он сказал и прикоснулась к Гобби. Но ничего не случилось.

— А, мертвый он, с мертвыми не работает, уж извини, — бросил отступник. А затем сказал уже Гобби: — Свободен, зомби. Никаких договоров не будет, девочка наша. Сейчас шустро соображу, как спасти малышку, и мы возвращаемся.

Гобби торопливо убрал листок, на котором для меня писал, и вывел:

«Она воспитанница лорда Гаэр-аша, вы не можете забрать ее».

И подняв блокнот, продемонстрировал вечному запись.

Прочитав, лорд-отступник весело рассмеялся и насмешливо ответил:

— Послушай, маленький серый гoblin, в ордене Огня есть один непреложный закон — мы не бросаем учеников. Никогда. В случае крайней необходимости можем убить, сохранив отпечаток сознания, естественно, но бросить — нет. Ученики редкость, понимаешь? Огромная, невероятная, бесценная редкость. Видишь ли, мы берем в ученики тех, кто вызывает эмоциональный отклик, и как ты сам понимаешь, такое происходит крайне, крайне редко. У нас ведь чувств толком уже не осталось. Так что девочку я забираю в любом случае, кто-то из наших ее определенно очень ценил, значит она ценность для всего Ордена.

Гобби несколько секунд смотрел на вечною, вновь принявшегося что-то писать и чертить, а затем стремительно написал что-то в блокноте. Поднял, чтобы отступник прочел, но тот был слишком увлечен процессом, чтобы отвлекаться и тогда Габриэль постучал по столу костяшками пальцев.

— Кхмееэна! — выругался вечный, и поднял голову с вопросом: — Ну что еще?

А еще была надпись:

«Я знаю где находится ваш ученик!»

— Да неужели? — скривившись, издевательски переспросил отступник. — Слушай, умертвие, если бы у меня была крохотная, хотя бы такая малюсенькая надежда, что Ктар жив, я бы сейчас тут не сидел, я бы перерывал весь город в его поисках. Но моего мальчика больше нет... — голос вечного на миг оборвался, — иначе он ответил бы мне. Но есть хран. Я наиболее жестоким способом поубиваю всех, кто был причастен к его смерти сегодня утром, вернусь домой, подберу подходящее тело в хранилище и верну себе своего мальчика. Все. На этом проваливай.

Гобби остался сидеть, судя по взгляду на отступника мучительно подыскивая другие варианты решения проблемы. Я же не смогла промолчать и сообщила:

— Если вы говорите об ученике вечных, который сегодня был ранен, то он жив. Очень медленно отступник поднял голову и очень пристально посмотрел на меня. Секунду в его глазах плескалась ярость... через секунду она сменилась чем-то иным, а следом он, чуть прищурившись, протянул:

— Кровь и следы оборвались резко. Да, там боевые маги наследили, но Охурд, — отступник заметил в моих глазах немой вопрос и пояснил, — один из моих, — постучал себя по лбу, — величайший охотник своего времени, читая по следам, уверял меня, что Ктар исчез на том самом месте. Что его не переносили, не левитировали и прочее. И если принять во внимание его слова и ту свободу, с которой ты перемещаешься в Призрачных гранях... Ты вытащила Ктара?

Молча кивнула.

Вечный окинув меня восхищенным взглядом, произнес:

— Талантливая девочка. Но там крови было излишне много, кто исцелил моего мальчика?

И тут же, не дожидаясь ответа.

— Дааастел, — протянул лорд-отступник. — Тебя тоже он?

Я кивнула.

— Но как?! — откровенно недоумевая, спросил вечный. — Я учел все — способности Дастела, помолвочное кольцо, и даже тот защитный браслет, что мальчишка сумел выпросить у родителей. Я все рассчитал!

Отступник полез под стол, извлек внушительный ватман, развернул, и вглядываясь в рисунки, схемы, надписи, продолжил:

— Место и время нападения, присутствие темного лорда, твою вечную охрану, и кольцо Дастел-Веридан. С ним было сложнее всего, но помог сам мальчишка, нацепив на тебя охранный артефакт. Знаешь, я гений, — вполне серьезно заявил вечный, — а все гениальное просто, и я просто натравил защитный артефакт на кольцо, используя фактор конечности энергетического резерва кольца.

Я подошла, встала возле вечного и тоже с интересом посмотрела на схему. Одно можно было сказать точно — отступник был великолепным художником. И судя по замыслу этого художника от меня должны были остаться рожки да ножки... в смысле голова, ноги и руки, которые должно было живописно разметать по всему залу команд.

— Ну как? — с интересом спросил вечный.

— Вы замечательно рисуете, — была вынуждена признать я.

Чуть прищурившись, лорд отступник произнес:

— Ничего личного, девочка, передо мной была поставлена задача, я ее выполнил.

Даже не спорила с этим, заинтересованно глядя на колонку значений и схем, расположенных под идеально нарисованным и уже не существующим кольцом Дастел-Веридан. Схема не просто описывала возможности кольца, она разложила их по значениям, способностям, энергетическому резерву, вероятностям реагирования. Такое не мог сделать не специалист, это была работа артефактора. Исключительно талантливого артефактора... а мне был известен только один такой.

Стараясь контролировать каждый свой жест, каждый звук и придав лицу безразличное выражение, я спросила:

— У вас при... хм... при себе еще и артефактор?

— Мм? — переспросил он.

Я указала на схему.

Взглянув на нее, отступник легко ответил:

— А, нет, артефактора нет, выкладка из старых записей. Артефактора я хотел завести одного, но человеческие слишком ограниченные, с ними ничего гениального не создашь, а среди наших артефакторов больше нет. Мир пошатнулся.

Я продолжала стоять, все так же глядя на схему, но в глазах темнело, медленно и неотвратно.

Вдруг заметила, как Гобби невозмутимо мне указывает на блокнот. Глянула и прочла:

«Спроси: Как защититься от Призрачных граней!»

Вопрос показался мне в данный момент совершенно бесполезным,

ничего не значащим, глупым, вообще не нужным... но я не хотела огорчать Габриэля, а потому произнесла:

— В Призрачных гранях можно перемещаться везде где хочешь? Без ограничений?

— Мм? — отступник, был снова полностью поглощен своей схемой, видимо все пытаясь найти где просчитался. Как оказалось, предположила я верно, потому что следом вечный пробормотал: — Вмешательство мальчишки Рханэ не учитывал, да, кто же знал, что он запрещенной магией балуется, но что еще?! Что-то ведь должно быть еще... — Потом вспомнив о моем вопросе, отмахнулся рукой, и раздраженно ответил: — Нет, девочка, их для начала создать и активировать нужно, а потом уже перемещаться.

А потом я поняла, что отступники прирожденные учителя, потому что, метнув на меня недовольный взгляд, он тяжело вздохнул, свернул схему моего убийства, достал лист и начав рисовать, попутно принялся объяснять:

— Смотри.

И он начал рисовать камень, затем рядом его двойника, словно чуть преломленное отражение...

— Изучение способностей жителей Хаоса потребовало от нас отказа от веры в неизменность и стабильность мира, для объяснения способностей монстров, ранее не поддающихся логичному научному анализу. Это привело к открытиям и новым возможностям, но лишило нас образного и логического представления о вселенной. Многие братья ордена, не сумев воспринять новую хаотичную структуру устройства вселенной, погрузились в изучение того единственного, что представлялось им стабильным — себя.

Рассказывая, он продолжал рисовать, камни, располагая их по кругу, на равно удаленных промежутках, и отрисовывая каждый раз точную, но менее яркую копию.

— Между тем, устройство мира легко поддается анализу, если принять во внимание тот факт, что существует один мир, и двадцать три его отражения.

Я прикинула оставшееся место и поняла, что отступник будет рисовать все двадцать четыре камня. Он и рисовал. Удаленные по кругу от камня отражения теряли яркость и четкость, те что были ближе были точной копией... с небольшими изменениями. И рисунок ученый закончил достаточно быстро. А завершив, достал карандаш, и отрисовал схему, изобразив треугольник, соединяющий первый, основной, восьмой и

четвертый камни. Восьмой был еще приемлемо четким, четырнадцатый же практически белым, едва различимым.

— Шайгены к примеру используют эти мира, — сообщил лорд-отступник. — Это Серые грани, — он указал на восьмой камень, — это Белые грани. Шайгены достигают способности перемещаться в сопутствующих мирах за счет частого, крайне частого перехода за грань смерти во время обучения. Кроме них грани способны использовать только высшие демоны — собственно они их и создали, а шайгены радостно паразитируют, пользуясь проторенной дорожкой. Очень долго мы искали возможности так же получить доступ к перемещениям через иные миры, но... мы не монстры, мы ученые, сверхспособностей у нас не было очень долго... пока мы их себе не создали.

Он усмехнулся, и продолжил: — Все было решено, как и всегда — с помощью логического подхода. Мы основывались на теории об отражении мира, и с этой точки зрения решено было применить преломление отражения. Путем долгих и сложных экспериментов, мы сумели проникнуть в ближайшее отражение нашего мира, изменив конфигурацию проникновения.

— Астральная проекция! — выдохнула я.

— Умничка, — искренне похвалил отступник, и указал на двадцать четвертый камень на схеме. — Ты сейчас здесь. В прошлом.

Честно говоря, я удивилась, и очень сильно.

— И естественно, у тебя не было бы никакой возможности беседовать со мной, не создай я временную привязку.

И он нарисовал круг, захватив половинки от первого и двадцать четвертого камня.

— Призрачные грани формируются путем закольцовывания, — пояснил он. — Создается магическое поле, фиксируется кристаллической сетью, и активируется. Итог — мы получаем возможность перемещаться в Призрачных гранях и даже, — он улыбнулся мне, — вытаскивать некоторых индивидов при необходимости. Вопросы?

О, сколько у меня было вопросов!

— То есть теоретически, когда вы создали магическое поле, любой человек может им воспользоваться? — торопливо спросила я.

— Нет, не любой, — с энтузиазмом ответил вечный. — Требуется подготовка, определенные медитации, а так же стирание границы осознания смерти. Иногда, в крайне редких случаях доступ к Призрачным граням получают демоны, в той или иной степени подвергшиеся нашему разрушительному воздействию на сознание. К слову, это позволяет понять,

почему Ктар на данный момент не имеет возможности связаться со мной, видимо причина в том, что исцеление на некоторое время заставило его очень остро ощутить себя живым. Вопрос в том, на какое время... Будем разбираться. Еще вопросы?

Их все еще было безумного много:

— Защита от Призрачных граней существует?

— Она аналогична защите от любых призрачных явлений — формируется защитный контур, налагается печать не проникновения. К сожалению, как видишь, все достаточно просто, что в свое время сильно ограничило наши возможности в Хешисаи. Еще?

Судя по азарту в его глазах, ему действительно было интересно, что еще я спрошу. А мне было интересно спрашивать.

— Серые грани, они удалены от основного мира гораздо менее, используемого вами двадцать четвертого, какие у них возможности?

— Масса! — с явной завистью ответил отступник. — Первое и основное — они скрывают и переносят реальное тело, а реальность это всегда больше возможностей. Второе — они позволяют брать любые вещи, без ограничений, третье — защита, Серые грани защищают своего путешественника.

Тут он снова нахмурился, и пробормотал:

— Что же я не учел в защите?.. — глянул на меня и поспешно добавил: — Я искренне рад, что с тобой все хорошо, но как я и вдруг просчитался... И в чем? Что ж, теперь есть, о чем размышлять долгими вечерами. И...

Он не договорил. Точнее может и договорил, но я не услышала. Меня вдруг поглотила Тьма, засасывая куда-то где темно, тепло и почему-то очень надежно и безопасно...

— Давай-давай, девочка, просыпайся, — услышала я голос дедушки лорда Гаэр-аша.

И повинувшись ласковому, но настоятельному велению, открыла глаза.

Первое что увидела — балдахин над своей кроватью. Затем, чуть повернув голову — целителя, стоящего возле постели.

— Разговаривать тебе пока нельзя, — сообщил он, — горлышко повредилось чуть сильнее, чем я рассчитывал, а целительскую магию ты воспринимаешь хуже, чем мне бы хотелось. В остальном — с возвращением к жизни, кошечка.

Я села.

Стремительно огляделась — в комнате, кроме целителя никого не было. Ни Дана, ни Эдвина, ни... Норта. Быстро глянув на себя, поняла, что

меня одели, причем судя по тому, что на мне была черная шелковая рубашка с длинными рукавами, одевал меня Норт. Но где он сейчас?

Я посмотрела на лорда Веридана, открыла было рот, чтобы спросить, закрыла, вспомнив, что речь мне пока не доступна, и подскочила с кровати, чтобы побежать к двери.

— Не так же резво! — посмеиваясь, крикнул мне вслед целитель.

А я не слушала.

Выбежав в коридор, я на миг остановилась, прислушиваясь к звукам, а услышав голоса внизу, в холле, опрометью бросилась туда.

Сбегая по лестнице, мельком увидела подскочившего со стула Дана, стоящего у окна и сжимающего черный призванный магией меч Эдвина, Норта, сидящего в кресле за столиком, накрытым к ужину, на который некромант похоже даже внимания не обратил, сгорбившийся, уронивший голову на руки, он казалось был безразличен вообще ко всему. Пока не появилась я. Норт видеть меня не мог, но каким-то образом почувствовал, вскинул голову и посмотрел на меня, слетающую вниз по ступеням.

Я сбегала вниз, в холл, промчалась, шлепая босыми ногами по каменному полу, с разбегу обняла растерявшегося Дана, крепко-крепко, отступила, улыбнулась его совершенно потрясенному взгляду, и попала в сильные объятия Эдвина. Он сжал с такой силой, словно хотел убедиться, что это я, правда я, совершенно живая я. Обняв его за шею, поднялась на носочки, прижалась, отстранившись посмотрела на него сияющими счастливыми глазами, и легко высвободилась из объятий, чтобы уже через секунду быть рядом с Нортом. Нортом, который обессилел настолько, что даже не поднялся, он лишь следил за мной полным тревоги напряженным взглядом, словно ждал чего-то — обвинений, упреков, скандала по поводу того, что одевал меня точно он. Я улыбнулась всем его ожиданиям, юркнула к нему на колени, обняла, и подумала, что готова сидеть так вечно. А когда дрожащими руками сначала обнял, а потом с силой сжал он, решила, что можно даже больше, чем вечно. К тому же замерзла, пока бежала вниз и по каменному полу, а на Норте было тепло.

— А голосок где? — вдруг спросил Дан.

— Повредила. Говорить пока не сможет. До утра примерно. — резкими, скупыми фразами, ответил Норт.

— По тому, что я вижу, повреждений больше нет, — произнес Эдвин.

Норт отрицательно мотнул головой, подтверждая, и прижался лицом к моим волосам. Его трясло. Мелкая, как в перетруждённых мышцах дрожь сотрясала все тело. Я догадывалась, что он выложился по максимуму и даже больше, что едва ли отходил от меня, что не ел вероятно вообще.

Последняя мысль заставила сесть ровнее, и вообще я подумала, что надо бы встать, но Норт посмотрел так, что я осталась сидеть на месте, соображая, с чего бы начать. Начала с тарелки с мясом, которую повернувшись взяла со стола, и вилки. Протянула все Норту, Норт отрицательно покачал головой, затем произнес:

— Не хочу.

Пожав плечами, я наколола кусочек поменьше на вилку, поднесла к его губам. Съел. Молча, глядя только на меня, и продолжая меня обнимать. Но съел же. И второй кусочек съел тоже. И даже третий. Он ел, не отрывая взгляда от моих глаз, не разжимая рук, которыми обнимал мое тело, едва дыша. И словно не веря, не до конца поверив, что я здесь, я жива, что он сумел вырвать меня из объятий смерти. А я смотрела на него, и чувствовала, как мои глаза наполняются слезами, как те соскользнув по ресницам, падают вниз, на его крепко сжимающие меня руки.

Повернувшись, наколола еще кусочек мяса на вилку, поднесла к губам Норта. Он ел безропотно и молча, едва ли ощущая вкус еды, едва ли ощущая хоть что-то, кроме существования меня в этом мире... того, что я продолжаю существовать. Закрыв глаза, с тихим стоном уткнулся лбом в мое плечо, и сжал еще сильнее. Я уронила вилку и робко обняла его, осторожно глядя по плечу. Я не знала, как вести себя, что сделать, чтобы успокоить его, чтобы показать, что все хорошо, что уже все прошло, что...

И вдруг в холле прозвучало:

— Арташенька, я конечно все понимаю — мальчик переживал, девочка очень его успокоить хочет, но разврат в твоём доме, с твоей воспитанницей, и в твоей то ситуации, Арташенька...

Норт на это отреагировал глухим рыком, я же повернув голову на голос, увидела стоящего в дверях ведущих в его кабинет ректора, который сложив руки на груди уже похоже давно так стоял, и лорда Веридана, спускающегося по лестнице.

И старик одной репликой не ограничился:

— Или ты все еще ждешь, что тебя тоже радостно затискают?

Убийственно глянув на родственника, лорд Гаэр-аш развернулся и ушел к себе, хлопнув дверью. Я продолжала сидеть на коленях Норта, ощутив то напряжение, что охватило его, и почему-то очень не желая, чтобы лорд Веридан произнес еще хоть что-то. Но целитель продолжил все так же издевательски-ехидно:

— Нортик, малыш, понимаю, что крайне приятно хе-хе обнимать девоньку в одной рубашке на голенькое тело, — я почувствовала, как стремительно краснею, — но ты бы подумал вот над чем — девицы

склонны проявлять чувства к тем, кого считают другом, и стесняются касаться тех, кто их действительно волнует.

Норт застыл.

На его скулах отголоском ярости заходили желваки, но Дастел не произнес ни слова.

— Съел, да? — ехидно поинтересовался старик.

И направившись в кабинет к ректору, издевательски добавил:

— Так-то оно, Норттик, ощущать одновременно и благодарность за спасение самого дорогого в твоей жизни, и желание растерзать за оскорбление его же. Добро пожаловать во взрослую жизнь, мальчик, не все-то Арташеньке мучаться.

Мы все четверо проводили лорда Веридан застывшими взглядами, откровенно порадовавшись, что ничего больше он не сказал и на этом уgomонился. Но как оказалось — нет, не уgomонился, просто сменил объект приложения своих ехидных способностей.

— А что, Арташик, — громко произнес он, едва вошел в кабинет ректора и еще не закрыл за собой дверь, — так и будешь молча страдать, пока молодой да ретивый женку твою домогается, а? Или...Видимо лорд Веридан рассчитывал, что лорд Гаэр-аш как и Норт будет молчать в благодарность за помощь в моем спасении, но целитель сильно ошибся.

Для начала за его спиной захлопнулась дверь, отрезая старика от нас.

Затем прозвучало что-то очень тихое, мы вообще толком ничего не услышали, просто атмосфера в доме как-то помрачнела, словно сумерки сгустились.

А вот после дверь открылась, вышел лорд Гаэр-аш и началось:

— Риаллин, в постель. Норт, поесть и медитировать, ты выложилсЯ, нужно поддержать источник. Дан, иди проспись. Эдвин, оденься, нам предстоит установить защитный периметр вокруг дома.

И сам, развернувшись, направился к двери.

Эдвин, взглянув на нас, пошел к лестнице, легко взбежал по ней, и почти сразу вернулся, неся в руках плащ. Дан, дернулся было пойти с ним из дома, но его шатало слишком основательно, и Шей, пошатываясь, пошел к себе. Мы с Нортом остались сидеть, даже когда Эдвин вышел на улицу, а Дан скрылся наверху.

Просидев еще несколько секунд, Норт, подхватив меня, рывком поднялся, пошатнулся и с трудом удержался.

Испугавшись за него, мысленно потребовала:

«Норт, отпусти, пожалуйста».

Он опустил взгляд на меня, вопросительный, тревожный, не

понимающий.

Содрогнувшись, я загнала мелькнувшую мысль как можно дальше, и повторно попросила:

«Пожалуйста, отпусти».

Норт нахмурился и хрипло спросил:

— Ты меня сейчас просишь о чем-то?

Я застыла, в ужасе глядя на него. И испуганно, теряя надежду, тихо позвала:

«Норт...»

Но оправдывая мои худшие предположения, он с отчаянием произнес:

— Я не слышу...

Глухо простонав, прижалась лбом к его груди, обхватив за плечи, судорожно вздохнула, и шепотом, напрягая надсадно заболевшее горло, попросила:

— Отпусти.

Отпустил мгновенно, словно окаменев от осознания произошедшего. На меня он не смотрел, и не посмотрел даже когда отошла на шаг. А я просто не могла его тут так оставить. Осторожно ступая по действительно холодному полу, подошла к столу, подхватила тарелку с мясом, нагроутила на нее зелени, несколько ломтей хлеба, пять ломтиков сыра и соленой рыбы, и удерживая все это одной рукой, подошла ко все еще стоящему без движения Норту, взяла его за руку и повела за собой к лестнице. Норт ускорился, забрал у меня тяжеленую тарелку, и уже покорно пошел следом.

Проходя мимо кабинета ректора увидела сидящего там лорда Веридана. Старик сидел ссутулившись, упираясь локтями в колени и глядя куда-то в никуда перед собой. Не знаю, что сказал ему Гаэр-аш, но сказанное явно потрясло целителя. Потрясло на столько, что он до сих пор в себя не пришел, и даже на нас не глянул. Норта я уверенно привела в свою комнату. Здесь правда еще кое-где на полу виднелись следы моей крови, плохо потертые похоже служанками, просто ведро с тряпкой обнаружилось у стены в коридоре в трех шагах от моей двери, но оставлять его одного я побоялась.

Едва завела его к себе, закрыла дверь, огляделась, думая, как бы его лучше обустроить. Норт попытался было что-то сказать, но я безапелляционно указала ему на кровать, требуя, чтобы сел. После прошла к столику у окна, ухватилась за него и со скрипом и скрежетом протащила через половину комнаты к Норту так, чтобы тот мог поставить тарелку и поесть нормально.

И вот после этого, забравшись на кровать и поджав озябшие ноги, я

сдвинула листы и книги по боевой некромантии, взяла карандаш и спешно написала молча наблюдающему за мной Дастелу:

«Поешь, пожалуйста».

После чего пододвинула ему листок.

Он посмотрел на меня, на стол, поставил тарелку, отодвинул столик от себя, и сказал мне:

— Ножки дай.

Не понимая, развела руками, указала на стол.

— Не спорь, — спокойно потребовал Норт.

Ладно, не буду. Молча села иначе, высвободив ноги. Некромант, ничего не говоря, простер ладонь над моими озябшими конечностями и предупредил:

— Не пугайся.

А испугаться было от чего — одно движение и сорвавшийся с его ладони огонь вмиг окутал мои стопы и голени, поднявшись теплым коконом до колен. Но ничего не загорелось, я не ощутила даже жара — только тепло. Нежное, мягкое, согревающее тепло, ставшего невероятным синего огня.

— Превращение завершилось, — едва слышно, и как-то обреченно произнес Норт. — Тобой инициировалось, с тобой и пришло к финалу.

Не зная, что сказать, я потянулась к блокноту, расположила на покрывале и написала:

«Но ты не стал чудовищем».

Он прочел, невесело улыбнулся и ответил:

— Я стал темным лордом, мое сокровище.

Он выпрямил ладони, и держа их перед собой, тихо повторил:

— Темным лордом...

На моих глазах его пальцы удлиннились, кожа стала на тон темнее, ногти стремительно почернели, удлинняясь, сухожилия проявились отчетливее.

— Менее месяца на перестройку организма, — продолжил Норт. — Лорд Веридан сказал, что скорости моей трансформации позавидовали бы истинные. — Он поднял взгляд на меня и пояснил: — Стандартный период вхождения в силу у темных лордов — семь лет.

Я сидела, потрясенно глядя на него. — Семь лет, — Норт усмехнулся, и как-то ожесточенно добавил: — Наш король проходил перерождение пятнадцать, многократно горел сам и сжигал все вокруг, в результате половину этого срока провел в отдаленном скальном монастыре.

Несколько раз он сгорал до мяса. Однажды, сойдя с ума от боли ринулся со скалы в пропасть. Выжил. Пролежал на дне ущелья около двух недель и поднялся в итоге — кровь темных дает невероятную живучесть.

Он помолчал, опустил ладони, посмотрел на мои, все так же согреваемые пламенем ноги и вновь заговорил:

— Мы с Артаном планировали на финальную стадию покорения огня перебраться в тот самый скальный монастырь. Планировалось, что путем долгих медитаций, лишений и голода, получится спровоцировать организм и ускорить процесс. Планировалось...

Он судорожно вздохнул, и как-то отрешенно сообщил:

— Я сгорел там, держа на руках твое окровавленное тело и слыша, как из израненных легких вырывается твой последний вздох. Артан... не знаю. Подозреваю, что так же, только сначала смотался за лордом Вериданом.

Помолчав еще немного, Норт совсем тихо произнес:

— По словам лорда Веридана, нам неимоверно повезло, Артану меньше, его перестройка организма едва не добила, мне больше — все прошло практически безболезненно, но знаешь, — он посмотрел в мои глаза и выдохнул: — Я предпочел бы пятнадцать лет сгорать заживо, чем один раз видеть, как ты гибнешь.

В смятении опустила взгляд, затем вновь взглянула на продолжающего смотреть на меня Норта. Открыла было рот, совершенно забыв, что не могу говорить, закрыла. Не выдержав, пододвинулась к парню и просто обняла его, не зная, чем еще его можно поддержать. Вообще не зная, что делать, и как передать, что мне жаль... мне так искренне жаль, что им всем пришлось переживать. Что все это произошло... Что погибли те трое парней, которых сделали моим орудием убийства... Что Ташши пострадал... Что...

— Кхм, кхм, — раздалось вдруг совсем рядом.

Я вздрогнула, отстранилась от Норта и удивленно посмотрела, на стоящего в моей комнате лорда-отступника. Призрачного, полупрозрачного, но вполне реального.

— Так, деточка, — начал он, оглядев меня с головы до ног, — первое правило ученицы вечных — никаких интимных отношений до двадцати пяти лет. Тебе двадцать пять есть?

Я отрицательно покачала головой. Норт, осознав, что происходит что-то странное, напряженно спросил:

— Риа, в чем дело?

Сказать ему я не могла, поэтому торопливо взяв листок и карандаш, написала:

«Тут лорд отступник зашел».

Сам вечный, заинтересовавшись, что это я там пишу, подошел, сел рядом с Норт и заинтересованно посмотрел на лист.

— Не отступник, а вечный, — наставительно поправил он.

Кивнув, я написала:

«Прошу прощения, лорд-Вечный, я использовала слово, применяемое среди магов».

Он удовлетворенно покивал, принимая мое объяснение. Зато Норт казалось окаменел. Проследив за моим быстрым взглядом на отступника, повернул голову влево, оказавшись практически нос к носу с астральной проекцией, так как вечный согнулся чтобы читать было удобнее, некромант естественно ничего не увидел, повернулся ко мне и напряженно спросил:

— Какой отступник, Риа?!

Пришлось опять же стремительно писать: «Лорд Вечный, а не просто вечный».

— Какой еще вечный, Риа?! — разъяренно прорычал Норт.

«Ну лорд-Вечный, как же тебе объяснить...»

Посмотрела на Дастела, на заинтересованно ожидающего как я буду выкручиваться лорда, и честно написала:

«Ну тот, который сегодня, в смысле уже вчера, пытался меня убить».

Выражение лица Норта я бы не сумела описать никакими словами.

Зато лорд-Вечный, прочитав, задумчиво отметил:

— Прекрасное умение вычленить главное, без потери времени на дополнительные объяснения.

Норт определенно думал иначе. Глядя на меня сузившимися от ярости глазами, он хрипло спросил:

— Где конкретно этот выродок?

Лорд Вечный, приподняв бровь, так же обратился ко мне с фразой:

— Девочка, передай молодому темному лорду от меня лично, во-первых, извинения за причиненные в связи с твоей практически гибелью моральные страдания, а во-вторых, напоминание о том, по поводу кого щенок пытается высказаться.

Даже не зная, как это совместить, просто написала:

«Норт, не ругайся, пожалуйста.»

А затем уже отступнику:

«Ктар находится в подвале, в лаборатории. Лорд Гаэр-аш позаботился о том, чтобы его боевые маги не нашли и планировал отпустить за городом, когда мы покинем столицу».

И я посмотрела на вечного, встретила с его задумчивым взглядом и услышала не менее задумчивое:

— Некроманты его даже не пытали?

«Нет! — возмущенно написала я. И добавила: — Норт его только излечил, и успел в последний момент практически».

Лорд-Вечный повернул голову и внимательно посмотрел на напряженного Норта. Пристально, словно искал что-то. Нашел, просияв чудовищной улыбкой и сказал мне:

— Когда два источника сливаются вместе, рождается река.

После чего стремительно поднялся, просчитал куда идти, видимо за Ктаром. И вдруг замер.

«Что-то случилось?» — с тревогой написала я.

Отступник задумчиво кивнул, и сообщил:

— Кто-то замыкает круг.

Я не поняла, о чем он, хотела спросить, но тут вечный начал рассеиваться. С изумлением взглянул на свои руки, после на меня, выругался, помянув все неудачные эксперименты, и исчезая, крикнул:

— Никаких парней, поцелуев и прочего, ученица!

И он исчез. И почти сразу над всем городом вспыхнул защитный контур, на подобие того, который ставят от нежити, только этот был светло-голубого, а не темно-фиолетового цвета, и размерами откровенно поражающе.

А потом я вспомнила свой вопрос «Защита от Призрачных граней существует?» и ответ учителя «Она аналогична защите от любых призрачных явлений — формируется защитный контур, налагается печать не проникновения. К сожалению, как видишь, все достаточно просто, что в свое время сильно ограничило наши возможности в Хешисаи».

И единственный, кто слышал это кроме меня — Гобби. В смысле Габриэль, думаю он и принял меры, как-то передав информацию семье Рханэ.

— Риа, — позвал Норт.

Перевела рассредоточенный взгляд на него, и написала:

«Вечный ушел, в смысле ему перекрыли возможность передвижения в виде астральной проекции. Кто-то накрыл весь город защитным контуром».

— Вовремя, — сухо произнес Дастел, и в ответ на мой немой вопрос, пояснил: — Трупы парней из Академии магических искусств допросил лорд Эллохар. Не знаю как, для некромантов трупы после воздействия отступников допрашивать проблематично, но этот жуткий тип смог.

Вызванные и подчиненные им призраки, несмотря на пятиступенчатую защиту, наложенную на них, выдали чертеж, виденный мельком во время внушения и подселения в них сгустков Тьмы. Собственно, мне хватило всего одного взгляда на схему и плетение заклятий, чтобы осознать — сам не справлюсь. И по факту, одним этим лорд Эллохар спас твою жизнь. Вторым, что лорд выяснил, было существование в седьмом королевстве действующей и часто используемой сети Призрачных граней. Насколько я понял из разговора между лордом Вериданом и Артаном, лорд Эллохар обсудив ситуацию с Рханэ, собирался найти способ перекрыть эти самые грани.

Он замолчал, устало глядя на меня.

Я же, вспомнив слова отступника, торопливо написала:

«Учитель сказал, передать тебе, что «Когда два источника сливаются вместе, рождается река».

Несколько секунд Норт молчал, как-то странно глядя на меня, а затем резко поднялся, едва ли не отшвырнув от себя столик, и направился к двери, практически прорывчав:

— Я убью тебя! Я тебя просто прибую! Сам!

И он стремительно вышел из моей комнаты.

После его ухода в комнате стало как-то пусто и холодно. Даже не смотря на то, что мои ноги все так же окутывал теплый и уже согревший меня огонь, на душе стало холодно. Я посидела с листом бумаги, потом повинувшись какому-то безотчетному желанию, погрузила кончик листа в окутывающий меня огонь... бумага занялась пламенем. Какое-то мгновение я оторопев смотрела на разгорающееся по листу обычное желтое пламя, потом испуганно осознав, что у меня горящая бумага в руках, попыталась встать, чтобы выбросить, и не смогла — огонь был как кокон из теплого одеяла, он просто не дал из него высвободиться. А в моей руке полыхал лист бумаги, сгоревший уже на половину! И что с ней делать я не знала! Уронишь на постель — загорится простынь, на пол не докинуть, да и он деревянный, в руках уже не удержать я...

Дверь распахнулась, когда я была окончательно в панике.

Окутанный морозным воздухом, покрытый снежинками, на ходу расстегивающий плащ Гаэр-аш, стремительно подойдя, отобрал у меня почти догорающую бумагу, погасил ее одним взглядом, вторым уничтожил согревший меня синий огонь, после чего, магически развеяв пепел сгоревшего листа, насмешливо произнес: — Сокровище мое, самосожжение не лучший способ избежать неприятного разговора. Что касается разговора со мной, еще и ненадежный.

Ректор расстегнул и отбросил плащ, а затем, с каким-то пугающим видом снимая перчатки, невозмутимо поинтересовался:

— Кстати, сообщи, будь так любезна, с каких это пор у тебя новый учитель?

Мне вдруг очень захотелось исчезнуть отсюда.

— Молчишь? — зло спросил лорд Гаэр-аш, отшвырнув перчатки, и теперь очень пристально глядя на меня.

Пристально и с таким ледяным спокойствием, за которым очень явственно ощущалась клокочущая ярость.

Ничего удивительного, что я обнаружила факт своего испуганного уползания, лишь когда спиной уперлась в изголовье кровати. И все равно продолжала с трудом осознанные попытки оказаться как можно дальше, в ужасе глядя на ректора. Потому что в нем что-то изменилось. Неуловимо, незримо, но очень отчетливо.

«Интересно «что»? — раздалось вдруг во мне.

Удивленно моргнув, я переспросила:

«Вы... вы меня слышите мысленно?»

«Отчетливее, чем прежде» — уведомил Гаэр-аш.

И уже вслух:

— А теперь встань с кровати и подойди. И советую поторопиться как минимум по той причине, что несмотря ни на что, я мужчина, если ты не забыла, и вид полулежащей на постели до боли желанной девушки, это слишком даже для меня. Поднимайся, Риаллин, и желательно надень хоть что-то, шелковая рубашка в принципе не та одежда, в которой я могу спокойно на тебя смотреть!

Я слетела с кровати мгновенно, с той ее стороны которая была подальше от ректора, метнулась в ванную, натянула толстый длинный банный халат, и уже собиралась выйти, как услышала голоса, и поняла, что кроме Гаэр-аша в комнате кто-то еще.

Бесшумно приоткрыв дверь, увидела Норта. Он стоял у приоткрытого окна, опершись руками о подоконник, ссутулившись и как-то обреченно глядя на пейзаж пока еще ночного города.

— Прекрати сжирать себя, — ледяным тоном приказал Гаэр-аш.

Норт, видимо не заметивший моего возвращения, сипло ответил:

— Она назвала его учителем, Артан... Учителем, понимаешь? И ты бы видел ее глаза — они горели. Этот блеск интереса, тяги к познанию, счастья... я не знаю, чего еще, но ты бы видел ее.

Он судорожно вздохнул и хрипло проговорил:

— Я ей не нужен, Артан. Ни я, ни ты, ни кто-либо еще... Всю

сознательную жизнь ей нужен был только Тадор Шерарн и тот запретный мир исследований и знаний, который он для нее открыл. Все! На этом все!

И Норт рассмеялся, отнюдь не весело. Скорее как-то зло и обреченно. А затем яростно продолжил:

— Он ее заберет. Он ее просто заберет, и она радостно последует за ним, потому что здесь условности, ограничения, толпа озабоченных жаждущих заполучить ее магов и я со своими непонятными ей чувствами. А там все то, что наполняет ее жизнь счастьем — эксперименты, ритуалы на грани жизни и смерти, мудрый Учитель и мужики, никак не реагирующие на ее кровь. И она уйдет, Артан, она уйдет, а я сдохну!

— Выживешь, — ледяным тоном осадил его Гаэр-аш. — Думаешь?

И Норт развернулся к ректору, скрестив руки на груди странно посмотрел на него и вдруг сказал:

— Ты не любил Кеалир. — Усмехнулся и продолжил: — Не знаю, как все это помнится тебе, но я слышал разговоры матери и теток, и все сходились на одном — ты не любил Кеалир. Ты мог оставить ее в своем замке на неделю, две, три, умчавшись на охоту или погрузившись в расследование очередного несанкционированного подъема кладбища. Приезжая с ней к моим родителям, ты едва отслеживал где она, твой взгляд на следовал за ней повсюду, ты не старался прикоснуться к ней при любой возможности, не искал ее внимания, не млел от ее улыбки. И много-много других мелочей, которые были так очевидны опытным женщинам, да, впрочем, и мужчинам тоже. Ты взбесился лишь тогда, когда Герон Даграэш устранил ее. Как же, твою женщину и убили! Посягнули на твое! Но даже тогда ты не вел себя как влюбленный, нет, ты был взбешенным утратой. И приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы утраченное вернуть. Говоришь, я выживу? Я не выживу, Артан. Я не ты. И ситуация не та.

Гаэр-аш усмехнулся и холодно спросил:

— Все сказал?

Улыбнувшись, Норт произнес:

— Я ведь прав, Артан.

— Прав. Сходи в мой кабинет возьми с полочки медальки за отвагу, сообразительность и решимость высказать мне эту правду в лицо, — последовал саркастичный ответ.

Дастел не сдвинулся с места, глядя на старшего родственника. А я подумала, что он зря, очень зря не ушел... и оказалась права. Лорд Гаэр-аш, стремительно пересек мою комнату, подойдя вплотную к Норту, и глядя ему в глаза, отчеканил:

— Сдохнешь, значит?! Слушай ты, щенок тщеславный, я угробил пять

лет жизни на то, чтобы сделать тебя сильнейшим некромантом Арании. Пять лет бессонных ночей в поисках методик, техник, тренировок, способных поднять тебя с нулевого уровня, на высший. Пять лет в Некросе, который я ненавижу всеми фибрами своей души еще со времен обучения в этом вечном окруженном дохлятиной склепе. Но это мелочи, а вот отдать тебе Риаллин, это действительно далось неимоверно, невыносимо, убийственно. И поверь, тебе никогда не понять, чего мне стоило это решение. Сдохнуть? У тебя нет такого права, малыш. Нет права умереть, нет права на ошибку, нет права не занять трон. Так что собрали волю в кулак и прекратили ныть, Ваше Величество!

И ректор отошел. Постоял, невозмутимо разглядывая манжет на рукаве, и спокойно, совершенно без прежней испепеляющей ярости добавил:

— Мертвые игры — твой последний шанс насладиться всеми возможностями бесшабашной молодости. Ограниченно бесшабашной, естественно. Учитывая выдвинутое королем условие и в целом создавшуюся ситуацию, ты едва ли вернешься в Некрос, разве что отсидеться, если восстание потерпит поражение. Но это вряд ли, не я один не спал ночами все минувшие пять лет. Ты займешь трон, Норт, как и планировали наши семьи. Ты займешь трон и начнешь восстановление королевства, а это процесс долгий, кропотливый и сложный. Это то, чего от тебя ждут. То, на что сделали ставку многие и многие, рискуя своими жизнями и семьями. И это то, на что ты подписался сам, дав волю своему тщеславию. Обратного пути у тебя нет, Норт. На этом все. И займись наконец медитацией, Тьма тебя раздери!

Дастел резко встал, словно оттолкнувшись от окна, и стремительно вышел.

Ректор же, подойдя к окну, распахнул створки, и подставив лицо влетевшему ледяному зимнему ветру, глубоко вздохнул. Задержал дыхание, медленно, словно успокаиваясь, выдохнул. Магией захлопнул окно, развернулся и произнес, повысив голос: — Риаллин, прекратила дрожать и вышла из ванной, пока я сам тебя оттуда не выволок!

Испуганно захлопнула дверь и отшатнулась, растеряв всяческое желание вообще покидать это уютное безопасное пространство. За время разговора Норта и Гаэр-аша я едва ли дышала, на какие-либо мысли меня в принципе не хватило, а вот теперь... теперь вдруг стало как-то странно, страшно, и в то же время... появилось ожидание чего-то хорошего. Для меня хорошего. Норт правду сказал — я назвала лорда-Вечного учителем. Назвала неосознанно, но даже если бы осознавала... Все что меня держит

здесь и сейчас — оживление Гобби и спасение парней. Вот еще несколько дней назад я бы сказала, что только оживление Гобби, но после того, как стал ясен план отступников...

Я содрогнулась, вдруг отчетливо осознав, что где-то возможно здесь, в столице седьмого королевства, в такой же изолированной комнате без окон сидит одержимый идеей уничтожения четырех наследников древних родов отступник, и чертит планы. План за планом... Уверенный в своей гениальности, поставивший перед собой цель и не видящий преград. А для того, кто преград не видит — их нет! И проблема в том, что вот они меня сегодня спасли — Норт, Эдвин и Ташши, а смогу ли я спасти их?

И тут дверь в ванную комнату распахнулась, являя охваченного ледяной яростью Гаэр-аша.

Но я едва ли испытала ужас больший, чем при мысли о том, что возможно прямо сейчас неизвестный мне лорд-Отступник продолжает чертить план за планом... Без ненависти, без злости, без вообще каких-то лишних эмоций, а просто решая поставленную задачу... как обычное уравнение. И нарисована там уже не я, а четырем живописно отображенными трупами лежат Норт, Эдвин, Дан и Ташши...

Меня затрясло!

— И о чем таком страшном думает мое сокровище? — издевательски поинтересовался глава Некроса.

Я была так напугана, что честно ответила:

«О том, что делать, если парни погибнут...»

Насмешливо вскинув бровь, Гаэр-аш усмехнувшись, ответил:

— Расслабься, моя радость, вот конкретно в этом случае думать тебе уже не придется.

«Почему?» — мгновенно спросила я.

Ректор, глядя мне в глаза, с издевательским спокойствием ответил:

— Потому что в этом случае дорогая, я женюсь на тебе, автоматически взваливая на себя так же трон. Последнее конечно не радует, но будем откровенны — дядя в прекрасной физической форме и проживет еще не один десяток лет, соответственно у меня будет много, очень много, практически даже достаточно времени на мою молоденькую жену. Полагаю, первые лет пять, я едва ли буду выпускать тебя из постели.

И он улыбнулся, любезно и вежливо, словно только что вел светскую беседу о погоде, к примеру, а не говорил совершенно чудовищные вещи!

«Вы шутите?» — потрясенно переспросила.

— Естественно шучу, — насмешливо отозвался Гаэр-аш. И холодно добавил: — Жениться на тебе? Это было бы глупо. Видишь ли на супругу

короля, или даже наследного принца, налагается масса обязанностей, таких к примеру как благотворительность, организация балов, дипломатических встреч и прочего. Это достаточно затратные по времени занятия, ко всему прочему королеве приходится контактировать с огромным количеством народа, что меня лично категорически не устраивает. Так что да, на счет женитьбы это была шутка. Просто запру тебя там, куда никто не доберется, и буду использовать с огромным удовольствием до конца своих дней. И знаешь — прекрасная перспектива, мне нравится.

Я стояла в ужасе глядя на ректора, и просто не могла во все это поверить. — Кстати, — привалившись плечом к дверному косяку, продолжил Гаэр-аш, — обрисую для тебя еще одну перспективу, раз уж мы в принципе коснулись перспектив. Итак, представь себе, что одна маленькая глупая девочка, решила сбежать к отступникам... Так, чисто гипотетически. Представила?

Боясь даже шевельнуться, я не ответила ничего. Гаэр-аш ответа и не ждал, продолжая смотреть в мои глаза, он угрожающе произнес:

— Я ведь найду, Риаллин.

Он не сказал больше ничего, но это и не требовалось, я уже хорошо знала ректора, знала достаточно, чтобы понимать — слов на ветер он не бросает никогда. Но вместе с этим пониманием, накатила и злость. И тяжело дыша, я возмущенно подумала:

«Вы не имеете права мне указывать! Это моя жизнь и мой выбор, и...»

— У тебя нет выбора, сокровище мое, — как-то устало перебил Гаэр-аш. — У тебя он был, моя радость, ты выбрала Норта. Все, на этом свое право выбора ты исчерпала. И прежде чем сейчас начать возмущенно вещать об аморальности моих заявлений и налагаемых на тебя ограничений, вспомни о наличии морали у того, кого ты сегодня назвала своим учителем. И так, исключительно в качестве пищи для размышлений — сладкая моя, даже Тадор Шерарн был потрясен бесчеловечностью вечных настолько, что в конечном счете ушел от них, и тебя он растил и обучал вдали от тех, кто подобен твоему свежееобретенному «учителю». Подумай об этом...

И развернувшись, Гаэр-аш вышел, бросив через плечо:

— Выходи уже, Риаллин, ванная комната не лучшее место для серьезного разговора.

Выходить не хотелось вовсе. Принимать слова ректора к сведению — тем более. Несправедливые слова! Я слушала его отповедь Норту, и в принципе понимала, весь этот заговор с целью посадить Норта на трон, в

котором Дастел согласился участвовать, действительно налагал на него определенные обязательства, тут не поспоришь, но я...

«Знаете, мне всегда казалось, что я свободный человек!» — возмущенно подумала я, выходя все же из ванной.

— Ключевое слово — «казалось», — иронично отозвался Гаэр-аш.

Он стоял возле окна, сложив руки на груди и пристально глядя куда-то вдаль.

От всего пережитого, меня немного шатало, но пойти и сесть на постель я побоялась, учитывая ранее сказанное некромантом, поэтому подошла и опустилась на стул, ощущая легкое головокружение. Едва села — стало легче, и передохнув я попыталась призвать ректора к справедливости.

«Вы прекрасно знаете, что я перевелась в Некрос исключительно с одной целью — обрести независимость по его окончанию! Вам это известно! Свобода в принципе была моей единственной целью, и заявлять сейчас, что у меня ее нет, это как-то... Это несправедливо и неправильно, вы не находите?»

Искоса взглянув на меня, Гаэр-аш усмехнувшись вновь вернулся к созерцанию пейзажа за окном, и безразлично произнес:

— Ребенок.

И на этом все. Ни слова больше. Ни мысли. Ни намек даже. Я поджала озябшие ноги, села так, чтобы они тоже были на стуле, обняла колени и уткнувшись в них носом, с горечью подумала — что у отступников и правда легче. По крайней мере никто не относится с пренебрежением, не угрожает, не унижает, не язвит и всегда знаешь, что на любой вопрос получишь полный и развернутый ответ, и тебе все объяснят, не бросаясь скупыми оскорбительными фразами.

Тяжело вздохнув, Гаэр-аш мрачно пояснил:

— Я не оскорбил, я констатировал факт. Он отвернулся от окна, одним движением вернул отодвинутый мной до постели стол на место, словно выставил преграду, прошел и сел на стул напротив меня. А затем, постукивая пальцами по столешнице, уже совершенно спокойным и нормальным голосом произнес:

— Что конкретно тебе объяснить, Риа? Что все твои размышления о свободе наивный бред? Что мысли о свободе для женщины, живущей в мире где правят мужчины, бред вдвойне?

Я промолчала, настороженно глядя на него.

Уловив мое явное непонимание, ректор вновь тяжело вздохнул и продолжил:

— Пойми, даже если мы сейчас опустим твою кровь, способности и все то, с чем ты столкнулась благодаря Мертвым играм, даже в этом случае, никакой свободы в твоей жизни не было бы.

Просто не могла не спросить:

«Почему?»

Снисходительно улыбнувшись, Гаэр-аш мягко, как ребенку, пояснил:

— Потому что ты молодая красивая девушка, Риа.

Мое откровенное недоумение вырвалось возмущенным:

«И все? Все объяснение?»

Гаэр-аш усмехнулся, помолчал, глядя на меня и вновь постукивая пальцами правой руки по столу, затем еще мягче, произнес:

— Свобода выбора изначально ограничивается исключительно предпочтениями мужчины. Именно мужчина выбирает способ получения понравившейся девушки — долгие нежные ухаживания, стремительное коварное соблазнение или же насильственное овладение. И в дальнейшем ситуация не меняется — все важные решения в семье принимает мужчина, все решения в отношении жены так же принимает мужчина, она едва ли что-то может сделать без его разрешения. И если допустим в седьмом королевстве это лишь устоявшийся порядок вещей, то в нашем четвертом женщина на законодательном уровне является собственностью своего мужа и в этих реалиях мне в принципе сложно понять, о какой свободе ты могла мечтать, мое сокровище?

«Я не собираюсь выходить замуж» — честно ответила ректору.

Он улыбнулся и ответил:

— Как я уже сказал — именно мужчина выбирает способ получения понравившейся девушки. И если она не соглашается по-хорошему, особо настойчивые мужчины всегда используют свое заложенное природой преимущество — силу, Риаллин.

Судорожно вздохнув, мрачно ответила:

«Я способна себя защитить».

Насмешливо глядя на меня, Гаэр-аш произнес:

— Ты была способна противостоять лишенному магии отчиму, но оказать сопротивление боевому некроманту не всякий состоявшийся боевой маг может, что говорить о юной хрупкой девочке.

Он дал мне время осознать все услышанное, и продолжил:

— Ты росла без матери, сокровище мое, поэтому, к сожалению, многого не понимаешь. Ничего, поймешь со временем. А теперь скажи мне, чего ты так сильно испугалась в ванной? Я, наверное, была слишком потрясена состоявшимся разговором, поэтому ответила предельно честно:

«Ктар, ученик отступников, призвал меня в момент, когда Норт и лорд Веридан проводили исцеления, поэтому у меня была свобода передвижения в Призрачных гранях...»

Запоздало подумала, что не стоит вероятно говорить ректору об этом, но он мягко произнес:

— Продолжай, пожалуйста.

И я продолжила.

«Мне удалось переместиться в место, где находился лорд-Вечный, и он... Мы видим друг друга, он увидел меня. Очень удивился, и порадовался тому, что убийство не удалось. Правда он так и не смог понять причин того, что вторая волна Тьмы меня не уничтожила...»

Я невольно взглянула на свою правую руку — кольцо лорда Гаэр-аша золотым ограненным ободком сверкало и переливалось на пальце. И оно стало видимым. Решила, что обязательно спрошу почему, и вернулась к рассказу.

«Он показал мне схему плана покушения. План был идеальным. Место нападения, орудия атаки, использованные заклинания. Все было идеально. Лорд-Вечный гений, я это поняла мгновенно, да он и сам не сомневается в своей гениальности, но речь не об этом...»

Взглянув на внимательно слушающего меня Гаэр-аша, я продолжила:

«Проблема в том, что где-то возможно в этом же городе, в великолепно обставленной комнате без окон, над другим планом сидит другой лорд-Вечный, который тоже считает себя гением. И я достаточно хорошо знаю отступников, чтобы не сомневаться в том, что он действительно гений, и у него возможно уже есть какой-нибудь гениальный и тщательно разработанный план убийства Норты, Эдвина, Дана и Ташши».

Ректор промолчал, пристально глядя на меня.

У меня промолчать не вышло, и я добавила:

«Я изготовила Эль-таимы изначально зная, что своим участием в играх, могу подставить парней. Я хотела быть уверенной, что чтобы не сотворила, какую бы ошибку не совершила на играх, им это не причинит вреда. И мне казалось, я предусмотрела все — усиление источников, защиту от прямой магии, удалось вплести даже защиту от Тьмы изначальной, хотя я даже в момент плетения считала это невероятным... Но магии темных лордов Эль-таим Эдвина противостоять не смог, и это меня очень тревожит до сих пор. А теперь, когда стало известно о решении отступников убить... Я боюсь, что не сумею спасти их. Они меня спасли, а

сумею ли я быстро действовать в подобной ситуации? И что я смогу сделать? У меня ни скорости реакции Эдвина, ни целительских способностей Норта, ни секретных знаний Ташши... ничего».

И даже не знаю почему, но глядя сквозь пелену проступивших слез на капли крови, оставленные служанкой на полу, я мысленно простонала:

«Все, кто был мне близок и дорог умерли... Папа, мама, дядя Тадор... Я не хочу, чтобы ребята погибли! Я не смогу это выдержать... Не знаю, что делать.»

Я даже не плакала, мне просто было невыносимо плохо.

Лорд Гаэр-аш поднялся, подошел ко мне, придвинув стул сел вплотную напротив, протянув руку, убрал пряди волос с лица, приподнял за подбородок и глядя в глаза, мысленно произнес: «Справимся. Сила темных лордов есть у меня и у Норта, проанализируем, рассчитаем возможности защиты. На рассвете подниму инферно, поставлю задачу искать описанное тобой пространство, шансов что найдут немного, но есть. Арену исследуем вместе, вполне возможно, ты заметишь то, на что я и остальные маги не обратили внимание. Выставлю маяки на обнаружение любых отголосков Тьмы изначальной. Рханэ после сегодняшнего тоже в стороне не останется, защитный купол мы поставили практически одновременно — я по периметру дома, они вокруг всей столицы. Есть еще вариант с наложением рун Хешисаи. Не хотел его использовать, но в нашей ситуации лучше перестраховаться. Все будет хорошо, мое сокровище».

Внезапно распахнувшаяся дверь пропустила долговязую фигуру светловолосого демона из Хаоса, и лорд Эллохар, остановившийся на пороге, насмешливо протянул:

— Интимненько все у вас тут. Мне попозже зайти?

Я замерла, Гаэр-аш же, успокаивающе погладив по щеке, обернулся и поднимаясь произнес:

— Рад видеть вас, лорд Эллохар.

— И вам всего ужасного, — весело ответил тот, легко входя в комнату.

Он выглядел совершенно по-человечески, если не считать странную черную форму из незнакомого мне материала, ну и запредельный рост лорда Эллохара. А в остальном — человек, совершенно и полностью, и я не удержалась от того, чтобы закрыть глаза... Нет, человеком этот мужчина не был. На меня, весело и чуть насмешливо смотрело порождение Хаоса, правда во все том же черном костюме, который удивительным образом подстроился и под более широкие плечи, и под более высокий рост, и даже под руки с заметно обозначившейся неестественной для людей мускулатурой.

— Забавная ты, — неожиданно произнес этот монстр из Ада.

Причем в реальности произнес.

Мгновенно распахнув ресницы, я смутилась и села правильно, опустив ноги и плотнее закутавшись в халат. Лорд Эллохар между тем, чувствуя себя совершенно как дома, прошел в конец моей комнаты, взял стул стоящий у стены, вернулся с ним, разместил рядом с ректоровским и моим так, что образовалось что-то вроде кружка, сел, закинув ногу на ногу, посмотрел на меня, на медленно опускавшегося на стул ректора и сообщил:

— Понятия не имею, что делать.

Он помолчал, переводя взгляд с меня на Гаэр-аша, и продолжил:

— По-хорошему следовало бы вот это чудо, — он кивнул на меня, — забрать к себе в школу, а игры запретить.

Я испуганно взглянула на ректора и заметила, как медленно и угрожающе сузились его глаза, но возражать глава Некроса не стал, и я поняла почему, едва лорд Эллохар продолжил.

— Но тут есть две проблемы, первая — вы, лорд Гаэр-аш, ее ваэрра. А история уже порадовала нас примером того, что случается, когда происходит насильственное разлучение кошки и ее ваэрра. И не знаю как вы, но лично я не горю желанием видеть второе пришествие Хаоса. И вторая проблема — я мог бы вмешаться, но не уверен, что мое вмешательство принесет пользу человеческим королевствам в политическом масштабе.

И он посмотрел на лорда Гаэр-аша. В упор и с явным ожиданием его мыслей по данному поводу. Ректор некоторое время молчал, затем вполне серьезно произнес:

— Ни мы, ни Рханэ не пойдем на отмену игр.

Кивнув, лорд Эллохар сообщил:

— Они сказали мне примерно то же самое.

Лорд Гаэр-аш не был удивлен, скорее это подтвердило его ожидания. Мои не знаю, не сказать, что я была удивлена, ровно до следующих слов лорда Эллохара:

— Кстати, вы не думали перебраться с воспитанницей в Темную империю?

— Не вижу причин делать это, — холодно ответил лорд Гаэр-аш.

Поведя плечом, темный ответил: — Причин достаточно. Судя по цвету вашего пламени, вы вправе претендовать на родовую защиту клана Алсэр, я уже не говорю о претензиях на наследство, это первое. Второе — ваша прелесть еще не вошла в полную силу, когда войдет, вам пригодится

поддержка. Третье — девочка сильнейший маг Смерти, в человеческих королевствах этот тип магии находится под жестким запретом, и буду откровенен — неспроста. В Темной империи за счет близости Хаоса потоки магии распространяются иначе, множество заклинаний обратимо, и существует возможность обучения. Как минимум она могла бы обучаться у меня на специализированном факультете. И последнее — у отступников нет никаких возможностей просочиться на территорию Темной империи, в отличие от человеческих королевств, как выяснилось.

Я сидела едва дыша, и испытывала жуткое желание снова поднять ноги, уткнуться носом в колени и сделать вид, что меня тут нет. От всего сказанного становилось как-то... жутко. Но только мне. Лорд Гаэр-аш же, внимательно все выслушав, задал неожиданный вопрос:

— Почему вы упомянули отступников, лорд Эллохар?

Темный улыбнулся. Как-то провокационно и слегка насмешливо, но это была неожиданно добрая насмешка, и так же по-доброму лорд ответил:

— Потому что ваше сокровище, лорд Гаэр-аш, балуется астральными путешествиями. Полагаю, дальнейшие комментарии излишни?

Ректор считал, что не излишни, и уточнил:

— Как вам стало об этом известно?

Эллохар весело взглянул на меня, широко ухмыльнулся и сообщил главе Некроса:

— Ваша вечно переживучая за других прелесть, слетала проверить как дела у Танаэша.

На меня метнули один единственный, но крайне убийственный взгляд, после чего лорд Гаэр-аш задал еще один вопрос:

— И как выдала себя?

Загадочно улыбнувшись, темный ответил:

— Трогательно пообщалась с его высочеством. Рекомендую обратить внимание, на слово «трогательно».

«Я тебя убью!» — отчетливо прозвучало в моей голове.

Лорд Эллохар между тем огляделся, и весело заметил:

— Что-то у вас грязнова-то как-то, не находите?

Я огляделась — в основном все было как и всегда, только пол остался недомытым. Вспомнила про оставленное ведро у двери, и подумала, что тут явно что-то не так.

И как оказалось, правильно подумала.

— Вы ведь все знаете, — спокойно произнес лорд Гаэр-аш.

Лорд Эллохар улыбнулся и мягко произнес:

— Отпустите женщину, у нее, между прочим семья и дети.

— А у меня стойкая неприязнь к продажной прислуге, — холодно ответил ректор.

Рассмеявшись, лорд Эллохар укоризненно сказал: — Зря вы так, она между прочим боевой маг, мастер иллюзий третьей степени и личный почетный шпион его королевского величества. Вы, похоже, еще не допрашивали ее?

Гаэр-аш помрачнел, и ледяным тоном ответил:

— Нет. Она была поймана на подслушивании системой контроля дома. Но теперь я непременно пообщаюсь с данной женщиной как можно скорее, как минимум выясню где настоящая служанка.

Я переводила взгляд с одного лорда на другого, едва ли до конца понимая, что произошло. Лорд Эллохар, заметив это, улыбнулся, сжалился и пояснил:

— Танаэш бесконечно беспокоился о тебе, но так как семьи в данный момент практически в состоянии войны, узнать напрямую представляло некоторые затруднения, поэтому пожалев сына, его величество отдал приказ одной из своих лучших шпионок выяснить информацию о твоём состоянии. Но на шпионаже магистра и поймали, впервые за всю ее карьеру.

Ну ничего себе!

Лорд Гаэр-аш, скептически оглядевшись, мрачно резюмировал:

— И шпион из нее не очень, и полы мыть не умеет.

— Возьметесь за ее перевоспитание? — со смехом поинтересовался лорд Эллохар.

Ректор, посмотрев на меня, на мой просительный взгляд ответил мысленно:

«Отпущу, естественно, прекращай переживать за совершенно незнакомых тебе людей».

Я перестала.

Гаэр-аш взял и добавил:

«Но можешь начинать переживать за себя, мое сокровище!»

Может и начала бы, но тут лорд Эллохар вернулся к изначальной теме разговора:

— Я уже говорил с Рханэ, но ваше мнение так же важно. Что вы решаете?

Решение было сложным. Я смотрела на ректора и почти физически ощущала его желание встать и пройти из стороны в сторону, но взглянув на меня Гаэр-аш остался сидеть, видимо не желая оставлять меня наедине с лордом Эллохаром, за что я, откровенно говоря была благодарна.

Несколько секунд на размышление, и Гаэр-аш предельно откровенно ответил:

— Мы не можем позволить себе отказаться от игр. Для нашего королевства победа в играх позволит сохранить множество жизней. Достаточно много жизней, для того, чтобы парням стоило рисковать собой.

Лорд Эллохар задумчиво кивнул, принимая его ответ, затем посмотрел на меня и спросил опять-таки у ректора:

— А как вы поступите с девочкой?

Ректор промолчал, и вот тогда лорд Эллохар добавил:

— Младший Рханэ настаивает на ее отстранении от игр. Настаивает до такой степени, что готов лично отказаться от участия в играх. И после случившегося сегодня я взглянул на его доводы куда более пристально, чем ранее.

Гаэр-аш взглянул на меня, я мысленно взмолилась «Только не это!»

Но учитывая ожесточенное выражение лица главы Некроса, торопливо добавила: «Покушений на меня больше не будет, ни одного. Отступник просто не знал кто я, узнав очень сожалел, и порадовался тому, что я осталась жива. На меня никто не нападет больше, правда. Пожалуйста, не соглашайтесь!»

«Убил бы!» — зло ответил лорд Гаэр-аш.

— Забавно вы общаетесь, — вклинился лорд Эллохар.

— Так очевидно? — мгновенно спросил ректор.

Темный усмехнулся и туманно ответил:

— Заманчиво. Крайне заманчиво иметь подобную возможность неограниченного общения. Но я думаю наш разговор стоит продолжить без этих очаровательных ушек, и огромных сияющих умоляющих глаз. К тому же я явно смущаю ваше с трудом оставшееся в живых сокровище.

И резко поднялся. Гаэр-аш встал вслед за ним, глянул на меня и спросил вслух:

— Замерзла?

Я отрицательно покачала головой.

— В постель и спать, — кратко скомандовал глава Некроса.

— Кошмарненьких, — в своей своеобразной манере попрощался лорд Эллохар.

У меня не было возможности сказать что-либо в ответ, да моих слов никто и не ждал. Темный направился к двери, невозмутимо сообщив идущему за ним лорду Гаэр-ашу:

— Я так понимаю, обручальное кольцо на ее пальчике принадлежит вам?

— Да, — сухо ответил ректор, — надел для защиты еще в Некросе.

— Предусмотрительно, — похвалил лорд Эллохар.

И оба вышли из моей комнаты.

Я осталась сидеть, отрешенно глядя на два опустевших стула, и откровенно радуясь тому, что они ушли. Потому что, если честно безумно переживала за Норта.

Переживала настолько, что, нарушив приказ Гаэр-аша осторожно, стараясь не наступать на оставшуюся на полу кровь, подошла к двери, приоткрыла, и прислушалась. Ни шагов, ни звука голосов слышно не было. Подождав еще несколько мгновений, я приоткрыла дверь сильнее и выглянула в коридор — там еще хранились следы разрушения, учиненного Эдвином, но было совершенно пусто.

Осторожно ступая босыми ногами по теплomu деревянному полу, я прокралась к комнате Норта, постучала, нервно ожидая ответа, не дождалась и открыла дверь.

Норт сидел на полу в круге очерченном огнем. Ссутулившись, спрятав лицо в ладонях, и не реагируя ни на что. Но едва я открыла дверь сильнее, чтобы войти, та скрипнула и Дастел, вскинув голову, посмотрел на меня. И я так и остановилась на пороге, смутившись и не зная, что делать.

— Тебе было сказано ложиться спать, — хрипло произнес Норт.

А я посмотрела на него, и в его глазах прочитала наполненное тоской «Останься...». Вот только мне бы еще Гобби дожидаться... Глянув еще раз на Норта, я развернулась и вышла, не закрывая его дверь и вероятно именно поэтому услышав глухой, полный какой-то звериной тоски стон. Хотела было уже вернуться сразу, но нужно было позаботиться о том, чтобы Гобби меня нашел. Рванув в комнату, я торопливо написала «Гобби, я у Норта, очень жду тебя». Оставила записку на видном месте, схватила тарелку с ужином для Норта и бросилась к нему обратно. Когда вошла, он посмотрел на меня так, словно вообще не поверил собственным глазам.

Но это не остановило меня от того, чтобы, закрыв дверь, пройти к столику в его комнате, поставить на него тарелку, а после, подойти к Нарту, решительно переступив через огонь, и сесть рядом с ним на пол. Просто рядом, придвинувшись близко-близко, и осторожно коснувшись его лежащей на колене руки.

Норт поймал и сжал мою ладонь в своей, и тихо, едва слышно произнес:

— Я сорвался, прости.

Просто молча придвинулась ближе.

И в этот миг вдруг что-то звякнуло, стукнувшись о стекло. Норт

напрягся, затем осторожно поднялся, пересадив меня в центр огненного круга, вышел из него, подошел к окну, распахнул створки и в комнату влетел нетопырь. Натужно махая крыльями, он огляделся, узрел меня и радостно полетел в мою сторону, с веселым писком:

— Риюська, живая!

Одновременно с его рывком к оторопевшей мне, в окно влетел второй нетопырь, приземлился на раму, со словами:

— Только всем тихо, тут внизу наш дядя!

После чего на подоконнике возник Людвиг, а передо мной, правда за границей огненного круга, плюхнулся Никас.

Вампир, подозрительно прищутив глаза, оглядел меня с ног до колен и с нескрываемой подозрительностью спросил:

— А ты точно не умертвие? Бледная что-то.

— Никас, ты же некромант, ты же точно видишь, что жива, — закатив глаза раздраженно произнес Людвиг.

— А что спросить нельзя? — возмутился Никас. И уже мне: — Сталь украли у королевского артефактора прямо из-под носа!

После чего с самым гордым видом передал мне маленький кожаный мешочек.

Прямо через огонь.

Прямо вот взял и протянул руку через огонь! Через хищное, мгновенно взревшее и взметнувшееся головой какого-то жуткого хищника пламя, которое не спалило Никаса исключительно по одной причине — Норт вмешался, и погасил его прежде, чем вампиру был причинён вред.

В комнате на миг воцарилась потрясенная тишина.

Затем я протянула руку и забрала мешочек из ослабевшей ладони Никаса. Людвиг тихо выругался от окна. Норт раздраженно высказал:

— Не переоценивай мои возможности, я мог не успеть.

— Успел же, — упрямо возразил вампир. А затем насмешливо протянул: — Темненький ты наш.

— Вконец темненький, — добавил Людвиг, спрыгивая с подоконника.

Подошел, и обращаясь к Норту, шепотом спросил:

— Что с Рией? Чего молчит? И от испуга даже не вскрикнула?

Норт вздохнул, и направившись к окну, чтобы закрыть, ответил: — Риа пока что говорить не может, у нее горло повреждено.

— От чего это? — поинтересовался Никас.

— От криков, — спокойно пояснил Дастел, закрывая раму, — сорвала горло, пока мы костяные осколки из нее извлекали.

И вся напускная веселость слетела с парней как будто ее и не было.

Людвиг опустился на пол рядом с Никасом, оба мрачно смотрели на меня.

— Да уж, денек вчера был, — протянул Людвиг.

Никас попытался мне ободряюще улыбнуться и сообщил:

— Мы бы вообще раньше прилетели, но все выпускники факультетов боевой магии и некромантии были заняты установкой купола над городом, а как освободились, сразу грабанули королевского артефактора и к вам. Норт, а ты в курсе, что я вампир?

— В курсе, — спокойно ответил Дастел. — У меня вообще тут кресла есть, может нормально сядем?

Но Никас, отрицательно мотнув головой, беззаботно ответил:

— Не, и так хорошо.

Не став возражать, Норт прошел к постели, стащил с нее покрывало, сложил в четыре раза, подойдя, приподнял меня, подстелил покрывало, усадил сверху и сам сел на пол рядом, напротив братьев Блаэд.

— Так вот про нашу вампирскую суть, — продолжил мысль брата Людвиг, — крови у Риюшика вконец маловато.

— Не удивительно, — отозвался Норт, беря меня за руку и переплетая наши пальцы.

— Про то что неудивительно оно понятно, — согласился Никас, — я про то, что концентрированная кровь, концентрированные способности.

Перестав поглаживать мои пальцы, Дастел внимательно посмотрел на него.

— У меня зрение перестраивается, — как-то очень значительно сообщил вампир.

Только вот не знаю какое конкретно он значение в данную фразу вкладывал, но мы ничего не поняли.

— Да? — переспросил Людвиг. И задумчиво добавил: — А у меня нет. — Затем с явным интересом: — А чего видишь?

Младший Блаэд гулко сглотнул, и нервно произнес:

— Кровеносную систему уже не вижу...

— Что?! Ты серьезно?! — искренне изумился Людвиг.

— Я вот сейчас не понял, — напряженно проговорил Норт, — а раньше вы ее что, как систему кровеносных сосудов видели?

— Естественно, — как само собой разумеющееся, подтвердил Людвиг.

— Тебя, Гаэр-аша, Дана, Эдвина и Ташши нет, — заговорил внимательно разглядывающий меня Никас, — вы во-первых сильные маги, во-вторых... да что я тебе объясняю, про замыкание и маскировку источника ты лучше меня знаешь. А Риюшка девочка открытая, ее естественно любой вампир видит насквозь... Кроме меня... я перестаю

видеть в ней человека.

— Seriously? — в голосе Норта ощущалось напряжение. — А кого теперь видишь? — Свою, — просто объяснил Никас. — Девушку своего вида. Очень привлекательную девушку своего вида. Безумно привлекательную. Привлекательную настолько, что мозг все настойчивее начинает генерировать варианты ее умыкания.

Он стремительно поднялся, размял шею, посмотрел в окно и сказал:

— Полетел, проветрюсь.

Взмыл в воздух нетопырем с неожиданно красными для этого вида глазами, еще раз глянул на меня и вылетел, хлопая крыльями, через распахнувшееся при его приближении окно, которое закрылось, едва вампир вылетел.

Оставшийся Людвиг, задумчиво оглядев меня, сказал Норту:

— Ей пить нужно. Как можно больше. Что-нибудь сладкое, можно чай. И печень, побольше печени.

Кивнув, Дастел серьезно спросил:

— Сколько времени потребуется на восстановление первоначальных свойств крови?

Людвиг ответил не сразу. Сначала потянулся ко мне всем телом, вдохнул, с шумом втянув воздух, сел обратно, задумчиво постукивая пальцами по колену. Затем, мрачно произнес:

— Я не уверен, что восстановится первоначальный состав, Норт. Боюсь изменения необратимы. То, что было в ее крови должно было активизироваться... не знаю, при каких условиях, но частичная активация началась уже сейчас. Риа, встань.

Я посмотрела на Норта, тот кивнул, подтверждая. Поднялась, вопросительно глядя на Людвига.

— Теперь пройдишь, пожалуйста, — добавил вампир.

Переступив огонь, я сделала десять шагов до стены, развернулась к парням. И поняла, что вообще зря ходила — на Норте лица не было, Людвиг мрачно подытожил:

— Ты и сам все видишь.

Не знаю, что видел Норт, но поднявшись, он сходил за мной, подхватил на руки, вернул обратно в огненное кольцо, усадил на покрывало, сел все так же рядом на пол, и невидящим взглядом уставился на запыхавшее ярче синее пламя. Людвиг с грустью посмотрел на меня, затем с нескрываемым сочувствием на Норта, и тихо заговорил:

— Слушай, все что мы сможем узнать про кровь кошек, мы узнаем. Если потребуется слетать в Хаос, слетаем, плевать на очередную порцию

нотаций, выдержим и это. Что касается игр, дядя в принципе вмешиваться не будет, но подстрахует выпускниками своей школы, и зная дядю я тебе могу гарантировать, что покушений больше не будет. А что касается Рии... — Людвиг сокрушенно посмотрел на меня, и сказал Норту: — Насколько я понял, главное, чтобы до активации ее крови у кошки уже был ее ваэрра. Судя по вашим отношениям, это ты, так что в принципе, проблем быть не должно.

Норт промолчал.

А вот я не могла молчать! В смысле не могла не спросить.

Торопливо поднявшись, сбегала открытому шкафу с писчими принадлежностями, захватила несколько листов и карандаш, вернулась, села... поняла, что писать неудобно. Издав протяжный стон, подскочила снова, сходила за книгой, вернувшись села, и расположив листы на фолианте, начала с непонятного:

«Что не так с моей походкой?»

Написав, протянула Людвигу. Вампир прочел, перевел взгляд красноватых глаз с листка на мои глаза, и предельно честно ответил: — Она изменилась. Еще не слишком явно, но уже заметно. Ты ходишь мягче, грациознее, притягательное если можно так сказать. Знаешь, есть походки, которые притягивают взгляд, выделяя женщину даже в самой плотной толпе. Вот и тебя теперь даже издали едва ли с кем-то спутаешь...

Скептически посмотрев на него, стремительно написала:

«Ты сейчас серьезно?»

— Ммм, — протянул Людвиг, переводя взгляд почему-то с меня на Норта. И так как Норт молчал, попытался объяснить: — Ну, вот смотри — бежит по лесу волк, ты же издали видишь, что это волк. Опасный такой, зубастенький, да? Волк он иначе двигается, чем даже собака... Но это уже тонкости. Главное — ты видишь издали, что это волк, и понимаешь необходимость держаться подальше, так?

Я кивнула.

— Ну вот, — старательно подбирая слова, продолжил вампир, — а теперь представь, что ты видишь, как аккуратно, грациозно ступает по тропинке молоденькая кошечка. Красивенькая такая, грациозная, лапки мягко переставляет, пушистенькая... Так и хочется подойти, погладить, взять на ручки и унести домой.

Эти самые руки я молча развела в стороны, демонстрируя, что ничего же не понятно.

— В общем, от меня ни на шаг, — подытожил не ставшее более понятным Норт.

Учитывая его состояние и настроение я не стала спорить, и задала Людвигу следующий вопрос:

«Что такое ваэрра?»

И тут распахнулось окно, и натужно хлопая крыльями в комнату влетел нетопырь, с трудом удерживающий грубо сплетенную круглую корзину. Звук закрывшегося окна совпал со звуком рухнувшей на пол корзины, в которой что-то звякнуло, после чего на пол сразу в сидячем положении бухнулся вернувшийся в человеческий вид Никас, и весело поинтересовался:

— Кто голоден?

Все промолчали.

— Правильно, — пододвигая к себе корзину и снимая с нее белый вышитый рушник, протянул Никас, — самый голодный тут я! Так что я буду есть, а вы можете начинать смачно облизываться.

После чего, игнорируя наши вытянувшиеся лица, начал доставать снедь из корзины, комментируя по ходу дела:

— Так, эта отвратная печень под медово-винным соусом Риюське, — мне всучили тарелку собственно с печенью, которую покрывала нарезанная зелень, — этот плохо пропеченный кусок говядины в чесночно-сырном непонятно чем Норту, — Дастелу досталась глубокая тарелка с выше озвученным, а Никас продолжил: — Людвиг, а тебе твоя любимая курица.

— Я ненавижу курицу! — прошипел старший из Блаэдов.

— Уговорил, — ничуть не расстроился тот, доставая утку в яблоках украшенную зеленью и соусом так, что сразу становилось ясно — готовил королевский повар, не меньше, — жри вот эту пернатую.

И после всего, с бережностью, осторожностью и практически любовью, извлек со дна корзины испачканный сажей и явно извлеченный прямо из печи глиняный горшок. Наполнен он был плавающей в мясной подливке разваристой кашей, которую венчали здоровенные, с ладонь размером котлеты из рубленного мяса.

— Да-а-а-а, — упоенно вдыхая аромат, протянул Никас, — у нас, в сумеречной зоне такого лакомства не готовят, это исключительно местный деликатес.

101После чего из все той же корзины достал столовые приборы и буханку свежее испеченного черного хлеба, оторвал себе кусок от выпечки, взял ложку и принялся радостно есть. Радостно, это потому что в процессе жевания, он весело на нас на всех поглядывал.

— Ненавижу сырно-сливочный соус, — проговорил Норт, передав

столовые приборы мне, и вооружившись собственными ножом и вилкой.

— А я утку терпеть не могу! — заявил уже приступивший к разделке начиненной яблоками тушки Людвиг.

Ну, я бы очень хотела заметить, что печенка, мягко выражаясь, не входит в разряд моих любимых блюд, но, во-первых, не могла, во-вторых, не стала бы. И разместив тарелку на коленях, из-за чего пришлось убрать письменные принадлежности, тоже начала есть. Не могу сказать, что с аппетитом, но не без интереса — печенка по вкусу на печенку не походила вовсе, и кажется в составе соуса была мята, что делало каждый кусочек мяса каким-то освежающим и позволяло свыкнуться со вкусом печени.

— О чем болтали? — весело спросил Никас, прожевав первую котлету.

— Рия спросила кто такой ваэрра, — ответил Людвиг, деликатно отрезаю кусочек мяса от утиной грудки.

— Норт естественно, — пожав плечами, как само собой разумеющееся сказал младший Блаэд. И добавил: — Что досадно, иначе я бы за нее поборолся и, прости, Норт, но тогда у тебя не было бы ни шанса — женщины не в состоянии устоять перед моим обаянием!

Расчленив на своей тарелке плавающую в соусе говядину, Норт спокойно спросил:

— Почему?

И сразу стало ясно, что он не женщин не способных устоять перед обаянием вампира имел ввиду. Никас ответил спустя пару минут, для начала доел вторую котлету, после уже объяснил:

— Ты понимаешь, кошки — это одна сплошная издевка Хаоса, и я сейчас не метафорически выразился. Этот треклятый бог он, как бы это помягче... склонен к черному юмору, — как-то вообще не в тему начал Блаэд. — К примеру, на юге ДарЛустара существовало племя даштаран. Нечто среднее между низшими демонами и оборотнями, они имели сходные способности с обеими расами. Так вот Хаос однажды затребовал две сотни их детей в возрасте от года до пяти, хотел поэкспериментировать... ну в своем духе. — Парень скривился. Поковырял ложкой кашу и продолжил: — Даштаран отказались. Снялись с места всем племенем и стремительно иммигрировали в Бездну, договорившись с местными лордами о защите. Те, узнав причины вторжения, препятствовать не стали — детей ценят даже в Бездне, пусть даже и чужих. И все бы ничего, но понимаешь, Хаос, он... умеет мстить.

Я слушала, затаив дыхание, с ужасом находя сходство между историей племени кошек и вот этим несчастным племенем.

— Что было дальше? — сухо спросил Норт.

Никас промолчал, за него ответил Людвиг:

— В племени перестали рождаться дети. Вообще. Спустя пять лет, Хаос передал послание крайне обеспокоенным таким положением дел полудемонам, что зачатие ребенка теперь возможно лишь при одном условии — сразу после акта спаривания, мать должна вырезать сердце из груди отца и сожрать его, пока ее партнер сотрясается в конвульсии под ней. Даштаран не повезло, в отличие от большинства низших демонов Хаоса сердце у них было всего одно.

В спальне Норта на несколько долгих минут повисла тишина. Парни при этом ели, впрочем, некромантам в принципе мало что может аппетит испортить, я сидела откровенно потрясённая жестокостью бога, создавшего Миры Хаоса. — Так я к чему, — вдруг весело продолжил Никас, — когда Хаос создавал кошек, он вложил в них верность, преданность на грани отказа от инстинкта самосохранения. Вообще существует масса теорий на тему того, за каким демоном ему это потребовалось, но большинство сходится на следующем: В общем и целом кошки достаются сильнейшим всегда. Кошки слишком притягательны, чтобы их не желать, а всегда добиваются своего только сильные мужчины. Но кошку ведь еще и удержать нужно, чтобы ее не отнял кто-либо посильнее, соответственно мужчина должен быть не столько сильным, чтобы завоевать кошку, но и обладающим достаточной властью, чтобы защитить свое сокровище. Таким образом в какой-то период времени у каждого владельца домена в Хаосе появилась своя кошка. Кошка, в которой на генетическом уровне была заложена безрассудная преданность своему создателю. Смекаете?

— Хаос знал о заговоре Тьмы, и подстраховался на случай, если дарай решатся на восстание? — предположил Норт.

— Полагается, что так, — подтвердил Людвиг.

Никас, уплел очередную котлету и продолжил:

— Хаос всегда любил подстраховываться, но сильно просчитался, когда не учел одной такой маленькой детали как любовь.

Прожевав кусок говядины, Норт переспросил:

— В смысле?

Я была ему очень благодарна за вопрос, самой было жутко интересно.

— В смысле, — Никас как-то жестко усмехнулся, — Хаос возвел на престол ДарГарая — Арвиэля Дакрэа. Демона, которого иначе как «живой труп» до воцарения не называл никто. Демона, который оказался достаточно умен, чтобы скрывать свою силу и свои способности, и заранее

считался идеальным кандидатом на роль марионетки.

— На него имели виды и Хаос и Тьма, — вставил Людвиг. — Причем скрывающаяся на тот момент у светлых Тьма, отправила в Хайранар своего лучшего жреца, светлого эльфа.

— Шутишь? — откровенно не поверил Норт. — Жрецом Тьмы был эльф? Светлый эльф?!

— Тьма всегда была умной богиней, ценившей контрасты, — усмехнулся Людвиг.

— Ценившей настолько, что разрушила попытку объединения восточного эльфийского и западного королевства дроу, выкрав родившегося от брака двух представителей королевских семей рассвета и полночи, ребенка, и бросив ее на выживание в клан шайгенов, — как-то зло рассказал Никас. Потом добавил: — Выкрасть двухлетнего ребенка и отдать в клан, где процент выживаемости учеников — менее семи из ста!

Я с ужасом представила себе двухлетнюю девочку, которую отобрали от матери, а затем вспомнила это слово «шайгены», о них говорил лорд-Вечный. «Шайгены достигают способности перемещаться в сопутствующих мирах за счет частого, крайне частого перехода за грань смерти во время обучения». О, проклятая Тьма...

— Так, я смотрю кто-то побледнел, — глянул на меня Никас. — Риюська, не бледней, она выжила и стала шайгеном, причем одним из лучших в клане. Поэтому ее и нанял тот светлый эльф, для защиты будущего дарая ДарГарая. И собственно это стало началом конца и Тьмы и Хаоса.

Мы с Нортом молчали, ожидая объяснения.

Никас и объяснил: — Любовь, народ, любовь одна из самых сильнейших шпук во вселенной. Аривизэль влюбился в свою телохранительницу, она безумно полюбила его. Она ради него придемонно набила морду самой Страсти, он, чтобы спасти ее сравнял с песком Хаоса, и отдал Тьму на растерзание жрецу дроу, когда богиня попыталась причинить вред его любимой.

После такого заявления мы с Нортом молча переглянулись, после чего снова внимательно посмотрели на Никаса.

— Долго рассказываю, да? — сообразил вампир. — Но просто без этого никак, должен же я был объяснить, почему бог Хаос оказался заточен в пески. Причем заточен качественно, прадед...эм... в смысле высший демон если что-то делает, то делает это качественно. Но у Хаоса оставался один шанс на миллион — кровь кошки. Владыка Ада просто не учел этого, так как на тот момент собственно о подобной возможности не знал.

Никас вернулся к своей каше, съел пару ложек и продолжил:

— В человеческих королевствах ее называют не иначе как Проклятая Калиан, а в Мирах Хаоса — Калиан-принесенная-в-жертву. Чувствуете разницу?

— Да уж, противоречивая историческая личность, — вставил Норт.

— Более чем, — усмехнулся Людвиг.

— Давай дальше, — потребовал Дастел.

Однако Никас немного помедлил, прежде чем сказать:

— Ты знаешь, вот тут все немного сложно. Причем сложность заключена в самих кошках — они не рожали без любви, кстати, поэтому почти поголовно вымерли. И вот с этой чувственной стороной восприятия мира, у них намешано еще что-то. И вот если кошка влюбляется и находится рядом со своим любимым, она не слышит зова Хаоса.

— Не совсем влюбляется, — протянул Людвиг, несколько извиняющееся глянув на Норта. — Все сложнее. Но ты в любом случае ее ваэрра, все совпадает.

— Что совпадает? — настороженно спросил Норт.

— Ну, — Никас несколько замялся. — Риа же влюбилась в тебя с первого взгляда, так? Ну в смысле там чуть другое — у нее с первой вашей встречи появилось уважение. У кошек вообще все на уважении основывается, у них так внутри племени испокон веков заведено. Но хотя знаешь, это нужно у дяди спросить, он в свое время интересовался отношениями Роана и Калиан и...

— Роан был ваэрра Калиан? — резко перебил Норт.

Я взглянула на него и вдруг поняла — он напряжен. Напряжен настолько, что на руках проступили вены, но внешне казался совершенно спокойным и это как-то... пугало.

— Нееет, — протянул Никас. — Если бы Роан был ее ваэрра, империя Хешисаи стояла бы и по сей день, вероятно, а в Мирах Хаоса продолжалась борьба между властвующими демонами и пытающимися отстаивать свои права темными лордами... Но ваэрра Калиан стал сам Хаос.

В комнате воцарилось потрясенное молчание.

Молчал Норт, скептически, причем не скрывая скепсиса глядя на Никаса, ну я молчала по понятным причинам, но в то же время отчетливо понимая, что лорд Эллохар явно ошибся сказав, что моим ваэрра является лорд Гаэр-аш, потому что ректор он вот точно не бог! И черное чувство юмора главы Некроса оно все-таки не настолько черное и в целом, несмотря ни на что о ректоре я могу сказать много хорошего, а вот о боге Хаосе похоже никто и ничего хорошего даже не вспомнит.

— Никас, ты понял, что сейчас сказал? — с насмешкой поинтересовался Норт.

Младший Блаэд широко улыбнулся и ответил: — Слушай, Дастел, все видели как вчера, когда твоя сладкая девочка сползла по стене вниз не подавая признаков жизни, ты отрастил себе длинные волосы и когти, стал выше ростом и подравнял черты лица до максимально хищного состояния. Сказать тебе, когда у темных лордов происходит откат в первобытную форму?

Казалось бы окаменевший Норт, ледяным тоном произнес:

— Говори.

— В трех случаях, — Никас начал говорить, поочередно загибая пальцы, — когда происходят перерождение, но в этом случае ты бы еще и огнем полыхнул так, что огонь расплескался бы по всему воздуху, когда темный лорд вступает в схватку с высшим демоном, и — вампир продемонстрировал один оставшийся палец, — когда его единственная переходит за Грань, другими словами начинает умирать.

— И учитывая твой возраст и то, как быстро ты вернулся в нормальное состояние, Риа не только твоя единственная, но и твой катализатор. Она пробудила твою кровь, ведь так? — словно невзначай поинтересовался Людвиг.

Дастел мрачно промолчал.

И старший Блаэд, тяжело вздохнув, устало сказал:

— Норт, давай откровенно — мы с Никасом последние кто на тебя косо посмотрит. Поверь, у нас тоже намешано столько, что на вены смотреть страшно — вдруг оттуда что повылезет. Мы вообще пришли просто узнать, как вы с Риюськой, и все это тебе сейчас рассказываем по Риюсика, кстати, просьбе. А то, что ты частично темный лорд, так чему удивляться — про род Веридан и вашего короля известно всем. Другой вопрос, что Герон Даграэш переродился к сорока, и шел к этому лет двадцать от момента, когда у него проявился огонь, да?

— У него просто кошки не было, — усмехнулся Никас.

— Да, с Рией, это тебе повезло, — подтвердил Людвиг. — Без нее, учитывая концентрацию крови, ты бы перерождался лет тридцать и едва ли сумел бы сохранить рассудок. Насколько мне известно и у чистокровных темных с переходным периодом не все так просто, но там духи хранители рода, опыт, артефакты.

— И то выживают не все, — вставил младший из вампиров.

Но Норту эта информация не заинтересовала вообще.

— Ваэрра, — ледяным тоном произнес он, возвращая парней к

изначальной теме разговора.

Блаэды переглянулись, посмотрели на меня, на Норта, напряглись и Никас спросил:

— Ребят, вы чего?

— Что не так? — вторил ему Людвиг.

Я, естественно, промолчала, а вот Норт с нажимом повторил:

— Ваэрра!

— Да ты ее ваэрра! — вспыхнул Никас. И развернувшись ко мне, требовательно спросил: — Уважение, восхищение, ощущение себя нужной и важной, легкая влюбленность с первого взгляда были?

В моей памяти промелькнула холодная с пронизывающим ледяным ветром ночь, тренировочный полигон и разъяренное «Эй, побродяжка, шла бы ты отсюда». И стремительный бег в ночь, в попытке увернуться от швыряемых в меня фаеров... Не до влюбленности как-то было.

— Эээ, — протянул Никас, снова глядя то на меня, то на Норта. — Так, — Людвиг даже есть перестал. — Мысленное общение, способность управлять ее телом и ее магией?

Норт промолчал. Блаэды переглянулись, разом посмотрели на меня, и Людвиг уверенно произнес:

— Риа в любом случае умная девочка на призыв Хаоса не поведется.

Никас же, съев несколько ложек каши, продолжил рассказывать:

— Хаос использовал сны. На тот момент Калиан и ее подруг тоже не чистокровночеловеческого происхождения заперли в основном центре ордена Огня.

«Колыбели отступников, — отвлеченно подумала я. — Вот как у них оказалась ее кровь».

— Калиан ощущала себя преданной и родным отцом, и тем, кто всегда твердил о своей любви, — добавил вампир.

А я вспомнила недавний разговор с ректором, мой вопрос:

«Почему она восприняла его уход как предательство?»

И его ответ:

«Потому что это было предательством. Они слишком боялись пробуждения крови, боялись настолько, что сочтя дочерей практически недееспособными, не посчитали нужным услышать девочек. И та, кто до последнего пыталась быть человеком, внезапно осознала, что в мире людей, на самом деле, все живут по звериным законам. И выживать ей пришлось как зверю».

Никас же продолжил:

— Хаос изначально повел себя правильно — кому как ни ему было

знать о статусе ваэрра и способах его получения. Он выманил Калиан из ордена, заставил прийти к нему, миновав границу и половину ДарГарая, восстал из песка и обрел контроль над собственной силой в ее объятиях, одновременно получив и полную власть над маленькой глупой девочкой.

И меня как громом поразило! Я вспомнила комнату Норта, вспыхнувшее вокруг нас с лордом Гаэр-ашем пламя, и тот способ, благодаря которому огонь погас...

— Риа, — Норт, словно почувствовав неладное со мной, обнял за плечи и спросил: — Тебя отнести на кровать, лежишь?

Отрицательно мотнув головой, обессиленно уткнулась лбом, пряча лицо у него на груди. Я поняла, именно теперь поняла, почему ИнСаара тогда выпил меня досуха — артефакт пытался уберечь. Оставшись единственным, что было на мне из защиты, он делал все возможное, чтобы остановить меня, чтобы предотвратить случившееся, а я сочла пылающее вокруг пламя, гораздо опаснее, чем возможность его погасить... И вот печальный итог — лорд Гаэр-аш обрел власть над собственной силой в моих объятиях, то есть фактически находясь в границе моей ауры, и одновременно получил полную и абсолютную власть надо мной. Умение мысленно общаться? Присутствует. Способность управлять моим телом? В наличии! Возможность использовать мою магию? Я думаю ректор еще просто не пробовал, но что-то мне подсказывает — и с этим у него проблем не возникнет! По той простой причине, что именно к нему с самого начала я испытывала уважение, восхищение и даже немного влюбленность... Тьма, я марионетка?!

— Тиш, тише мое сокровище, все будет хорошо, — прошептал Норт, скользнув губами по виску.

— Риюська, прости, если напугал, — очень виновато произнес Никас. — С другой стороны, даже если и не Норт твой ваэрра, Хаос им в любом случае стать уже не сможет.

— А я бы не был так в этом уверен, — напряженно произнес Людвиг. Не отодвигаясь от Норта, повернула голову и испуганно посмотрела на старшего Блаэда.

— Да брось! — воскликнул Никас. — Если бы она представляла опасность, пусть даже потенциальную, дядя бы не оставил ее здесь. Соответственно — ваэрра у нее есть. Учитывая их отношения — это Норт. Скорее всего просто еще не все возможности их пары дали о себе знать. Помнится и Хаос тоже не сразу захватил контроль над Калиан.

Тут я вырвалась из объятий з объятий Норта, быстро ухватила листок, и торопливо написала:

«А когда захватил, что произошло?»

Вампиры разом безразлично пожали плечами и Никас сообщил:

— Всех подробностей я не знаю, никогда особо не любил историю, но вроде было так: Он отправил ее к Роану и те некоторое время были любовниками, при этом полный контроль над Калиан было у треклятого бога, и кошку он превратил и в идеальную шпионку и в отличного диверсанта, а в момент главного сражения Калиан ударила по войску магией Смерти, превратив часть его в подконтрольных ей, в смысле Хаосу, умертвий. Хаос радостно направил нежить на человеческую армию. В результате империя Хешисаи потерпела поражение и Хаос вывел темных лордов с территории Ада, планируя в итоге превратить их в ударную силу, способную снести высших демонов, в частности властителя Арвиэля. Но темные лорды дураками никогда не были, в Мирах Хаоса дураки в принципе не выживают, и захватив практически всю территорию Хешисаи, они основали на ней Темную империю, даровав права и свободы не сбежавшему населению.

— Сбежавшее, как вы знаете, основали семь королевств, — вставил Людвиг.

Я кивнула и тут же написала:

«А Калиан?»

Никас глянул на Людвига, и уже он рассказал:

— Там все было плохо, Риа. Понимаешь, из-за нее погибли очень многие... Из-за нее войско потерпело поражение, хотя у Хешисаи были все шансы на победу в том сражении. Толпа обозленных мужиков потерявших в этом сражении сыновей, отцов, братьев, друзей и надежду на будущее и обессиленная после выплеска магии по-кошачьи притягательная девушка. Они...

— Достаточно, — оборвал его Норт.

Людвиг и не стал продолжать, просто добавил:

— Император Роан был ранен в сражении, когда он пришел в себя и вмешался... прошло уже достаточно много времени. Не много в плане временного отрезка, но достаточно много для...

— Я сказал — хватит! — Дастел повысил голос.

Я молча отложила листок, не желая более задавать какие-либо вопросы, и, если честно — не желая ничего больше знать вообще. Норт, молча притянул меня к себе, обнял и вдруг спросил:

— После «этого» Калиан выжила?

Никас ответил:

— Да, Роан был сильным целителем. Одним из лучших в империи. Но

способность к рождению детей она потеряла.

— Это важно? — поинтересовался Дастел.

— Да, если смотреть в контексте последующих событий, — невесело усмехнулся Людвиг.

Никас же пояснил: — Спустя годы, Хаос принес Калиан в жертву, навсегда открыв грань перехода между Мирами Хаоса и границей Темной империи, рассчитывая, что накопившие силу темные лорды ринутся в бой против высших демонов. И просчитался: Анаргаты удержали под контролем и своих лордов и завоеванные земли, более того — заключили договор о ненападении с Властителем Ада и определили границы, в Темной империи эти территории так Приграничьем и называются. А про неспособность рожать Людвиг упомянул по той простой причине, что будь у Калиан ребенок, она не оставалась бы безвольной марионеткой Хаоса, и возможно выжила бы.

— Вероятно по этой причине, Хаос и допустил насилие над Калиан, — задумчиво произнес Людвиг. — Он же бог, он мог вмешаться в любой момент. И он был ее ваэрра, она безусловно звала его, умоляла о помощи, когда все эти... Наверное, до последнего верила, что он спасет и ее утянет порталом в Миры Хаоса.

Мне было так больно за Калиан. Безумно больно, просто сердце сжалось от боли.

Дверь распахнулась внезапно, затем ослепительно вспыхнул свет и в спальню Норта решительно вошел лорд Гаэр-аш. Один внимательный взгляд на меня и злое:

— Я сказал спать!

Подскочив даже прежде, чем осознала это, я все же остановилась, обернулась к поднимающемуся Нарту, порывисто обняла его, стоящего с окаменевшим лицом и как-то странно взирающего на ректора, подхватила мешочек со сталью, помахала на прощание вампирам, и пошла к себе. Стоящий в дверном проходе лорд Эллохар посторонился, и лишь пожелал:

— Отвратненьких.

Я остановилась, удивленно оглянувшись на него.

Издав притворно скорбный вздох, лорд пояснил:

— Я имел ввиду замечательных тебе сновидений, котенок.

Поблагодарив улыбкой, я ушла к себе.

Уже оттуда слышала разнос, который Гаэр-аш устроил Нарту, и издевательский тон лорда Эллохара, который не преминул поиздеваться над племянниками. Потом они просто закрыли к себе двери и я лишилась возможности услышать хоть что-то.

Умывшись, я забралась в постель, укрылась, и... вся эта история нахлынула вновь. Калиан... этот чудовищный бог и то... то что все это...

Поняла, что тихо плачу, только когда открылась дверь и вошел лорд Гаэр-аш. Я торопливо вытерла слезы и сделала вид, что давно и крепко сплю. Но кого я пыталась обмануть?!

Ректор подошел, тяжело опустился на край постели, опустил голову и тихо произнес:

— Во-первых, я прошу прощения за произошедшее. Я не знал, не мог даже предположить, да и в целом понятия не имел ни о возможности существования носительниц крови легендарных кошек, ни о механизмах их подчинения, ни о том, что, обретая контроль над силой обнимая тебя, я одновременно получаю контроль и над тобой. Прости. Моя вина. Это полностью моя вина. Я мужчина, я должен был справиться сам. Найти способ и разобраться, но я доверился древнему как мир постулату о том, что ничто так не успокаивает мужчину, как прикосновение любимой женщины. И подставил нас обоих.

Он помолчал, все так же не поднимая головы, затем продолжил:

— Во-вторых, насилие над Калиан совершил только один человек, поэтому прекрати рыдать в подушку.

Я прекратила еще в тот момент, когда лорд Гаэр-аш пришел, а теперь просто не могла удержаться от вопроса: «Вы слышали, все, о чем нам рассказали Никас и Людвиг и поэтому пришли?»

— Нет, — ректор повернул голову, взглянул в мои глаза и прямо сообщил: — Я почувствовал твою боль. Затем ощутил, что ты не спишь, как было сказано, а находишься в комнате Норта.

Я потрясенно посмотрела на главу Некроса.

Он выдержал этот взгляд, выдержал с ледяным спокойствием, после чего произнес:

— Всего о механизме взаимодействия между кошкой и ее ваэрра не знает никто. Отрывочную информацию мне поведал дед, гораздо более полную и основанную на сохранившихся дневниках, летописях и письмах императора Роана — лорд Эллохар. Это объяснило для меня многое, но к сожалению, далеко не все. Боюсь все остальное нам с тобой придется выяснять на собственной шкуре... и я не могу простить себе, что втянул тебя во все это.

Не знаю, почему-то не боялась за себя. Почему-то нет. Наверное, потому что видела, как на пробуждение крови Калиан отреагировали ее родные и близкие и могла сравнить с тем, как это же восприняли Гаэр-аш, Норт, Эдвин, Гобби и даже Дан. От меня никто не отвернулся, меня никто

не бросил. А вот Калиан...

«Лорд Гаэр-аш, а кто это был? Тот, кто надругался над...»

— Не надругался — предпринял попытку. Генерал Хеннес.

Я вдруг поняла, что знаю это имя. Точно знаю!

— Да-да, — подтвердил ректор, — ты слышала его вчера утром, когда в очередной раз вытворив неимоверную глупость, перенеслась в тело той, чья кровь течет в тебе. Генерал Хеннес был одним из тех, кого приказал оповестить тогда еще наследный принц Роан.

Но я отрицательно замотала головой, и вдруг вспомнила. Свое первое перенесение в прошлое, мрачный кабинет с каменными стенами, усталого грузного мужчину в военной форме и сидящую на его столе хрупкую девушку в брючном зеленом костюме, тоненькую как тростинка в сравнении с генералом. И его слова: «Кали-Злодейка, ради собственной безопасности выметайся отсюда! Твоя кровь проснулась, я чувствую это, чувствую настолько отчетливо, что моя собственная кипит в венах неистовым желанием прикоснуться к тебе... прикоснуться снова и снова... Уйди, девочка, я прошу тебя».

«Почему она не ушла? Почему не испугалась?» — мысленно прошептала я.

Издав тяжелый вздох, лорд Гаэр-аш мрачно ответил:

— Потому что он был отцом ее лучшей подруги. Она знала его с раннего детства.

«Она доверяла ему... — мысленно простонала я».

Лорд Гаэр-аш молча кивнул, и практически приказал:

— Прекрати думать об этом.

Если бы я могла...

— Можешь подумать о том, что тебя сегодня... в смысле уже вчера убить пытались, — неожиданно улыбнувшись, предложил ректор.

Улыбнувшись в ответ, я удобнее устроилась на подушке, подложив ладонь под щеку, и вдруг неожиданно поняла:

«Вы успокоились!»

— Мм? — переспросил лорд Гаэр-аш. Надо было бы, наверное, промолчать, но я все же мысленно сообщила ему:

«Во время нашего разговора до появления лорда Эллохара, вы были напряжены. А сейчас успокоились. Почему?»

Загадочно усмехнувшись, ректор поднялся, направился к двери и уже оттуда, не оборачиваясь, мысленно ответил:

«Потому что теперь, мое сокровище, у тебя не будет шанса даже попытаться уйти к отступникам».

И лорд Гаэр-аш оставил меня в одиночестве.

Правда уже из коридора, или даже не знаю откуда, но отправил мне еще одну мысль: «Норт уже тоже в курсе, поэтому спокойно засел за медитацию, как ему и было приказано».

Раздраженно укрывшись одеялом с головой, я почувствовала настоящую необходимость найти решение и этой проблемы с ваэрра! И если для этого придется еще несколько раз перенестись в прошлое и тело Калиан...

«Не советовал бы, — раздался в моей голове холодный голос лорда Гаэр-аша. — Ты не способна контролировать то, в какой конкретно момент ее жизни перенесёшься. Но если возможность подвергнуться попытке изнасилования тебя не пугает, то оказаться в ее теле в момент практически гибели Калиан на алтаре, может оказаться опасным для тебя. — И уже с откровенной издевкой: — А, впрочем, кто я такой, чтобы давать тебе советы, сокровище мое. В конце концов ты ведь у нас уже практически специалист по умираниям! Может основать в Некросе новый факультет? Как тебе идея получить диплом по специальности «Смертник-энтузиаст»? Готов даже похлопотать на счет лицензии».

Замерев на миг, я осторожно переспросила:

«Вы издеваетесь?»

«Естественно, — тут же ответил лорд Гаэр-аш. — Я не горю желанием заводить в старейшей и уважаемой Академии Некромантии толпу страдающих самоубийственными наклонностями девиц, я же не лорд Эллохар».

Подумав немного, заметила:

«А вы так сказали это, словно знаете того, кто такую толпу уже завел...»

«Знаю, — весело подтвердил лорд Гаэр-аш, — даже имел честь лицезреть их лично. Милые девочки, но с очень самоубийственными наклонностями».

Я села на постели, и сгорая от любопытства, спросила:

«Это как?»

«Это нужно было умудриться всей группой заявиться к лорду Эллохару сдавать курсовые работы по методикам эффективного самоубийства за минуту до окончания срока сдачи».

Испытав сильное удивление, я все же спросила:

«И?»

«Он поинтересовался, не против ли я краткого визита его адептов. Получив мое разрешение, позволил их порталу сработать, а едва ученики

вторглись в мой кабинет, гордые тем что сумели перенестись к самому директору, насмешливо сообщил им, что, во-первых, без его вмешательства их портал привел бы в Кровавую пустошь, и после данной информации адепты побелели, а во-вторых, после некоторой задумчивой паузы, произнес: «С другой стороны нужно же вам где-нибудь погулять, пока я ваши курсовики не проверю»«И... и что?»

«И отправил их гулять. В эту самую пустошь, пожелав напоследок удачи, а еще лучше больше его не злить».

«Кошмар», — подумала я.

«А я напротив — весьма высоко оценил его методы обучения, — не согласился лорд Гаэр-аш».

И я вдруг поняла, о чем он только что мне сказал. Сначала не придавала значения, а теперь...

И с замиранием сердца, задала очень важный для меня вопрос:

«Лорд Гаэр-аш, вы сказали «оказаться в ее теле в момент практически гибели Калиан на алтаре»... Практически?»

Даже несмотря на то, что ректора я не видела, появилось ощущение, что почувствовала его улыбку, когда глава Некроса насмешливо ответил:

«Риа, император Роан был одним из сильнейших магов своего времени, если не сильнейшим, как ты думаешь, тот, кто сумел на несколько веков сохранить сердце своего дракона в далеко не мертвом состоянии, мог допустить смерть любимой женщины? Или же ее изнасилование?»

Я уже ничего не думала, но у меня появилась надежда.

«Риаллин, ради женщин, мужчины способны на многое. Сильные мужчины — практически на все. С мужчинами сражающимися за своих любимых Хаос столкнулся дважды. Дважды и проиграл. Теперь спать!».

Я легла, укрылась, полежала, и уже действительно почти спала, когда с едва слышным скрипом открылась дверь.

Подскочив, увидела тускло-светящиеся глаза и едва не воскликнула «Гобби», но вместо возгласа из горла вырвалось лишь хрипкое сипение. Гоблин на мое сипение отреагировал укоризненным взглядом, после чего осторожно притворил дверь, вошел в комнату, прошелся, стараясь не цокать каблуками своих щегольских сапог по полу, прошел к окну и подал кому-то знак.

Едва не вскрикнула, увидев кому — статуе горгульи! И та, в ответ на поданный сигнал, каким-то образом сверзлась с крыши и распахнула окно. Вместе с порывом ледяного ветра и снегом, в мою комнату одним прыжком забрался Ыгырх, он же окно и прикрыл, после чего, перекинув со

спины пустой баул, произнес хриплым шепотом:

— Давай, ледя, собирайся.

Я медленно перевела вопросительный взгляд на Гобби. Габриэль, в этот момент собирающий мои учебники с полки, словно почувствовав, обернулся, посмотрел на меня. Раздраженно бросил книги, с удивительной для него непочтительностью к обучающей литературе, прошел к столу, вернулся ко мне, захватив свечу. Свечку он передал мне, мне же и предлагая зажечь фитиль, после чего указал ожидающему распоряжений Ыгырху на мой шкаф с одеждой, а для меня принялся писать, едва я огонек зажгла.

«Все очень паршиво, Риа, — начал он. — Вся организация отступников это несогласованный, лишенный сообщения между руководством и исполнителями, громоздкий, нелогичный, сложный, запутанный аппарат».

Дописав, он взглянул на меня, удостоверяясь, что я прочла, и продолжил: «Насколько мне удалось понять, план объединения человеческих королевств в единую восстановленную империю Хешисаи родился примерно восемьдесят лет назад. Очень долго вечные, с маниакальным упорством полусумасшедших подыскивали кандидатов, составляли вариации развития событий, изучали особенности крови Старшей Ветви. — Он снова взглянул на меня и пояснил: — Им является род лорда Гаэр-аша, и он в нем единственный наследник».

Вот эта вот информация меня не заинтересовала нисколько, я указала на верхние строки последнего из написанного, и вопросительно посмотрела на Гобби.

«Тебя интересует план», — догадался он.

Я утвердительно кивнула.

Гоблин, помедлив мгновение, перелистнул страницу записи и вывел:

«Все плохо».

Я ждала чего-то более конкретного, и Габриэль написал:

«Все было плохо еще на стадии планирования, с воплощением замысла в реальность у них вообще огромные сложности. Сложности понимания в первую очередь!»

Он нервно постучал кончиком писчего пера по бумаге и продолжил:

«Вечные сделали ставку на Старшую Ветвь, то есть род Гаэр-аш по одной единственной причине — они убеждены, что огню может противостоять только огонь. И потомки истинного темного лорда, одного из сильнейших в Темной империи, приближенного к императорскому двору — стали отправной точкой их плана. В общих чертах все вполне

логично — пробудить силу темного лорда, поставить во главе объединенных королевств, восстановить прежнее величие Хешисаи в прежних границах. Но они упустили просто Бездну нюансов, Риа! Не просчитав все досконально приступили к исполнению, раздав задания разрозненным не согласующим между собой действия исполнителям. План пробуждения магии крови короля Арании путем подсовывания ему учебного руководства, похищенного путем стольких жертв из самого дворца императора не сработал по одной единственной причине — они не то руководство выкрали. Не для того возраста, Риа! Итог — частичное выгорание разума при пробуждении силы. Аранией правит сумасшедший, об этом известно всем и каждому, но даже король не в курсе кому может выразить «благодарность» за столь бестолково оказанную услугу!»

Тут место на листе закончилось, Гобби нервно перевернул страницу и продолжил:

«Осознав, что с королем невозможно работать, лорды-вечные устроили встречу для коррекции плана. Это было более пятнадцати лет назад, Риа! Единственная встреча! Обмен идеями, планами, озарение, пришедшее на ум старшему брату Тадора Шерарна, извлечение из хранилищ единственного образца крови Проклятой Калиан и разобрав план на этапы, вечные разошлись по своим делам, городам, поселениям, сделав памятку в своих ежедневниках. Что-то вроде «В году таком-то, сделать то-то». Все!»

И он возмущенно посмотрел на меня. Я не очень понимая все вот это, на гоблина. И вот тогда он дал выход своему гневу:

«Кто так планирует?! Кто!!! Да это безумие в чистейшем его проявлении!»

Он перестал писать, вновь нервно постукивая кончиком писчего пера и глянув на меня, продолжил:

«И Тьма их разберет, Риа, может что-то и вышло бы у этих на всю увеличенную башкенцию болезных, если бы не одна маленькая девочка, которая очень удачно сбежала из дома и попала к черному артефактору».

Изобличающе указав на меня, Габриэль продолжил: «И кровь кошки получила совсем не та, для кого она была заготовлена. «Тщательно» разработанный план начал трещать по швам. Второй раз все полетело к демонам Мрака когда лорд Гаэр-аш самоустранился от любых притязаний на престол. Инструментов воздействия на него у отступников не было, а план был и они были, есть и будут намерены ему следовать. Исполнители данного этапа искали варианты вовлечения Артанаэша в игру, и нашли. Спорный, на мой взгляд, но вполне возымевший успех — одному из

сильнейших целителей современности, мечтавшему о большем, подкинули зацепку. И парень ухватился. Крепко и упорно, на утро перед семьей Дастел Веридан предстал уже не целитель — а некромант. Некромант, готовый взять на себя ответственность перед родом, страной, людьми. Одна проблема — его дар был слишком мал, для завоевания престола».

И вот тогда Дастелы обратились к ректору, поняла я. Гобби примерно это же и подтвердил, написав:

«Лорд Гаэр-аш, уже имевший опыт общения с вечными, достаточно быстро определил, кто именно передал Норту нужные сведения, но род вынес свое решение, Гаэр-аш подчинился. Более того, лишил проживающих вблизи Некроса отступников возможности пользоваться библиотекой. Та башня, в которую мы с тобой наведывались, ранее была под запретом, запечатанная и неприкосновенная. Гаэр-аш нашел способ взломать печати, в течение нескольких месяцев изучил азы языка вечных и начал подготовку наследника по техникам, частично разработанным отступниками, которые традиционно единовременно владеют несколькими источниками, подтягивая последние до предельно высокого уровня. И Гаэр-аш начал подтягивать».

Место на странице снова закончилось, Габриэль торопливо перелистнул и продолжил:

«Я так понял, что процент пробуждения крови Нортаэша Дастел Веридан был столь низок, что даже не брался в расчёт никем, включая самого Гаэр-аша, поэтому тренировки были жесткими. Запредельно жесткими даже по меркам отступников».

На мой потрясенный взгляд, гоблин ответил пожав плечи:

«Читал доклад у отступника. Вечные совершенно беззащитны в астральном стазисе... или как там это называется?»

Я перехватила у него перо, и написала:

«Астральная проекция или переход в Призрачные грани».

Глянув на меня, Гобби уточнил:

«Говорить не можешь?»

Написала, повторно забрав у него перо:

«Нет. Горло восстанавливается, похоже пострадали голосовые связки».

Габриэль посмотрел на меня так, что слов уже не требовалось, взяв перо, продолжил:

«Все это я написал для того, чтобы ты поняла — каждый из этапов плана контролируют разные не связанные с собой отступники. Лорд Кренар прибыл в столицу лишь потому, что подконтрольный ему вечный не

справился со своей задачей и команда Некроса выехала на игры имея в составе неучтенного игрока. И сообщение о том, что он со своим этапом плана справился уже было отправлено, Риа. Понимаешь, что это значит?!»

То, что где-то в городе, в изолированном помещении без окон кто-то гениальный, талантливый и способный нестандартно мыслить, разрабатывает план по уничтожению Норта, Дана, Эдвина и Ташши... Четыре парня, четыре столпа поддерживающих устоявшийся порядок вещей...

«Мы уходим сейчас, — продолжил Гобби. — Я понимаю, что ты планировала мое оживление на играх, но не такой же ценой, Риа!»

Он взглянул на меня и добавил:

«Я уже не то безмозглое умертвие, которое ты когда-то спасла. Я писал и повторяю — Риа, даже мертвый я уже вернул себе прежнее положение в Империи Гоблинов. Уже сейчас. Ты уже выполнила то, ради чего мы во все это ввязались, ты...» Осторожно отобрав у него перо, я написала:

«Нет».

Вспомнила взгляд Норта, когда я выбегала из его комнаты, чтобы оставить записку Гобби и написала «Нет» повторно. Задумалась, кусая губы, вспомнила все, что сегодня узнала и добавила:

«Я не могу».

Габриэль застыл, с тоской глядя на меня. Ыгырх, уже сгребший мои вещи с полок и запихнувший их в баул, как-то поняв итог нашего письменного сообщения, развернулся всем своим могучим телом, и неожиданно тихо прошептал:

— Ваша эрудированность, чего вы ее слушаете, а? Где она и где вы! Взяли, запихали в сумку и деру! В столице седьмого оставаться опасно. Я это понял, вы это понимаете, оборотни поняли и всей торговой экспедицией с постоянного дворца свалили не до распродав шкуры. Умнейшество, ну? Чего сидим, глазами клипаем?!

Габриэль молча перевел взгляд на него.

— Понял-понял, не клипаем, доклипались уже... — а затем, раздраженно швырнув баул, зло добавил: — Мудрейший, со всем уважением, но оставаясь здесь вы рискуете не только собой, вы же понимаете!

И тут я подумала — а с какой охраной ехал тогда канцлер гоблинской империи тогда, когда его убили? И выжил ли хоть кто-то?! И... и если у Гобби уже полностью проснулось сознание, значит каждый раз выходя с нами на арену Мертвых игр он рискует так же, как и мы... Хотя нет,

больше чем мы — меня прикрывают парни, их Эль-таимы, а вот Гобби — никто.

Перо дрогнуло в моей руке, когда я все же написала:

«Лорд Габриэль, пересмотрев ситуацию, я осознала всю степень риска. Полагаю, вам лучше будет покинуть столицу с охраняющими вас гобли...»

Не дописала. Просто не дописала, потому что поняла очевидное — сознание Гобби проснулось от взаимодействия со мной. Я катализатор. Точнее моя кровь. И если догадка верна, то оставшись без меня, сознание Габриэля может угаснуть.

— Тьма... — одними губами произнесла я.

Гобби же, забрав перо из моих несопротивляющихся пальцев, резко написал:

«Не говори глупостей. Не пиши тем более. Единственная, для кого риск возрастает по нарастающей — ты».

И еще резче:

«Пойми, Риа, лорд вечный не успеет сообщить о тебе до начала следующего этапа исполнения плана. И следующий отступник возьмется за исполнение своего задания со всей присутствующей этим исчадиям искаженного разума упорством и гениальностью! И как бы не были могущественны наследники этих родов, я уже сейчас могу сказать тебе с полнейшей уверенностью — этап плана будет воплощен в реальность. Мне жаль, искренне жаль, но Дан, Норт, Эдвин и принц Танаэш обречены, и не важно погибнут они на Мертвых играх или же вне их».

— Нет! — прохрипела я.

Гобби сжал мою ладонь своей, затянутой в черную кожаную перчатку, и дописал:

«Мне правда жаль, я приложу все возможные усилия чтобы их спасти как минимум по политическим причинам, но все что я могу сейчас — вывести из-под удара тебя». Я молча встала. Прошлась по стылому из-за приоткрытого окна полу и вспомнила собственную практически смерть... Удар лица, расплавивший мой артефакт Сириллы и убивший ни в чем не повинную Гербину Истон... Меня спасла мощная защита основанная на опыте практически всех человеческих артефакторов. На полигоне в момент, когда по мне целенаправленно били молнии... Я вздрогнула, как наяву ощутив жар ударившей совсем рядом молнии... Во второй раз от практически неизбежной смерти спас мой браслет и сердце Некроса. А еще просто случайность — окажись я в момент атаки метрах в пятидесяти от входа в вены Некроса, добежать мне бы не дали. Третья попытка

отступников провалилась так же лишь благодаря случайности — они не знали о кольце ректора и не ожидали того, что Ташши бросится на мою защиту. Но... но вот о чем я подумала только сейчас — утром Норт надел на меня браслет. «Этот браслет мой подделавший внешность сына и мужа темный предок, надел на руку своей супруги в их первую и последнюю ночь, и, пожалуй, лишь он спас ее и дитя темного от расправы, когда вскрылся подлог. Это один из древнейших артефактов Темной империи, он сотни лет хранился в роду Веридан» — так он сказал о нем. А поразило меня вот что — на схеме лорда вечного браслет был! То есть браслет изначально брался в расчет! И это при том, что артефакт был родовым, а значит хранился и был доставлен со всеми предосторожностями... И отправить его Норту мог только кто-то из старших родственников. Из рода Дастел Веридан!

Я вернулась на кровать, забрала блокнот у Гобби и написала:

«В семье Норта предатель!»

Габриэль достал карандаш и дописал:

«Ты неверно оценила масштаб, Риа, предатели не только в роду Веридан. Не только в четвертом королевстве. И в принципе — сегодня от Призрачных граней блокировали исключительно столицу, до того для контроля за призраками ограждались лишь магические учебные заведения и, пожалуй, королевские резиденции. Все остальное веками, десятилетиями было совершенно доступно для астральных перемещений отступников. Оцени масштаб».

Я оценила. Поднялась было и снова рухнула на постель... Глаза жгли слезы. Я поняла страшное — отступники знали все. Абсолютно все про Норта, Дана, Эдвина и Ташши. Про троих от рождения и до поступления в Некрос, про Ташши... про Ташши возможно чуть меньше, а возможно и нет, учитывая наличие предателей даже среди приближенных к короне артефакторов.

А затем паника схлынула, и возможно причиной тому был порыв ледяного ветра, распахнувший одну из оконных створок и задувший огонь едва теплящейся свечи. И я успокоилась. Почему-то именно тьма стала отправной точкой восстановления присущего всем артефакторам хладнокровия.

Я встала, закрыла окно, присев на подоконник, жестом вновь зажгла фитиль и спокойно посмотрела на Гобби. У моего спокойствия были причины — Эль-таимы Норта, Эдвина и Дана были способны поглощать даже Тьму изначальную. И все те попытки убить меня, если применить их к парням — окажутся безрезультатными по одной простой причине — на

них Эль-таимы. Артефакты абсолютной защиты, которые на данный момент не способны противостоять лишь стазису темных лордов... Не знаю, правда, как на счет прямого удара темных, но исходя из вложенного мной плетения в охранительные матрицы более чем уверена — прямой удар артефакты выдержат. Нужно проверить.

Но не то, совершенно не о том думаю!

Мне предстоит противостоять отступникам — осколкам канувшей в прошлое Хешисай, а вовсе не темным лордам — силе и опоре Темной империи. И что касается отступников — любое из покушений на меня, даже стандартные Эль-таимы отразили бы абсолютно легко, что касается созданных мной — они способны противостоять практически любой прямой угрозе.

Вернувшись к Гобби, написала:

«Я уверена в том, что Норт, Дан и Эдвин выживут в любом случае».

«Риа, вчера...» — начал было писать Габриэль. Я просто отобрала у него блокнот. Затем сидела несколько минут глядя на этого очень умного и проницательного гоблина, пытаюсь сформулировать вопрос. Сформулировала:

«Габриэль, вы предугадали развитие событий после откровений призрака из Эль-таима Ташши, вплоть до появления лорда Эллохара...»

Взглянула на его потускневшие глаза и взмолилась:

«Гобби, пожалуйста, просто скажи, что будет дальше!»

Отвечать умертвие не хотел. Канцлер империи гоблинов долго и с тоской смотрел на меня, пересиливая себя, затем написал:

«Они придут к тем же выводам, что и я, Риа, и выйдут на арену все четверо — официальной мотивацией выступит то, что «воины встречают опасность глядя ей в лицо». Не официальной — все четверо не захотят подвергать опасности близких, прекрасно понимая, что любой направленный на них удар, может попасть в тех, кто дорог, кто рядом. Все еще слишком хорошо помнят расправу отступников... к примеру над твоим отцом».

Подтянув колени к подбородку, я села, обнимая ноги и ожидая продолжения.

Оно последовало:

«Ты считаешь, что можешь защитить их, но этого не произойдет, Риа. В решающий момент тебя отстранят жестко и безапелляционно. Ради твоей собственной безопасности. Это «разумное решение» станет фатальным и для них и для тебя.»

Продолжая сидеть, я просто молча смотрела на Гобби, он продолжил:

«Но план отступников увенчается успехом только в одном — они погубят четырех достойных наследников и только. Лорд Гаэр-аш давно перестал быть тем человеком, которым можно манипулировать. И это их основной просчёт».

Подумав несколько секунд, указала на себя.

«Нет, — написал Габриэль, — манипулировать используя тебя отступники не станут. Лорд Кренар уже взял тебя в ученики, а ученики вечных не предмет торга. Если, при самом лучшем раскладе ты выживешь, тебя заберут».

Я помолчала, затем протянув руку, написала одно единственное слова: «Ваэрра».

И Габриэль изменился в лице.

Он стремительно поднялся, снова сел, снова поднялся... рухнул. Несколько секунд сидел, уставившись в никуда, затем стремительно написал:

«Гаэр-аш?»

Я кивнула.

Гобби вырвал листок из блокнота, изорвал на мелкие ошметки, сжег. Затем написал уже не для меня:

«Мы остаемся в столице».

И протянул блокнот заинтересованно ожидающему итога нашего эмоционального общения Ыгырху. Громадный боевой гоблин, засопев носом, ответил на это разъярённым:

— Ну, вашеество! Никак не отреагировав на его возмущение, Габриэль дописал:

«Призови воинов левой руки, их задача — найти исполнительную группу»

— Да-да, — кисло отозвался Ыгырх, прочитав, — план Б, это я уже понял. Но если вас интересует мое мнение...

Один взгляд Гобби, и Ыгырх понял, что не интересуется. Помолчал и вдруг произнес:

— А чего делать будем, если наследник прибудет, а, мудрейший? Или вы уже озаботились и у мальчика снова домашний арест?

Габриэль даже не счел нужным отвечать.

— Не, ну а как Тьер к нему заявится и опять вытащит кутить в Хаосе, так принц же сюда сразу и рванет.

Глухое рычание разъяренной нежити заставило Ыгырха заткнуться. Боевой гоблин с тяжелым вздохом вернулся к моему шкафу и принялся возвращать мои учебники и вещи на полки, все громче и тяжелее вздыхая

при этом.

Гобби же сидел, задумчиво грызя карандаш и кажется не замечая этого.

Затем вдруг написал:

«Кто сказал?»

Я написала в ответ:

«Лорд Эллохар».

Габриэль окончательно сник. Посидел, мрачно взирая на огонек свечи и написал:

«Ты поняла, кто он?»

«Демон», — просто ответила я.

Умертвие кивнул. Улыбнулся и вдруг написал:

«В Темной империи мало кому известен данный факт, большинство убеждено, что директор Школы Искусства Смерти лишь крайне одаренный темный лорд. Но ты увидела истину, впечатляет».

Меня не впечатляло, и я хотела просто узнать:

«Что означает термин «ваэрра»?»

Помедлив некоторое время, Габриэль ответил:

«Пробужденный».

Гоблин посмотрел на меня, понял, что я ничего не понимаю, и начал писать:

«Этот термин родом из самого Мрака, места где рождаются боги. Условия жизни в этом, смертельно опасном даже по меркам Бездны месте таковы, что процент выживания родившихся богов столь ничтожен, что территорией Мрака давно заправляют лишённые разума чудовища. Иной раз они прорываются в Бездну, уничтожая все на своем пути, и вынуждая жителей Бездны искать спасения в Мирах Хаоса, что неизменно приводит к массовому вымиранию приграничных дараев, но... Но мы о термине. Именно во Мраке, там где царит вечная непроглядная темнота, каждое чувство — величайшая ценность. Даже его проблеск, отголосок, оттенок — имеют значение. И ценятся, бесконечно ценятся, Риа... потому что позволяют мужчине стать сильнее.»

Он вырвал эту страницу, сжег, и продолжил: «Любовь — то, из-за чего воины становятся мужчинами. Сильными, способными не только на разрушение, но и созидание, готовыми на многое, ради любимой. Но мир Мрака все возводит в абсолют. И то, что делает сильнее мужчину в нашем мире, обращает монстра богом во Мраке. Им известно об этом, и они научились это использовать».

И эта страница была так же безжалостно вырвана и сожжена, а затем

Габриэль вернулся к рассказу:

«Технология становления ваэрра довольно сложна, мне известно не многое, но основных этапов три. Этап первый — ее чувства при первой встрече. Ты удивишься, но любой женщине достаточно пятнадцати секунд чтобы оценить мужчину. Вспомни момент, когда ты впервые увидела Гаэр-аша. Твои мысли?».

Естественно, я не стала ничего писать, но неизбежно вспомнила, как подумала тогда, что этот уставший молодой мужчина самый красивый из всех, кого мне доводилось видеть. В нем не было напыщенности отчима, пудрившего свое лицо, пользующегося кремом для рук, лица, век и волос и одевавшегося по последней моде, то есть не гнушавшегося ни бантиками, ни кружевами, ни заколкой в волосах, последнее придавало ему окончательно глупый вид. В ректоре Некроса не было так же рассеянности и небрежности свойственной нашим преподавателям, хотя учитывая поголовно преклонный возраст профессоров-артефакторов им можно было простить и небрежность и рассеянность, и даже пятна на мантиях и остатки еды в бородах. Да мы в принципе прощали им все, за те знания, заботу и практически семейное тепло, которые они нам дарили. Но в старого доброго дедушку влюбиться невозможно, в молодого элегантного действительно умного и уверенного в себе и своих действиях руководителя Академии некромантии — с первого взгляда. Просто контраст был слишком ошеломляющим. Просто он показался мне самым красивым мужчиной на свете. Просто он посмотрел на меня так, словно увидел во мне, перепуганной адептке артефакторского факультета, не бесправное существо, а личность.

«Ты влюбилась, — с несвойственной ему безжалостностью написал Гобби... точнее Габриэль, так что теперь я не была уверена, что ему подобное несвойственное. — Он тоже».

Вот теперь я с искренним изумлением воззрилась на гоблина.

«Не смотри на меня так, — написал Габриэль, — ты привлекательная, очень милая и открытая девушка, для Гаэр-аша привыкшего общаться с совершенно иным типом женщин, ты определенно была глотком свежего воздуха в мире, который давно успел разочаровать его, соответственно его интерес вполне объясним. Но ты не из тех, кто дает волю чувствам, он не тот, кто считает позволительным домогаться адепток. И будь вы оба обычными людьми, он забыл бы о тебе спустя две недели, ты о своем первом чувстве пожалуй еще быстрее — обстановка не располагала, согласись».

Я кивнула, соглашаясь. Обстановка действительно не располагала

вообще ни к чему, кроме напряженной учебы, в попытке догнать хоть часть программы Некроса.

«Влюбленность не любовь, — продолжил писать Габриэль, — срок ее жизни краток — от двух недель до пары месяцев. Она что-то сродни симпатии, просто чувство приятия, смешанное с восхищением, не более. И в нашем мире цена ей — медный грош, но не во Мраке. Там, где любое чувство — уязвимое место противника, его используют. И если сам Гаэр-аш взглянув в твои глаза едва ли осознал, что ты испытываешь к нему симпатию, то его кровь, та что родом из Хаоса, порожденного Мраком, мгновенно осознала обоюдно промелькнувшее чувство, и огонь полыхнул».

Может и так, вот только:

«Я не влюблялась, Габриэль, — посчитала нужным это написать, — я...» «Перечитай написанное выше, — перебил меня гоблин. — И пойми главное — не важно, как ты сама восприняла это чувство — симпатией, восхищением, признательностью, важно другое — кровь темного лорда пробудилась в нем в тот момент, когда вы понравились друг другу. И будь вы оба просто людьми — случившееся не имело бы значения, но Гаэр-аш человеком никогда не был, а в тебе его кровь разглядела великолепный способ усилить носителя. Первый этап, Риа, первый проблеск чувств, искра. Оглянись вокруг — этих искорок сотни и тысячи, какие-то разгораются в костры страсти и гаснут прогорев дотла, некоторые горят всю жизнь огнем в домашних каминах, согревая сердца родных и близких, но большинство гибнет на сырой стылой земле. В нашем мире так. А во Мраке огонь пылает в крови и согревать сердца он не способен».

Гобби коснулся моей руки, успокаивающе погладив, и вернулся к написанию.

«В Темной империи поговаривают, что темные лорды это те, кто пустил огненных демонов в свою кровь. Это лишь поговорка, крылатое выражение, но... факт заключается в том, что далеко не каждый малыш или малышка рожденные темными, обретают огонь. В большинстве он не просыпается вовсе, некоторых сжигает дотла пробудившись, и лишь немногие получают над ним контроль. Пишу это, чтобы ты поняла — в отличие от твоей крови, кровь темных лордов зачастую самостоятельно мыслящая личность. Насколько мне известно эта личность не обладает самоосознанием и развитым разумом, это как зверь с повадками, интуицией и четким пониманием того, что ему необходимо для пробуждения. И этот огненный зверь осознал, что ему нужна ты. И он, пробудившись, начал действовать. И мы можем только догадываться, сколько раз этот зверь демонстрировал хозяину твой облик, чтобы

пробудить сжигающую страсть. Вы с ректором Некроса сталкивались часто до Мертвых игр?».

Я только плечами пожала, и взяв погрызенный карандаш у Гобби, написала:

«Обстановка действительно не располагала ни к чему, Габриэль. Лично я не помню ни одной встречи до самих Мертвых игр. Вообще»

«Гаэр-аш силен, — написал в ответ на это сообщение зомби. — Видимо исключительно усилием воли держался как можно дальше. В Темной империи если пробуждающийся лорд недостаточно подготовлен к схватке с собственным пламенем, он исключает любой физический контакт с объектом, вызвавшим его пробуждение».

Любой физический контакт... И я вспомнила, как потеряла сознание в венах Некроса, а ректор нес меня... И как вцепилась в него при падении тогда, когда мои артефакты дестабилизировали притяжение в пустоши под Некросом и мы падали вниз...

«Физический контакт был?» — прямо спросил Гобби.

Мне оставалось лишь кивнуть.

«И после нескольких дней не прошло, как Гаэр-аш потерял контроль над собой, так? Должен был потерять, пусть даже на краткое время, но это непреложный закон выживания кровного пламени».

На этот раз я даже не кивнула, но мне стало гораздо легче при мысли, что все случившееся между нами тогда, в Запрещенной библиотеке было лишь попыткой огненного демона выжить.

«А теперь возвращаемся к термину ваэрра», — продолжил Гобби.

И я вся обратилась в внимание.

«В моей стране говорят — все плохое родом из Мрака. В данном конкретном случае — совершеннейшая истина. Ваэрра — пробужденный любовью. Но тот, кого разбудили, должен проснуться, то есть — обрести силу. И тут есть два варианта — либо обрести ее самостоятельно, либо в объятиях той, что пробудила. Богини Мрака идут на все, чтобы не допустить второго, знаешь почему?»

Я отрицательно покачала головой.

Габриэль, перевернувший уже несколько страниц, перевернул еще одну и написал: «Чувства позволяют зацепиться за ауру. Чувства могут исчезнуть, но зацепка останется. Это первый момент. Второй — любимая женщина делает мужчину сильнее. Что у нас, что у них. Вот только во Мраке любовь может принимать разные формы, как и боги, и в результате влюбленный бог стремится обрести силу обнимая ту, чью ауру можно подчинить. Это позволяет, во-первых, стать сильнее, во-вторых, мгновенно

обрести контроль над силой, и, в-третьих, получить абсолютную и полную власть над любимой женщиной.»

Едва дыша я потрясенно посмотрела на гоблина. Он посмотрел на меня с нескрываемым сочувствием, и продолжил:

«Во всей этой ситуации меня успокаивает только одно — любовь нашего мира разительно отличается от этого же термина во Мраке, а лорд Гаэр-аш относится к тому типу сильных мужчин, которые чувства любимой ставят выше своих. И все же — ситуация не радует».

«Почему?» — одними губами спросила я.

Гобби посидел несколько секунд, словно решаясь писать или лучше не нужно, но все же написал:

«Ты ребенок по меркам Хаоса. До того момента, как пробудится твоя кровь... то есть ты из девочки, станешь способной к деторождению девушкой. Судя по изменениям в твоей внешности и реакции на тебя мужчин, этот момент уже очень и очень близко. Но едва твоя кровь проснется, Риа, твой ваэрра начнет чувствовать тебя, при желании видеть твоими глазами, и слышать то, что слышишь ты. Он сможет использовать или блокировать твою магию. Абсолютный контроль. Но от плана покинуть столицу меня заставило отказаться не это, а тот печальный факт, что любое твое перемещение лорд Гаэр-аш уже сейчас может отследить. И учитывая его способность прожигать расстояние, пробежать сможем метров десять от забора в лучшем случае».

Он изобразил тяжелый вздох, Ыгырг поддержал его отборной кишкой орка. Так и сказал:

— Отборная орочья кишка!

Я удивленно посмотрела на Гобби, он пояснил:

«В ритуальных поединках между гоблинами и орками, особой доблестью гоблинских воинов считается вспороть живот противника и поддев острием, вытащить аппендикс. Это называется отборная орочья кишка, ее вырезают и вешают в трофейном зале. Ыгырх известный поединщик, у него более двадцати этих знаков побед».

Представила себе Ыгырха, любовно вырезающего «отборную» кишку, соотнесла все это с образом бабули... Даже не знаю, что и сказать.

«Знаешь, — начал писать Габриэль, — я расскажу тебе об одной тактике — она называется «шагать в тишине». Это очень выгодная тактика, ее суть заключается в том, что ты шагаешь позади сильнейших, тех что создают больше шума, что грудью встречают опасность, что уверены в своей силе и идут на пролом. Это путь сильных, открыто заявляющих о своем могуществе. А мы пойдем другим путем, Риа, мы будем шагать в

тишине».

Осторожно взяла карандаш и попросила:

«Поясни, пожалуйста».

И Гобби написал:

«Тебя отстранят от Мертвых игр. Теперь совершенно точно. Не противодействуй».

Я потрясенно смотрела на Гобби.

«Если ты станешь возмущаться и пытаться переубедить их, будет только хуже — Гаэр-аш вовсе запрет тебя в доме на время сражений и ты ничего не сможешь сделать. Послушай, Риа, они уже приняли это решение не сговариваясь. Каждый из них. Но решение прозвучит, поверь моему опыту».

Верила. После всех событий, Габриэлю я уже верила.

«Я выйду в связке с Эдвином, — продолжил гоблин, — Ыгырх неплохо поднатаскал меня, кое-что из фехтования я вспомнил сам.»

121

«Тебе нельзя рисковать собой!» — торопливо написала я.

Зомби улыбнулся мне и написал:

«Однажды одна маленькая девочка привела домой неподчиненное умертвите... Она тоже не должна была рисковать собой, но просто не смогла оставить меня... — он улыбнулся снова и дописал: — Риа, я гоблин, мы привыкли выживать находясь между молотом и наковальней — Мирами Хаоса и Темной империей. И знаешь, и те и другие очень хотели бы прибрать нашу богатую империю к рукам, при этом как-то не особо считаясь с нашим мнением... Видишь ли, что демоны, что темные лорды считают себя несколько умнее гоблинов, и убеждены в верности именно их решений, причем исключительно во имя нашего же блага. Ничего не напоминает?»

Грустно улыбнулась в ответ.

Габриэль продолжил:

«Больше скажу, объективно глядя на ситуацию, прихожу к выводу, что я единственный, кто в принципе поможет тебе выпутаться из всего этого и сохранить независимость. Задача сложная, не спору. И да — тебя все хотят, как женщину, как ученицу, как гениального артефактора и это они еще не в курсе твоих способностей мага Смерти, кстати последнего человеческого мага Смерти. Но таки буду откровенен — нас хотят тоже. И на момент, когда я занял должность канцлера, император Анаргат и Властитель Ада решали вопрос о северной части гоблинских земель, не считая нужным поставить в известность об этом нашего императора. Мы

изменили ситуацию. В настоящий момент я вернулся к переговорам о браке нашего наследника и кронпринцессы Алитерры с одной стороны, и возвращению наших северных территорий с другой. Все решается, Риа. Мы будем шагать в тишине, на шаг позади, мы будем наблюдать, готовиться, выжидать и в нужный момент вмешаемся. Мы сможем. Я мастер интриг, ты мастер-артефактор со знанием тактики и психологии отступников. Мы справимся».

Молча кивнула.

«Ложись спать, — написал Гобби. — Тебе нужно время для восстановления».

Кивнув снова, легла на подушку и тут меня осенило!

Время!

Трижды восстановленный артефакт, время!!!

— Э, ледя, — недоуменно произнес Ыгырх, глядя на подскочившую и теперь стоящую на кровати меня.

А я вспоминала и вспоминала слова ученика отступника: «Мыслят узко. Они проверяют три параметра, забывая о четвертом»

Четвертый параметр — время!

Я прыгнула с постели, выхватив свечу у Гобби. Добежала до стола, вытащила большой лист бумаги и начала рисовать схему отображения реальностей, которую показывал мне лорд вечный. Один камень и двадцать три его отражения по часовой стрелке. Рисовала, рисовала и рисовала, пытаясь ухватить ускользающую мысль... А мысль ускользала, потому что разум не мог принять ее. Мой, отточенный в артефакторской школе и на факультете разум... отточенный или отупленный?

— Ледя, шла бы ты спать, трясет же всю, — набрасывая покрывало мне на плечи.

Я машинально закуталась в это покрывало и сползла на пол вместе с рисунком и свечой. Потом, повинуясь скорее наитию, чем чувству разума, расположила свечу прямо в центре круга из нарисованных отражений камней. Теперь у меня было что-то вроде часов. Только без стрелок.

И догадка, только не сформировавшаяся. А мне важно было догадаться. Мне безумно важно было догадаться. Норт, Эдвин, Дан, Ташши — я не хотела смерти никого из них. Я хотела, чтобы они жили. Потому что стали дороги мне. Все они. Дороги настолько, что я готова была отдать свою жизнь, только бы они жили... желательно всегда.

И часть моего сознания подхватила эту мысль. Именно эту. Невероятную и невозможную по сути. Мысль лишенную смысла. Ведь жить всегда невозможно. Всегда — это уже вечность. А никто не вечен.

Никто и ничто. Дерево зарождается, пробивается сквозь почву и тянется ввысь, к солнцу — но даже самые огромные деревья не вечны. Жизнь конечна. Но не только жизнь — горы, пусть в них нет ни капли жизни, так же не вечны, они разрушаются со временем. Время разрушает все. Ничто не вечно.

Кроме вечных!

И я вновь посмотрела на двадцать третье отражение камня. То, что находилось в прошлом...

Прошлое — вот что вечно!

Они развили технологию. Развили, дополнили и создали для себя временную петлю, нечто сходное той, в которой проходил бал Некроса, только масштабнее, надежнее и зная отступников с их стремлением к основательности, вероятно реальнее. Вот почему они называют себя вечными! Вот откуда несогласованность действий — у них практически нет возможности согласовывать, но есть задача и заданное для ее исполнения время.

Подошедший Гобби сел напротив, глядя то на меня, то на свечу в центре круга проекций одного камня. Заставила себя не замечать его, усилием воли вернувшись к развитию догадки. Но уже очень многое сейчас складывалось в общую картину. Картину неуязвимости вечных. Тех, кто жил вне времени, и одновременно с этим был вынужден подчиняться законам его извечного течения.

Я вновь всмотрелась в круг отражения камней и поняла — да, догадка верна, они не способны проникать в заданные временные точки. Они просто способны уходить в прошлое, вероятно в какой-то один конкретный момент, и жить в нем. Вечно. Периодически покидая свою временную петлю либо ради исследовательских целей, либо ради вот этого созданного ими великого плана.

И если я права...

Стремительно подскочила с места, и кутаясь в покрывало, выбежала из комнаты. Босиком промчалась по пустому коридору, сбежала вниз по ступеням, сильно удивив стоявших в дверях и видимо прощающихся лорда Гаэр-аша и лорда Эллохара, остановилась, тяжело дыша и ощущая головокружение, и глядя на ректора попросила:

«Пять минут. Не отпускайте лорда Эллохара».

После чего, пробежав все так же босиком по каменному полу холла, подбежала к стене, я помнила в какой проход, прижала ладонь, затем нарисовала руну открытия, и стена дрогнула, отъезжая.

— Стоять! — остановил меня окрик лорда Гаэр-аша.

Остановилась, повернувшись посмотрела практически умоляя.

— Одна минута ничего не изменит, правда ведь? — вслух спросил он.

В моей же голове прозвучало:

«Куда босиком в подвал?! Сокровище мое, как ты вообще до семнадцати дожила?!»

Из темноты тенью скользнуло боевое умертвие, и мне протянули сначала теплые до колен носки, затем тапочки, следом плащ на меху.

«Там не настолько холодно!» — возмутилась я — Ну извини, обычное умертвие двигается слишком медленно, а боевое не способно различить где меховой плащ, а где простой. Подождем обычное?

Отрицательно мотнув головой, я просто сбежала вниз по ступеням как была в покрывале.

В холле же раздалось:

— Лорд Эллохар, я искренне прошу прощения, но не могли бы вы задержаться до возвращения моей воспитанницы?

Ответ уже не услышала. Я мчалась вниз, затем вновь открывала очередной проход и надеялась, что Ктар не спит. Надеялась зря — когда ворвалась в лабораторию, переоборудованную учеником вечных под себя, обнаружила его спящим на огромной двуспальной кровати, которую ему видимо приволокли из одной из пустующих спален.

Жаль, но придется разбудить.

Правда так как говорить я пока не могла, а астральные проекции в столице уже не создать, кинулась сначала к столу, в поисках листа бумаги и карандаша и... была остановлена сонным:

— Никогда не приближайся к лабораторным столам, Риа, ты что не знаешь?

Развернулась, удивленно посмотрев на него. Парень сел, свесив ноги и зевнув, пояснил:

— Лабораторный стол — самое охраняемое место в жилище вечных, малышка. Как себя чувствуешь?

Я улыбнулась и показала, что мне нужно писать.

— А, горло повредила, — догадался он, — еще бы так кричать. Сейчас.

Встал, прошел к шкафу, достал блокнот, обернулся, смерил меня взглядом с головы до ног, прикинул что-то и извлек уже внушительный в половину моего роста лист бумаги. Вот догадливый, приятно.

Подбежав, я забрала, и карандаш тоже, подбежала к обеденному столу, и сдвинув остатки ужина, расположила лист и написала:

«Ктар, опиши место где вы живете! Только быстро!»

— Ммм, — недоуменно произнес парень. — Ну это огромный замок. Ммм, в облаках.

Я продолжала выжидательно смотреть на него, и он несколько неуверенно добавил:

— Парящий в облаках замок. Вниз спускаться запрещено до овладения левитацией, да в принципе в целом покидать замок нельзя. Там пожар внизу, горит все, крики слышны, неприятно знаешь. Мы как-то когда детьми были с друзьями проникли в подвал, ну там внизу что-то вроде Ада. Горит все, такое красное полыхающее пожарище, понимаешь?

Понимала. Точнее — поняла. Все поняла. Они закольцевали время, используя взрыв чего-то невероятно мощного. Энергии в котором хватило на то, чтобы фактически создать стабильную иную реальность. Что мне категорически не понравилось в словах Ктара — это описание криков людей. Место для проведения бала Некроса было создано на основе эмоций одного сильного мага Смерти — того самого эльфа в черном. Эмоции были настолько сильными, что созданная им временная петля существует уже столько лет. А теперь просто представим себе, что можно было создать, используя эманации гибнущих людей и энергию массовой смерти?

— Ты что-то побледнела, — заметил ученик отступников. — Не то чтобы до этого особо розовощекая была, просто из умертвия первой свежести ты превратилась в явно несвежего зомбика.

Молча посмотрела на Ктара, и подумала — а осознает ли он, за счет чего существует «парящий в облаках замок»? Но вернулась к главной мысли:

«Ты сказал — они не учитывают время. Существует петля времени закольцованная в определенный момент прошлого?»

— Эээм, — протянул он. И тут же спросил: — Что ты имеешь ввиду? Что мы передвигаемся по территориям человеческих королевств в прошлом? Ну да, а как иначе? Иначе опасно.

Если честно — я пошатнулась. Даже так...

— Из замка на поверхность существует несколько порталов, — продолжил Ктар. — Временной период — момент падения Хешисаи, это больше двухсот лет назад. Я тебе точно не скажу, история никогда не была моим коньком. Вот тогда все эти территории были частично не заселены, а частично разрушены — империя вела довольно агрессивную внешнюю политику, другие государства либо подчинялись, либо гибли. Так вот тут, кстати, на месте столицы, вообще руины непонятной цивилизации. Но короче ты что конкретно хотела спросить?

Я подумала и спросила:

«Как происходит активация перехода из прошлого в настоящее?»

Ктар пожал плечами и честно признался:

— Я не знаю. Если бы знал, я бы не к вам сюда заявился, а сразу перешел обратно, в прошлое где безопасно, уходя от погони. Но у меня нужных навыков и знаний нет. В ордене братство Реки занимается переходами, это их специализация. Тут же сложно все — нужно выбрать время и место перехода, чтобы не оказаться после переноса в дереве, камне или там человеке. Да даже муха в сердце уже смерть, сама понимаешь. Ну в смысле для меня смерть, для вечных просто откат назад. Поэтому используются определенные места, и нужно связываться с братьями Реки. И ближайший их пункт на севере в трех днях пути отсюда, но мы пропустили время встречи, так что они перекинули следующую группу и нам с учителем придется теперь ждать.

«Ждать чего?» — дрогнувшей рукой написала я.

Посмотрев на меня, Ктар тихо ответил:

— Когда шестая группа выполнит задание.

И я с ужасом поняла, о каком задании идет речь.

Ученик вечных постоял рядом, глядя на потрясенную меня, затем искренне произнес:

— Прости, я не знаю кому это поручено, не знаю кто этим занимается, и помочь не смогу. Что говорить, Риа, я даже тебя спасти не смог, хотя отправил учителю сотню сообщений о том, что ты наша и тебя убивать не надо. Но когда наши уходят с головой в исполнение плана... он видимо даже ни одно из моих сообщений не открыл.

«Почему?» — спросила я.

— Он их не ждал, — пояснил Ктар. И добавил понуро, — меня не должно было быть в городе. Я просто... понимаешь интересно стало, люди, город, все такое, я нарушил приказ.

«Ясно», — торопливо написала я.

И приписала:

«Спи, прости, что разбудила».

После чего, развернувшись, поспешила обратно. У меня были плохие новости. Очень плохие новости для Гаэр-аша, и того, кто даже человеком не был, но судя по услышанному мной, о человеческих королевствах искренне, как минимум переживал, но скорее похоже заботился.

Когда я поднялась в холл, обоих лордов там не было, зато стояло все то же умертвие с плащом. Ну да, боевое, а значит приказ превыше всего. Молча забрала плащ, зомби тут же тенью метнулся назад, в место своего обитания.

«Риа, в кабинет» — раздалось в моей голове.

Бросив тяжеленное одеяние, поспешила к ректору, а войдя в кабинет, увидела, что меня ждет кресло у камина и теплый, распространяющий аромат мелиссы, чай на придвинутом к этому креслу столике. Лорд Гаэр-аш расположился в кресле рядом с ожидающим меня, лорд Эллохар чуть дальше, держа в руках странную ракушку, размером в половину его ладони. Ракушка частично была заполнена кровью, а лорд Эллохар пристально смотрел на нее. Не удержавшись, закрыла глаза и застыла на пороге. Потому что демон, огненный, внушительный, с раскинувшимися по плечам и подголовнику кресла волосами беседовал. И вовсе не с кровью — вторая ракушка была в руках высокого... демона в черном обтягивающем его торс костюме, который стоял на арене Королевских Мертвых игр. А за ним, еще несколько в такой же странной одежде, которая кажется была формой. И эти вот они... одна была вампиром, с алыми глазами и куда более страшной, чем братья Блаэд, те как-то больше на людей походили. У второй девушки в группе ноги отсутствовали как таковые... там был хвост. Змеиный. Толстый и позволяющей ей располагаться вертикально. Еще один парень был покрыт черной блестящей чешуей и у него были огромные раскосые змеиные глаза. И вот именно он вдруг посмотрел на меня и произнес:

— Кошмарных.

Лорд Эллохар, в своей пристойной человеческой личине глянул на меня, потом на своего... не знаю кого, и спросил:

— В смысле?

Чешуйчатый немного смутился и ответил:

— Поздоровался вот с той симпатичной кошечкой. А как она не вымерла?

Лорд Эллохар, который уже демон, и видеть его могла только я, издевательски протянул:

— Шикарная тема для дипломной работы.

— Вот Бездна! — выругался парень.

Демон лишь усмехнулся, и сообщил тем, кого... ну если речь о дипломной, значит обучал:

— Оставаться на месте, возможно наша не вымершая кошечка приволокла что-то важное на кончике хвостика.

«У меня нет хвостика», — раздраженно подумала я.

— В смысле хвостика? — не понял лорд Гаэр-аш.

И всем стало как-то не по себе. Мне по понятным причинам, ректору по причине того, что он осознал что чего-то не слышал, лорду Эллохару как раз потому, что я, и он это понял, все слышала. Он подкинул ракушку и поймал ее уже совершенно сухой и пустой — даже следов крови не осталось, после чего небрежно забросил в карман пиджака, перевел пристальный взгляд на меня и вслух, не скрываясь, спросил:

— Малышка, что слышала? Не отвечая, испуганно взглянула на лорда Гаэр-аша, тот мрачно взирал на меня.

— И... видела? — задал следующий вопрос лорд Эллохар.

Я же снова посмотрела на лорда Гаэр-аша, он, указав мне на кресло, произнес:

— При всем моем уважении, лорд Эллохар, в вашу школу она не отправится в любом случае, причем причины невозможности этого вы сообщили мне сами.

Темный странно посмотрел на главу Некроса, усмехнулся, после чего откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу, сцепил пальцы под подбородком, и глядя на ректора, язвительно поинтересовался:

— То есть вам известно, что ваша «воспитанница» является черным артефактором? Сформированным, обученным, талантливым и способным легко пересекать границы допустимого?

Гаэр-аш промолчал.

Лорд Эллохар усмехнулся, укоризненно покачал головой, все так же насмешливо-снисходительно глядя на ректора, а затем жестко произнес:

— Я бы рекомендовал вам усилить тренировки до максимума, лорд Гаэр-аш. Перерождение вы уже прошли, выгорание вам не грозит. Грозит многое другое. Вы осознаете, что произойдет, если о ней станет известно в Мирах Хаоса? Я уже не говорю о Темной империи. Двух последних черных артефакторов содержат одного в Хайранаре, во дворце властителя Ада, второго в Авишране, это оплот рода сагАрвен в Бездне. И учеников ни у одного, ни у второго нет, так к слову информация. И в принципе считается, что последний черный артефактор скрывается у отступников, это единственная причина, по которой отдельные темные лорды столь старательно реагируют на все появления вечных. Ваши подопечные недавно столкнулись с темным лордом вероятно по этой же причине — наблюдатели сообщили ему о присутствии здесь кого-то из отступников, через которых темные хотят выйти на... — Лорд Эллохар перевел взгляд на меня и задумчиво протянул: — Бездна, похоже именно Тадор Шерарн тебя

и обучал.

Я прошла и села в кресло, ничего не говоря и ничего не ответив. Но вот после этого, посмотрела на напряженно молчащего лорда Гаэр-аша и мысленно задала вопрос:

«Как?»

Никоим образом не имевший возможности услышать мой вопрос, лорд Эллохар, улыбнувшись как-то неожиданно по-доброму, ответил:

— Сопоставил факты, прелесть моя.

Я испуганно взглянула на него, демон извлек из кармана всю ту же ракушку, и бросил ее мне. Я попыталась было поймать, испугавшись удара, но ракушка зависла в воздухе, на расстоянии вытянутой руки. И я, протянув ладонь, осторожно ее взяла. И поняла, что менее всего это было ракушкой. Это было железо. Присмотревшись, поняла, что имею дело с редким, очень нестандартным сплавом — железо, цинк, медь в далеко не равных пропорциях. Крайне прочный сплав, практически не уступающий стали, золотистый по цвету. Перлмутр на внутренней стороне — иллюзия, как и рельефный рисунок на внешней. И форма была вовсе не ракушки — скорее вогнутое медное зеркальце, активирующееся каплей крови.

— Рассмотрела? — мрачно поинтересовался лорд Гаэр-аш.

Я отрицательно замотала головой и попросила:

«Еще минутку».

На внутренней стороне этого удивительного артефакта по самому краю заметила надпись. Присмотревшись, прочла: «Эс эфайата ка айя». — Примерный перевод «от сердца к сердцу», — пояснил с улыбкой наблюдавший за мной лорд Эллохар. — Знаете, почему данный артефакт старательно имитирует внешний вид океанической ракушки?

«Нет» — ответила одними губами.

— Значит вам ничего не известно о способе сообщения у морских ведьм... Ммм, кратко история звучит так — эти морские развратницы как-то плавали с набегом на тролльи поселения, в надежде отбить парочку своих у работоторговцев. Отбить не получилось, да даже по факту пересечь границу между мирами не вышло, и морские ведьмы пошли ко дну. И вот будь кто другой на их месте — утоп бы, но не эти. Идя ко дну, они призывали богов спасти их, мотивируя просьбы своей чрезмерной полезностью морю и его обитателям. Честно сказать ближайший от места ведьминского затопления бог был не в духе, так что на все их мольбы пожелал сдохнуть поскорее, но на призыв о помощи откликнулся вид телепатически развитых ракообразных. Последние, подчинив себе стаю радостно плывущих на поесть рыбешек, спасли утопленниц... к

искреннему сожалению всего данного ракообразного вида. Эм, видишь ли, у ракообразных просто телепатия была, а вот мозгов не особо. У ведьм же как раз мозгов имелось в избытке, и они быстро сообразили, что помогла им колония засветившихся в момент подчинения стайки акул ракообразных. Далее последовало повторное плавание к тем местам уже на корабле покрепче и с командой профессиональных моряков, а не кучкой истеричных магически одаренных особ, и масштабный молебен направленный уже конкретно к этим ракообразным, с просьбой подняться и получить благодарность и всяческие блага. Ракообразные, как я уже сказал, сообразительностью не отличались, в принципе по этой причине и находились на грани вымирания. Увы, опыт предков был проигнорирован всей колонией, и вся она, всплыв, полезла на корабль, более того — принялась лакать поданное ведьмами «благое лакомство».

Лорд Эллохар помолчал и добавил:

— С тех пор телепатически одаренных рачков больше нет, зато у морских ведьм появилось некоторое количество ракушек, позволяющих используя каплю крови, отправить сообщение тому, у кого есть такая же ракушка. А то, что видишь сейчас ты, было создано как имитация подобного средства сообщения, для девушки, которая очень-очень хотела спасти сестру, но слишком много на себя взяла. Поучительная история, не так ли?

Как по мне — крайне печальная история. Все упомянутые пусть даже вскользь истории... Я вновь посмотрела на артефакт, пытаюсь мысленно снять с него иллюзию и вдруг поняла — я его знаю. Этот артефакт знаю. Это Зеркало Тьмы, потому что активируется кровью. Существует практически утерянный аналог — Зеркало Света, позволяющий произвести активацию мыслью. Точнее —мыслеобразом. И в принципе его не так сложно сделать... Особенно если учесть, что теперь я знаю какой метал и в какой пропорции использовать.

Лорд Эллохар протянул руку и ракушка, вспорхнув из моей ладони, прилетела к нему, чтобы быть сокрытой во внутреннем кармане.

— Мы используем аналоги для сообщения между учениками, — пристально глядя на меня, произнес демон. — Я принесу вам один.

Отрицательно покачав головой, достала лист и написала:

«Спасибо, не стоит. Мы некроманты, артефакты, активируемые кровью в условиях постоянного нахождения рядом с нежитью не самая лучшая идея».

А вот Зеркало Света идея, потрясающая! И я сделаю такие для всех наших, как минимум у нас будет постоянно средство сообщения, а это уже

не мало. Еще бы придумать что-нибудь для Гобби... а с другой стороны, он мыслит, значит и мыслеобраз проблемой не будет.

«Идея хорошая, — произнес мысленно лорд Гаэр-аш, — но вот энтузиазм я бы посоветовал прикрыть, сокровище мое. И в целом неплохо было бы озвучить, ради чего ты просила нас задержаться».

О, Тьма, забыла совсем. И развернув лист чистой стороной, я торопливо написала:

«Арена Мертвых игр — ловушка. Одна большая, масштабная и давно подготовленная ловушка!»

Написав, подняла лист, демонстрируя обоим лордам. Лорд Гаэр-аш после этого просто посмотрел на меня в ожидании, лорд Эллохар, сев удобнее, произнес:

— Моих ребят ты видела, они исследовали все досконально — и ничего. А собственно указанная вчера утром боевыми магами активация кровью, активировала в основном такой странный параметр как четкость изображения и все. Странное, конечно, заклинание, но единственным его результатом будет улучшение зрения у всех плохо видящих в округе и только. И да — мотивация вечных все еще за гранью моего понимания, но эти полусумасшедшие гении всегда умели отличиться. Что-нибудь еще, радость моя?

После чего взглянул на Гаэр-аша ехидно сообщил:

— Знаю, что вас передергивает от каждого моего выражения в духе «моя», но не могу отказать себе в этом удовольствии.

— Я заметил, — сухо отозвался ректор.

— Я должен был убедиться, — еще более издевательски сообщил лорд Эллохар.

И перевел свой взгляд на меня. Я же написала:

«Рада, что вы закончили с получением маленьких жизненных удовольствий, и...»

Дописать не успела, прерванная откровенно насмешливым:

— А мы язвим. Хамим, я бы даже сказал и субординацию не соблюдаем. — и уже серьезно: — Счастье мое, еще раз — на арене ничего нет. Там чисто.

Не знаю, как он прочел то что я начала писать, но вот сейчас... раздраженно посмотрев на демона, я повернулась к лорду Гаэр-ашу и мысленно произнесла:

«Никто не учел такого параметра как — время».

Ректор издеваться и язвить не стал, приказав:

«Продолжай».

И я продолжила так же мысленно и уже не сдерживаясь, потому что особого смысла в этом не было:

«Я никогда ранее не задумывалась, почему отступники называют себя вечными, ведь по факту быть вечными — нереально. Ничто не вечно. Ничто кроме прошлого. И на данный момент отступники живут и существуют в прошлом!»

Лорд Гаэр-аш понял меня мгновенно. Он подался вперед, и произнес вслух:

— Что-то наподобие петли времени?

«Да! — я чуть не подпрыгнула от радости, что он понял. Понял все сразу и без издевок кстати. — Что-то вроде петли времени в которой существует всенекромантский бал Некроса».

Ректор вновь откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди, задумчиво глядя на меня. Затем так же голосом сказал: — Ты осознаешь какая прорва энергии требуется для создания стабильной петли времени? И не только магической, необходима так же достаточная эмоциональная составляющая. То, что мы имеем в Некросе, существует одну ночь в году и к утру распадается, и ты учти, что временная петля Мертвого леса была создана на основе единовременной гибели сотен эльфов и всего живого на расстоянии нескольких дней пу...

Он не договорил. Осекся на полуслове, пристально глядя на меня.

— А теперь желательно вслух, — вроде совершенно безразлично и даже слегка растягивая слова, но фактически потребовал лорд Эллохар.

Растерянно посмотрев на него, молча указала рукой на горло. И тут лорд Гаэр-аш вытянул руку, раскрыв ладонь и над ней замерцало перо. Огненное. Синее огненное перо. И его без слов протянули мне.

Взяла очень осторожно, сначала коснулась пальцем, самым кончиком, боясь обжечься, потом уже дотронулась увереннее, чувствуя лишь тепло, вместо жара, и спросила:

«Можно писать в воздухе?»

Ректор молча кивнул.

И я, затаив дыхание, начала рисовать часы. Огнем. Словно светящейся синей огненной краской. Прямо в воздухе перед собой. Именно часы, да, хотя следовало бы временную спираль, но аналогию с часами, я думала, провести будет проще. И я огненным пером нарисовала синий, совершенно без всполохов, огненный круг, посередине него изобразила петельку, и от нее провела стрелочку на уровень примерно трех часов дня.

А уже затем начала писать:

«Насколько я поняла, вечные разработали технологию Призрачных граней еще во времена начала завоевания Хешисаи, в попытке противодействовать способностям к перемещению демонов и шайгенов».

Написав, поняла, что писать дальше мне неудобно, не хватает места. Но лорд Гаэр-аш взмахнул рукой и надпись исчезла растворившись в воздухе синим клубящимся дымом. Словно огонь смело порывом ветра... Неимоверно красиво! И я продолжила:

«Как и при каких условиях была сформирована временная петля, я не знаю. Но она стабильна. Как стабилен застывший в облаках замок вечных, в котором они живут и сейчас. И я так понимаю, что по земле того времени они передвигаются совершенно спокойно, используя порталы ведущие из замка во вне, но...»

И место опять закончилось. Движение ректора, потрясающе красиво исчезнувшая надпись и я продолжила:

«Но они способны возвращаться в реальное время. Причем не в любую выбранную точку, — я обвела рукой круг часов, — а конкретно в сейчас. В наш настоящий день. И жить тут так же, как живут там.»

Остановилась, потрясенная внезапно возникнувшей мыслью, и честно написала:

«Правда, не понимаю, зачем...»

Мне никто не ответил. Оба лорда задумчиво-мрачно смотрели на созданную мной схему довольно долго. Затем лорд Эллохар произнес:

— Риаллин, вечные несомненно гении, но даже гениям свободно перемещаться между временной петлей и реальностью было бы затруднительно. Я пытаюсь прикинуть возможности, но, если честно, не вижу ни одной.

И вот тогда лорд Гаэр-аш произнес то, о чем я, если честно, боялась даже думать:

— Массовые жертвоприношения.

Затем молча посмотрел на меня.

«Боюсь, что так» — мысленно ответила я. Ректор кивнул и развил мысль: — Там во временной петле было использовано вероятно одна из самых масштабных магических катастроф, приведшая гибели второго по величине крупного города империи, весьма густо заселенной территории. «Парящий в облаках замок»... похоже это Императорская Академия Магических искусств. Основной массив ее был вытесан из монолитной скалы, а взрыв вполне мог привести к этому, видимо зафиксированному отступниками полету.

После его слов в молчании сидели мы все. Я, с ужасом понимающая,

что энергии от массовой единовременной гибели всех жителей города отступникам хватит надолго, и лорды, напряжённо осознающие ситуацию.

— Что ж, это многое объяснило бы, — задумчиво произнес лорд Эллохар. И добавил: — Кроме разве что одного момента — проход в таком случае должен работать в одном направлении — оттуда к нам, а мы имеем свидетельство того, что отступники перемещаются и в обратную сторону. Соответственно, массовые жертвоприношения, пусть и в меньшей степени, должны происходить и здесь...

Он осекся. Затем повернувшись, молча посмотрел на лорда Гаэр-аша. Ректор сидел, задумчиво глядя на нарисованную мной схему, и казалось бы не увидел направленного на него взгляда. Но нет. Увидел все, и севшим голосом тихо произнес то, о чем видимо уже догадался лорд Эллохар:

— Война с отступниками на севере седьмого королевства.

Я мне вспомнилось сказанное Ктаром: «Поэтому используются определенные места, и нужно связываться с братьями Реки. И ближайший их пункт на севере в трех днях пути отсюда, но мы пропустили время встречи, так что они перекинули следующую группу и нам с учителем придется теперь ждать».

И я дрогнувшей рукой написала в воздухе:

«На севере в трех днях пути отсюда?»

Лорд Эллохар, прочитав, выразительно посмотрел на меня, я поняла, что собственно это и был ответ.

Некоторое время мужчины молчали, затем заговорил вновь лорд Эллохар:

— Подведем итог нашей приятной встречи — под ударом трое.

Я удивленно посмотрела на него после этих слов, но для меня все пояснил лорд Гаэр-аш:

— Речь о Дане, Эдвине и Танаэше.

«А Норт?» — воскликнула мысленно.

— Норт — нет, — все так же вслух, ответил ректор.

Я вопросительно взглянула на него, но Гаэр-аш лишь отмахнулся движением пальца, после чего в его кабинете вновь воцарилась тишина. Недолгая. Потому что я молчать не могла.

«Под ударом четверо!» — написала стремительно.

И прежде чем кто-то из лордов успел мне возразить, приписала:

«Вы не понимаете, это отступники! Они гении! Они могут все! Они...»

— Не суются на территорию Темной империи знаешь по какой причине? — лениво поинтересовался, прервав меня лорд Эллохар.

Я не знала, если честно. И маг любезно мне пояснил: — Потому что бывшим участникам братства Огня совершенно нечего противопоставить тем, у кого этот самый огонь полыхает в крови. Именно по этой причине, они продолжают вялые потуги захватить под контроль человеческие королевства, но не предпринимают ни единой попытки напасть на империю.

«Но они нападут!» — написала, едва ректор вновь освободил для меня пространство, сметая огненные буквы.

— Нет, — едва заметно улыбнулся лорд Эллохар. — Они никогда не нападут, и я объясню тебе почему. При схватке с человеческими магами, у отступников погибает лишь тело. То тело, что они с легкостью заменяют иными, и насколько я уже понял, там, куда возвращается их сущность запас тел у них практически неограниченный. В случае же столкновения с темными лордами обладающими властью над пламенем, сгорает не только тело отступника, сжигается абсолютно и полностью его суть. А умирать, как ты понимаешь, не желает никто из вечных. Так что нападать будут люди, прелесть моя, отступники собираются лишь руководить процессом.

Лорд Эллохар улыбнулся мне, после чего, уже совершенно без улыбки произнес, обращаясь к лорду Гаэр-ашу:

— И все же я рекомендовал бы вам отказаться от участия в Мертвых играх. Некрос более чем защищенное место, это позволит вам выиграть время.

Несколько секунд ректор молчал, затем спокойно ответил:

— Мы не можем себе этого позволить.

Лорд Эллохар склонил голову, принимая его ответ, и холодно сообщил:

— Что ж, это ваше решение. Я приложу все усилия, чтобы предотвратить ожидаемое. Мои племянники в финальном бое будут участвовать дистанционно.

Темный поднялся, затем глянул на меня и с улыбкой произнес:

— Береги себя, сокровище.

Ослепительно вспыхнуло синее пламя. Не такое как у ректора — гораздо более яркое, сине-голубого оттенка, а когда угасло, мы с Гаэр-ашем остались одни в кабинете. Я, и совершенно мрачный глава Некроса. Затянувшееся тягостное молчание на этот раз нарушить было некому... Пришлось мне:

«Что мы будем делать?» — мысленно спросила я.

Ректор продолжал молчать. Еще несколько долгих, показавшихся мне вечностью минут. Затем взглянул на меня и произнес вслух:

— Работать в команде.

Он поднялся, протянул ладонь к огню, пылавшему в камине, коснулся взметнувшегося языка пламени, и не оборачиваясь, произнес:

— Учитывая все исходные данные, я бы назвал ситуацию безвыходной, но в этой схватке у нас достаточно козырей, чтобы выиграть партию. И выиграть без потерь.

Он обернулся ко мне и спросил:

— Почему ты просила меня задержать лорда Эллохара?

И я ответила, глядя в темно-синие сейчас, слегка светящиеся глаза ректора:

«Потому что очень боюсь за Норта, Эдвина, Дана и Ташши. Очень. Потому что информация об убежище отступников в прошлом очень важна, ведь они... они не зря называют себя вечными. Понимаете, ничто не вечно под сиянием солнца, ничто кроме прошлого. И я сочла, что для вас эта информация будет важной, и нужно сообщить ее как можно скорее».

Лорд Гаэр-аш медленно подошел ко мне, присел перед моим креслом, взял меня за руки и вновь взглянув в мои глаза, тихо сказал: — Проблема в том, что сказанное тобой — ломает кдохлым оркам всю ту систему мироздания, которая давно является сформированной и четкой что у меня, что у лорда Эллохара. Четвертый параметр — время. Его никто не брал в расчёт, понимаешь? Мы потратили свыше двух часов на формирование и обсуждение плана, который после сказанного тобой просто не имеет смысла. И сейчас, — он тяжело вздохнул, — нужно снова перепроверить риски. И...

Ректор оборвал себя на полуслове, молча поднес мои ледяные пальцы к губам, нежно поцеловал и резко поднялся, отпустив меня.

Вернулся в свое кресло, сел и задал прямой вопрос:

— Ты знаешь, как они будут действовать?

Тяжело вздохнув, мысленно ответила:

«Я знаю, что группа, задачей которой является убийство Норта, Эдвина, Дана и Ташши, уже прибыла столицу. Я знаю, что они будут предпринимать попытку за попыткой, готовить один гениальный план за другим, и не остановятся, пока не добьются своего. Мне не известно количество исполнителей, но как минимум один лорд-Вечный будет присутствовать. Как минимум».

Внезапно возле камина мигнул едва заметный синий огонек, и раздалось ехидное «Тук-тук».

Я лично сильно удивилась, а вот ректор отреагировал спокойным:

— Входите.

И пламя расширилось, образовав круг в метр диаметром, из которого

легко шагнул лорд Эллохар. Темный, на этот раз был в совершенно черном костюме, в руке он держал внушительного размера стакан с чем-то темно-красным, который всунул мне в руки со словами:

— Пей, сокровище обескровленное.

И рухнул на кресло, которое занимал прежде. Там, закинув ногу на ногу, соединил пальцы под подбородком, оглядел на с лордом Гаэр-ашем и произнес:

— И что мы имеем? — сказано было так, что вопрос не подразумевал нашего ответа, и темный практически без перехода продолжил: — Мне передали это.

Он расстегнул куртку и достал знакомый мне свиток, развернул нервным движением, и собственно все мы теперь видели план моего убийства. Гениальный план моего убийства. И вот я его уже видела, а ректор потянулся, забрал свиток, и вчитался в него, стиснув зубы так, что все его лицо приняло ожесточенное выражение.

— Гениальные парняги, — небрежно заметил лорд Эллохар. — То, что мне удалось вытянуть из орудийной троицы ни в какое сравнение не идет с этим планом, видимо они уловили только часть. — А затем вдруг повернулся ко мне и произнес: — Габриэль!

Я вздрогнула всем телом, и промолчала.

— В смысле «Габриэль»? — переспросил лорд Гаэр-аш.

Лорд Эллохар ничего не сказал, но на его губах заиграла очень-очень понимающая улыбка. Настолько, что я осознала — действительно все понял.

— В смысле Габриэль бы нам сейчас не помешал, — продолжая пристально смотреть на меня, произнес лорд Эллохар.

А затем уже совершенно серьезно спросил у меня:

— Как отличить отступников от обычных людей? Мне нужны четкие инструкции для моих выпускников, а бабуля с яблочками от сотрудничества отказалась. Ну? — Никак, — вместо меня, ответил лорд Гаэр-аш, продолжая изучать план моего убийства. — С их технологиями вселения сущности, отступником может оказаться даже тот, кто еще вчера был верным соратником. Одно время существовала теория, что перерождённых выдают шрамы на венах, оставленные при переливании крови, но мне довелось убить четверых, на чьих телах не было ни следа произведенной операции.

Я же в этот момент думала о том, что план моего убийства передать лорду Эллохару могли только по приказу Гобби. «Мы будем шагать в тишине, на шаг позади». Видимо уже начали. А еще, похоже, лорд Эллохар

мгновенно разгадал, кто стоит за передачей ему этой ценной информации.

— Паршиво, — ответил между тем темный, на сказанное ректором. — Паршиво, но не смертельно. Хотя вы, полагаю, сейчас смотрите на гениальные закорючки и думаете совершенно иначе.

Лорд Гаэр-аш бросил на него взгляд поверх бумаги, и хрипло ответил:

— Что-то вроде этого.

Темный после его слов несколько секунд молчал, затем небрежно обронил:

— Я поручился за вас. Полагаю, в течение часа министр Рханэ пришлет письмо с извинениями. Он толковый мужик. Вспыльчивый, готовый одержимо сражаться за свою семью, но толковый. А вам не помешает объединить усилия.

Лорд Гаэр-аш поднял взгляд на темного, и глухо произнес:

— Благодарю вас.

— Не за что, — иронично улыбнулся лорд Эллохар.

«Иди спать, — вдруг раздалось в моей голове. — Похоже, завтрашний день будет долгим».

Что ж, вот с этим я вполне была согласна.

Поднявшись, чуть склонила голову, прощаясь с лордом Эллохаром, затем мысленно произнесла «Доброй ночи», лорду Гаэр-ашу, и поплотнее закутавшись, покинула кабинет ректора.

* * *

Когда поднялась в свою комнату, меня ждали Гобби и бабуля с корзиной яблок. Укоризненно покачав головой, подошла к столику, взяла лист бумаги и написала:

«Что ж ты, бабуля с яблочками, от сотрудничества с лордом Эллохаром отказалась?»

Ыгырх хохотнул, прочитав.

А вот Габриэль написал в своем блокноте и продемонстрировал мне:

«Первый шаг в тишине. Игра началась».

Я взяв его блокнот, ответила:

«Надеюсь, мы победим».

Габриэль отрицательно покачал головой, и написал ниже:

«Надеюсь нам не придется в принципе подставляться под удар. Иди спать».

И я пошла.

Что мне еще оставалось. ***

Мне приснился странный сон. Очень яркий, наполненный красками, среди которых преобладал зеленый — цвет листвы на деревьях, яркой изумрудной травы, брючного надетого на меня костюма, малахитовой овального цвета площадки, посреди которой я стояла, ощущая, как дрожат ладони.

«Калиан, еще раз!» — резкий окрик.

Я поворачиваюсь на звук голоса, практически с ненавистью глядя на мужчину в серебристо-серой до земли мантией. В его темных волосах до плеч отчетливо видны серебристые пряди седины, но лицо при этом удивительно молодое, кроме разве что глаз — из них на меня словно смотрит сама вечность. И точно такой же, удивительно человеческий взгляд у ворона, что сидит на его плече, готовый в любой миг взлететь, чтобы покарать нерадивую ученицу.

«Еще раз!» — учитель с трудом сдерживает ярость.

Я ощущаю ее почти физически, она отдается в моем сердце желанием бежать. Бежать как можно дальше. Без оглядки, без остановки. Падать без сил, подниматься и бежать снова... лишь бы меня прекратили ломать.

«Ты — маг Смерти! — учитель практически выплевывает каждое слово. — В этом твоя сила, девочка. Отказываясь от нее, ты убиваешь свой источник!»

Единственный, кого мне хотелось сейчас убить был он — мой проклятый учитель.

«Соберись!»

И я закрываю глаза, чтобы сделать первый вдох, первый и последний на ближайшие три минуты. Магия Смерти набирает силу лишь на грани жизни, когда от недостатка кислорода начинает кружиться голова, когда все вокруг подергивается серой пеленой потустороннего мира, когда призраки подают голос, ужасая вечным бытием... Когда я понимаю, что стоит сделать шаг, всего шаг и по моим венам заструится сама смерть, наполняя меня могуществом и властью, делая сильнее в сотни раз и уничтожая все вокруг. Но я не хочу делать этот шаг! Я знаю, учитель объяснял многократно — смерть милосердна и необходима, смерть спасение, смерть небытие и покой... Я знаю это. Мой разум понимает это. Но мое сердце, что замерло сейчас, кричит об обратном. Оно хочет жить! И все в мире стремится к жизни! Цветы, деревья, трава, бабочка, ощутившая угрозу в учителе, но бесстрашно севшая мне на грудь. И да, я знаю, что жизнь трудна и сложна, а смерть дарует покой, знаю, что магии жизни во мне нет, но есть сила. Великая сила Смерти, энергию которой можно

использовать по-другому, пусть теряя в могуществе, пусть отдавая часть себя, но жизнь слишком прекрасна, чтобы безжалостно отдавать ее на растерзание смерти.

И я делаю вдох, запуская биение собственного сердца, и выдох, раскинув ладони, отдавая всю себя Жизни, всю до капли, потому что только жизнь достойна того, чтобы стремиться к ней всей душой.

«Калиан Анревер!» — окрик взбешённого учителя.

А я открываю глаза и улыбаюсь изумрудной траве, что стала еще ярче и выше, деревьям, чьи кроны поднялись к облакам, бабочке, упорхнувшей к цветущим кустам и высунувшейся из-за дерева забавной мордочке лисенка, которого мы с девочками тайком подкармливали.

«Неуд!» — прозвучал приговор учителя.

Я обессиленно опустила на малахитовую плиту. Неуд — это плохо. Это значит, мне не позволят сойти с места, до тех пор, пока не выполню задание — уничтожить эту часть университетского парка. И мне так хочется пить. Я не завтракала, а сейчас уже почти закат. Я устала настолько, что едва ли способна даже сесть, не говоря о том, чтобы:

«Встать. Продолжаем!» ***

Я подскочила на постели, и первое, что сделала, осознав свое пробуждение, потянулась за тем стаканом, что вчера дал лорд Эллохар и который я принесла с собой и оставила на прикроватной тумбочке. Жадно глотая, не сразу сообразила, что это сок. Какой-то терпкий, с легкой горчинкой, не скажу, что приятный, но пить хотелось столь сильно, что я допила все до дна, а после замерла, тяжело дыша и сжимая стакан.

За столом сидел Габриэль, повернувшийся ко мне, едва я проснулась, Ыгырх заканчивал с раскладкой моих вещей в шкаф, а в моем сознании билась мысль. Невероятная, невероятная, потрясающая мысль — я могу стать магом Жизни! Я знаю, как! Я теперь знаю, как!

— Габриэль, — голос хрипел, говорить было сложно, но уже вполне возможно, — Проклятая Калиан была магом Жизни!

Гобби естественно промолчал, но начал что-то писать в своем блокноте, а вот Ыгырх высказался:

— Магом Жизни, как же. Это тебе, ледя, сон просто приснился.

Но Габриэль отреагировал совершенно иначе.

Он подошел с блокнотом, и протянул его мне, раскрыв запись:

«Ты видела сон из жизни Калиан?»

Я закивала, откашлялась, прочищая горло, и падая обратно на подушку, хрипло сказала:

— Алгоритм действий я запомнила, все полностью, единственная

проблема в том, что резерв и возможности Калиан были куда больше моих. Но ее открытие! Габриэль, она стала магом Жизни сама, это был ее осознанный выбор, она...

От мыслей о невероятной полученной из сна информации, я перенеслась к уставшей, обессиленной девушке, которая рухнула на малахитовый камень, отдавая себе отчет в том, что у нее нет сил подняться... Что с ней было дальше? Сумела ли она встать? И что это за ворон с человеческими глазами?!

И я встала. В смысле села, посмотрела на Гобби и произнесла совершенно осознанно:

— Они начали с животных и птиц.

Габриэль удивленно посмотрел на меня, выражая свое непонимание и я пояснила:

— Переселение сущности. Они начали с животных и птиц!

Гоблин продолжал смотреть на меня все так же удивленно, а вот Ыгырх сообразил сходу:

— Слежку устанавливаем за всем живым, начиная от крыс и заканчивая тараканами.

— Тараканы и крысы не приближаются к некромантам, — хрипло заметила я.

— Это было образное выражение, — осадил меня Ыгырх. Затем спросил у Гобби: — Ваша эрудиция, может таки план А?

Отрицательно покачав головой, Габриэль написал:

«Еще рано, спи».

Я не став спорить, вновь легла на подушку, зажмурилась и повторила мысли той, кого называли сильнейшим магом Смерти: «И я делаю вдох, запуская биение собственного сердца, и выдох, раскинув ладони, отдавая всю себя Жизни, всю до капли, потому что только жизнь достойна того, чтобы стремиться к ней всей душой»...

Повторила снова, снова и снова, одновременно анализируя то, что отмечала во время ритуала сама Калиан. Так и заснула. ***

Повторное пробуждение случилось из-за ожесточенного спора, который почему-то был монологом. И звучал он знакомым ехидно-издевательским тоном:

— Да ты издеваешься! — правда сказано было шепотом.

После послышался скрип пера.

— Это бред, — последовало в ответ на видимо написанное. — Бездна, Габриэль, ты вообще понимаешь, что собираешься провернуть?

Снова скрип пера.

— Может лучше к богине смотаемся?

Скрип пера.

— Ну в принципе да, сгонять в Мрак не вариант в твоём состоянии, а Страсть давно смылась из Хаоса, но слушай, ваш план ничем не лучше, по факту.

Скрип пера.

— Габриэль, если бы я мог защитить девочку, я бы это сделал, но у неё есть ваэрра, ты сам понимаешь, что это значит.

Снова скрип пера, на сей раз ожесточенный.

— Слушай, у вас с ней забавная парочка выходит, она уверена в том, что сможет тебя оживить, хотя это невозможно и ты в курсе этого, ты в том, что сумеешь оградить её от влияния ваэрры. Нет, я конечно понимаю, что вы два пристукнутых Бездной гения, но, Габриэль, давай смотреть на ситуацию реально.

Секундная пауза и отрешенно произнесенное:

— С другой стороны я сижу и спорю с давним другом, который... сколько ты там лет был безмозглым зомби?

Перо заскрипело снова.

— Да я вижу, что ты теперь с мозгами, но так же совершенно отчетливо вижу, что тыдохлый, причем в прямом смысле слова.

На этом я открыла глаза, села, посмотрела на застигнутых врасплох моим пробуждением лорда Эллохара, Габриэля и мрачно стоявшей возле окна сгорбленной бабули с корзиной яблок, и сочла своим долгом заметить:

— Не настолько «дохлый» как вы думаете! — мне почему-то стало очень за Гобби обидно.

Демон отреагировал задумчивым взглядом и прямо спросил:

— А ты чего проснулась, сокровище?

Я не знала. Лорд Эллохар же, закинув ногу на ногу и сложив руки на груди, отстраненно как-то заметил:

— Так только, между прочим, на тебе два заклинания. Сам накладывал, кстати. Нет, я конечно не самый выдающийся целитель, но все же.

Пожав плечами, честно призналась:

— После активации магии крови у меня плохая восприимчивость к целительской магии. Лорд Эллохар как-то печально покачал головой и насмешливо произнес:

— Артефакт ходячий.

После чего повернулся к Габриэлю, и сказал:

— Единственный приемлемый вариант событий, который вижу я — это переезд Гаэр-аша и леди сплошная притягательность в Темную империю, и предъявление лордом прав на наследие Алсэров. В этом случае Гаэр-аш получает защиту императорского двора и империи в целом.

Гобби отрицательно помотал головой и спешно написал что-то. Лорд Эллохар, нагнувшись к столу, прочитал, все в том же полусогнутом положении посмотрел на гоблина и неожиданно серьезно, с той серьезностью, которая никак не вязалась с его образом, произнес:

— Габриэль, нет!

Но умертвие не сдалось, и начало стремительно писать что-то еще, под все темнеющим от гнева взглядом демона. Дописал, развернул листок к лорду Эллохару. Тот прочел, вновь откинулся на спинку стула, пристально глядя на гоблина, а затем, спустя долгих почти несколько минут, произнес:

— Все немного сложнее, Габриэль. Или намного, тут как посмотреть. Но тех троих несчастных, которых сделали орудием убийства нашего сокровища, допрашивали мы с Тьером. И это даже не я, а Тьер обратил внимание, что парни были нацелены на победу любой ценой. Абсолютно любой ценой. В свете информации, которую твоя бабуля с корзинкой передала моим вчера, мне нужно объяснить тебе, что это значит?

Габриэль помрачнел причем заметно. Я же робко попросила:

— Мне нужно объяснить.

Лорд Эллохар повернулся ко мне, широко улыбнулся и поинтересовался:

— Уверена?

Закутавшись в одеяло посильнее, не слишком уверенно кивнула. Демон же перестал улыбаться и тихо сказал:

— Единственные, кто мог позволить себе проиграть на этих играх — ребята из твоей бывшей академии Сирилла.

И я осознала весь ужас происходящего. Более того, поняла даже больше:

— Победа жизненно важна для всех команд, из-за условий или действий, предпринятых отступниками?

Темный не ответил, но этого и не требовалось.

— От участия в Мертвых играх не откажется никто, — продолжил лорд Эллохар, — как, впрочем, и от применения различных не слишком честных методов.

Я обняла колени руками, уткнулась лбом и зажмурившись, сильно-сильно, поняла то, чего не принимала, просто не желая принимать до этого самого момента — будет бойня. Будет просто бойня. На этих

Мертвых играх всем отступать некуда и все будут драться до последнего. И те смерти, что уже произошли, они только начало.

Из всего этого, я не могла понять только одного:

— Кто вообще решил изменить правила, и выставить участников на поле боя вместе с нежитью?

— Мы тоже задались этим вопросом, — ответил демон, — и, ты похоже уже не удивишься, но ответа не нашли. Кто-то выдвинул идею, все королевства ее, почему-то, поддержали. И это лишь подтвердило то, что я и так уже поняла — отступники действовали везде, по всем человеческим королевствам, и все происходящее сейчас — результат их старательно проделанной многолетней работы. Результат идеального уравнивания и единственная неизвестная в нем — я. И мои способности артефактора...

А в следующий момент меня как громом поразило!

Мои способности артефактора!

И артефакт Кхада на Гобби!

И перенос во времени, который требует прорву, просто прорву энергии!

И знания, полученные из сна про Калиан!

И знания о способностях отступников приходить из прошлого!

Я должна быть на арене, когда они активируют ловушку!

Нужно только все рассчитать, и у меня все получится!

Более того, я отчетливо ощущала, что у меня все получится, вот только точно так же отчетливо, пришло и осознание того, что я едва ли выживу. Точнее вряд ли выживу. Но эта мысль где-то там, в глубине сознания, промелькнула и померкла на фоне того, что я смогу совершить! Практически невозможное, но я смогу! И оживить Гобби, и спасти ребят, и перекрыть возможность отступникам вмешиваться в реальность, продолжая убивать людей... А то, что меня не станет...

Эту маленькую деталь придется скрывать и очень тщательно.

«Мы будем шагать в тишине, на шаг позади»...

Нет, Габриэль, шагать в тишине буду я одна.

Очень тихо, очень осторожно и крайне незаметно, по дороге к собственной смерти. Но кроме меня, Вечных не остановит больше никто.

И мне понадобится преобразователь энергии. Достаточно сильный и гибкий, чтобы позволить подключиться к энергетическому потоку, когда отступники активируют ловушку.

И моя кровь на арене.

И...

И что-то достаточно неожиданное, чтобы отвлечь лорда Гаэр-аша в

нужный момент.

Мне понадобится план. И он должен быть идеален.

— И что мы там задумали? — вдруг спросил лорд Эллохар.

— Многое, — я подняла голову, взглянув на демона, который при Габриэле не особо скрываясь, сверкал несколькими голубоватыми огненными прядями в светлых волосах. Не стала скрывать первую часть своего плана и я: — Огню можно противопоставить только огонь, отступникам только отступника.

Демон задумчиво кивнул, соглашаясь.

— Норт, Эдвин и Дан защищены достаточно, а вот с Эль-таимом Ташши я бы поработала, — продолжила, глядя на лорда Эллохара.

Темный прищурил светлые серо-голубые глаза, но после паузы, все же кивнул. Правда задал вопрос:

— Силенок хватит, сокровище? Я не знала, поэтому предельно честно ответила:

— Найду.

Лорд Эллохар помолчал, затем сообщил:

— Совет снабдить Танаэша Эль-таимом исходил от меня. Знаешь, в чем была причина?

Я отрицательно покачала головой, неотрывно глядя на демона. И тот любезно рассказал:

— У ведьм в Ведической школе преподается такой совершенно идиотский предмет, как Прорицание. Бесполезная штука, на мой личный взгляд, но Василиена... ммм... Верховная Ведьма во все это верит. Так вот однажды, еще в девичестве, будучи ведьмочкой, она, тринадцатая в кругу, на одном из их культовых хороводов, узрела видение того, как молодой парень падает сначала на колени, а затем мешком оседает на землю, и из его груди торчат когти... от удара со спины. И представь себе истерику моей прелести, когда, став женой Рханэ она увидела наследника седьмого королевства, после ее брака ставшего ей соответственно племянником. В итоге у невесты на свадьбе знатная истерика случилась, сестричка перепугалась даже, помчалась меня вызывать. В принципе, обдумав ситуацию, я и предложил создать Эльтаим. К ритуалу магистр Дмитрус готовился более пяти лет. Увы, этого времени отступникам хватило, чтобы, как мы недавно все выяснили, вмешаться в ход ритуала. Сколько на подготовку ушло у тебя?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Не пять лет, — уклончиво ответила я.

Лорд Эллохар, пристально глядя на меня, уже утвердительно

произнес:

— У Норта Эль-таим.

Я, наверное, могла бы скрыть, но не стала и честно ответила:

— У Норта, Эдвина и Дана.

Откровенное удивление в глазах демона могло бы мне польстить, не знай я о судьбах двух других существующих черных артефаторов. Видимо лорд Эллохар тоже подумал примерно об этом, поэтому ничего не стал говорить о моих способностях, лишь задал вопрос:

— Тебя страховали?

Я промолчала в ответ.

— Глаза закрой, — внезапно приказал лорд Эллохар.

Послушалась.

И вздрогнула, увидев громадного огненного демона, который стоял, согнувшись и упираясь могучими кулаками в мою кровать так, что его чудовищное лицо находилось прямо напротив моего.

— Ты собираешься умереть, прелесть моя, — произнес, глядя на меня чуть прищурившись, монстр из самого Хаоса.

И его глаза, наполненные словно расплавленным синим огнем, чей отсвет ложился на пряди огненных, бело-синих волос, слегка изменили оттенок.

— И совершенно не боишься этого, — добавило огненное чудовище. И вдруг все вокруг вспыхнуло огнем! Все. Словно его выплеснули на нас, исчерпав откуда-то из заполненного синей лавой Мрака, и реальность начала гореть, прогорать дотла, стремительно меняя картину окружающего мира, который пеплом осыпался куда-то в вечность. Я отметила все это как-то лишь на грани сознания, потому что в тот самый момент, когда все начало осыпаться, я протянула руку и коснулась волос огненного демона. Лорд Эллохар на мои действия отреагировал лишь насмешливо приподнятой левой бровью, но меня интересовала не реакция — у меня под рукой было чистое синее пламя, едва ли более слабое, чем то, коим владели темные лорды. Но если пламя Норта, которым он окутывал меня, или созданное из огня Гаэр-ашем были как луч света, как сам свет, то сейчас я касалась источника напрямую. Огонь жегся, не сильно, но ощутимо, и он словно существовал в нескольких параметрах сразу, как вода, что бывает паром, каплей, льдом.

— С огнем играешь, кошечка, — произнес лорд Эллохар, и когтем отсек удерживаемую мной прядь.

Демон отошел, оставляя часть собственного огня у меня в руках. Жечь начало сильнее, но разместив прядь на раскрытой ладони, вторую я

раскрыла над ней, пытаясь четче определить свои ощущения. Пытаясь систематизировать ощущения.

— Откуда такая склонность к самоубийственным планам? — поинтересовался вернувшийся ко мне демон, вновь с огромным стаканом красной жидкости.

Я огляделась.

Сначала с закрытыми глазами, видя все ту же догорающую реальность, потом с открытыми — реальность пребывала в том же состоянии.

— Это излом, — пояснил лорд Эллохар. — Здесь нас не услышит даже твой ваэрра. Рассказывай.

Не став ничего рассказывать, я просто объяснила:

— Есть только один вариант прекратить все это — перекрыть отступникам путь из прошлого в настоящее.

— Мы обдумываем этот вариант, — сообщил демон, протянув стакан мне.

«Вы не успеете» — хотела было сказать я.

Но произнесла другое:

— Лорд Эллохар, вы маг Смерти?

— Магистр, — всучив стакан мне, поправил он.

Стакан был тяжелый, но я взяла его одной рукой, второй сжав жгущееся пламя, и задала следующий вопрос:

— А вы не пытались стать магом Жизни?

Глянув на меня с некоторым сомнением, лорд Эллохар насмешливо произнес:

— Нет, прелесть моя, не пытался, и ты знаешь — даже предпринимать попыток не стану. Понимаешь, это все равно, что переквалифицироваться из утонченного палача мужского пола в рожающую женщину. Как-то странно, не находишь?

Не нашла, но кажется поняла, что магия Жизни доступна только женщинам.

Лорд Эллохар же сел на край моей постели, пристально глядя на меня несколько долгих секунд, затем произнес:

— Твоя смерть убьет как минимум троих, ты отдаешь себе отчет в этом?

Четверых, если считать дядю Тадора, я знала, да, но... Мне очень не хотелось говорить об этом, я знала других отступников, в моей картине мира они были другими, умными, талантливыми, гениальными учеными, но...

— Деревню, в которой родился мой отец отступники стерли с лица

земли, — тихо сказала я. — Никогда особо не задумывалась об этом, до вчерашней ночи.

141 — А что так потрясло вчерашней ночью? — мягко уточнил демон.

Подняв взгляд на него тихо спросила:

— Вы осознаете, сколько человеческих жизней требуется для создания петли времени?

Лорд Эллохар промолчал, а я продолжила:

— И вы уже поняли — парни под ударом. Все. Под угрозой уничтожения, столь же вечной, как и сами вечные. И они знают об этом, а настойчивое желание участвовать в Мертвых играх — отчаянная попытка защитить родных и близких.

— Допустим, — задумчиво произнес демон. — Но ты, раз такая умная, не можешь не понимать, что отступников полно сейчас, в реальности. Учитывая масштабы происходящего они везде, практически во всех государственных структурах всех человеческих королевств. Допустим, твоя героическая гибель отсекает их от улья... Хотя какое тут «допустим», если учесть, что я разговариваю с создателем трех Эль-таимов. Кошмарненько, но ладно — итак, твоя трагическая само смерть отсекает их от улья, что дальше? Полагаешь, оставшиеся не начнут изыскивать пути и способы вернуться в свой муравейник?

— Я просто еще не до конца все продумала, — сделав глоток уже знакомого сока, заметила я.

— Ты просто кошка, и как все кошки дико самоуверенна, — издевательски произнес лорд Эллохар. И тут же уже без издевательств: — Давай уже, гениальная ученица вечных, думай, что делать будем.

Но что сказать, я не знала. Действительно нужно было проверить и все просчитать. Но частично я уже понимала, что:

— Они потеряют память.

— Что? — переспросил лорд Эллохар.

— Они потеряют память, — повторила я.

Полный недоверия взгляд и вопрос:

— Прелесть, а ты что конкретно собираешься проверить?

Сделав глоток сока, тихо ответила:

— Оживить все сущности в парящем замке вечных.

Затем, помедлив, добавила:

— При единовременном контакте с реальностью, это спровоцирует мгновенный возврат всех вселенных сущностей и всех лордов-Вечных обратно в улей, или муравейник, как вы его там назвали. А дальше, — я сделала еще один глоток, — они могут жить вечно, в той Вечности, что

создали сами.

Помолчав минутку, лорд Эллохар задумчиво произнес:

— Да, достойный повод для смерти, слов нет.

Еще мгновение на размышления, и демон, в чьей проницательности я уже не сомневалась, спросил:

— Калиан была магом Жизни и ты благодаря пробуждающейся крови получила ее знания?

Я молча кивнула.

Лорд Эллохар поднялся, прошел к границе излома, коснулся ее, зажигая синим пламенем, просунул руку в появившееся отверстие и оттуда донеслось:

— Эй, какого орка?! Но демон уже извлек из того пространство в это внушительную деревянную кружку с чем-то явно спиртным, в изломе спиртом завоняло сходу, закрыл дыру в иную реальность, вернулся, сел и начал задумчиво пить то, на что мне лично даже смотреть было страшно.

— Так, допустим, — допив до середины кружки изрек он, — допустим ты поворачиваешь свой идиотский план, что мы имеем дальше?

— Мир без отступников, — прошептала я.

— Да, это плюс, — честно признал лорд Эллохар. — Но с мужиками твоими, мне что прикажешь делать?

И он внимательно посмотрел на меня светло-голубыми огненными глазами.

Судорожно ища ответ, нервно спросила:

— А что произойдет, когда моя кровь окончательно проснется?

— Да — а-а, мир без Рии это тоже плюс.

Почему-то от этого стало как-то... обидно.

— Это был сарказм, — припечатал лорд Эллохар и допил все из своей кружки. А допив, произнес: — Как ни прискорбно это признавать, к проклятой Бездне, но из трех выслушанных сегодня планов действий, твой самый жизнеспособный и наименее кровопролитный. С одной стороны. С другой знаешь, довольно печально смотреть на ребенка, который сам себя приговаривает к смертной казни. И еще, там, в свой гениальный план, не забудь внести всех тех, с кем придется что-нибудь делать, чтобы они не вмешались в самый критический момент.

Я вспомнила Дана, Эдвина, Ташши и... Норта, вспомнила как им было больно и тяжело, и отчетливо поняла, что предпочту умереть сама, чем видеть их смерти.

— Эгоистка, — словно прочитав мои мысли, с усмешкой произнес демон. И уже деловым тоном: — Учти, твой ваэрра уже обрел достаточную

власть над тобой, чтобы выдернуть к себе, если ощутит малейшую угрозу.

Учла.

Медленно огляделась, и напомнила:

— Вы сказали, что это излом и здесь лорд Гаэр-аш нас не услышит.

Глаза демона чуть прищурились, но он был вынужден признать:

— Умная девочка. Ладно, действуй. Успею — спасу, если не выйдет... мне будет искренне жаль. И тебя, и тех, кто дышит тобой.

И излом осыпался так, словно стены его были из песка. Опасаясь, что песок попадет в глаза, я их на миг закрыла, а когда распахнула, увидела стоящего возле моей кровати с одной стороны встревоженного Габриэля, а с другой не менее встревоженного Ыгырха. От лорда Эллохара в комнате уже не было и следа, ну кроме стакана с соком в одной моей руке, и огненной пряди в другой.

— Э, ледя, — Ыгырг нагнулся ко мне, — ты как, жива?

Спросил, и тут же резко отпрянул, буквально растворяясь в воздухе.

И вот пока я потрясенно смотрела на это, пропустила момент, когда распахнулась моя дверь, обернулась, уже когда Эдвин входил.

— Проснулась? — как-то кровожадно поинтересовался он.

— Ну... да, — осторожно подтвердила, и сделала еще глоток сока. — Отлично, — мрачно подытожил Эдвин. — У тебя пять минут чтобы собраться и на тренировку.

Возмутилась даже не я, обернулся к нему Гобби, и произнес «ЫЫЫ?» развел руками.

Но проигнорировавший его глава дома Меча, мрачно повторил:

— Тренировка, Риа. Осталось четыре с половиной минуты.

Собралась я быстро, осторожно разместив прядь волос демона в глинянной ступке и поглядывая на огненные всполохи, что витали над ней время от времени. С прической выручили как всегда заколки Илланиэля, одежда в принципе тоже была от него. Выбегая из ванной, сделала еще глоток сока, и помчалась тренировочные сапоги натягивать.

— Две минуты опоздания, — едва я выпрямилась и посмотрела на него, сообщил Эдвин. — Давай на двор.

Побежала без слов, почему-то самой хотелось на свежий, пусть даже морозный воздух.

* * *

На улице была метель. Она завывала, ревела, вопила и пыталась

прорваться во двор дома ректора, но раз за разом разбивалась о купол, сферой накрывший все по периметру забора. И все же, несмотря на темное из-за непогоды небо, я сразу определила — сейчас было девять-десять утра, не раньше, и похоже Эдвин дал мне время выспаться.

Я обернулась, улыбнулась выходящему вслед за мной парню, и получила суровое:

— Можешь даже не улыбаться, тебе это не поможет.

— Не поможет в каком плане? — не поняла я.

— Не поможет в том плане, — беря меня за плечи и выводя на середину двора, произнес Эдвин, — что ни пощады, ни жалости от меня сегодня можешь не ждать.

И он, отпустив меня, начал отступать к воротам, под моим все более удивленным взглядом.

А затем, через почти весь двор раздался его громкий, перекрывающий шум бури голос:

— Сокровище мое, напомни-ка мне, что мы с тобой тренировали все это время?

Развернувшись к нему, неуверенно произнесла:

— Боевое плетение Кейвена?

— Умничка! — издевательски, совсем как Гаэр-аш воскликнул Эдвин. — И мы с тобой довели его до автоматизма, так?

Еще более неуверенно кивнула.

— Тогда ответь, за какой Тьмой во время покушения ты стояла столбом?! — вдруг заорал, посрабив все потуги снежного бурана, Эдвин.

Странное дело, воспоминания о покушении у меня были картинкой. В смысле картиной, той самой гениальной и созданной лордом-Вечным, и боль от ударов охваченных тьмой адептов Академии Магических искусств совершенно терялась на фоне абсолютно гениального плана.

А затем вспышкой молнии в сознании прошла мысль о том, что скорее всего даже в данный конкретный момент кто-то где-то сейчас чертит примерно такой же план... только жертв на этот раз четверо. Я посмотрела на злющего Эдвина, застывшего серым изваянием с рельефной мускулатурой рук на фоне черных ворот, и старательно подавила в себе желание просто подойти и обнять его. Внезапно поняла, что чувствовали они, когда Ктар так уверенно сказал о моей смерти — жуткое ощущение абсолютного страха. Паршивейшее чувство, когда боишься не за себя, и от того испытываешь дичайший ужас, понимая, что можешь не успеть, чего-то не учесть, совершить ошибку. А права на ошибку у тебя нет...

— Риа! — окрикнул, видимо желая поторопить с ответом Эдвин.

Вспомнила, как он за секунду покрошил на куски двух адептов и те в итоге лежали двумя истекающими кровью кучками... Вспомнила не в реальности, а все теми же картинками — лорд-Вечный рассчитал все, включая даже те доли секунды, которые потребуются главе дома Меча чтобы убить двоих, и Норту на убийство последнего из команды АМИ. Там даже время было указано. И вот это вот было странно! Очень странно.

— Эдвин, — перекрывая шум бури, закричала я, — а ты всегда так хорошо управлялся с мечом?

Некромант на мгновение замер, затем решительно пересек двор, приблизившись вплотную к начавшей замерзать на зимнем морозе мне, и мрачно переспросил:

— Что?

— Скорость, — пояснила я. — Та скорость, с которой ты убил двух из обращенных в сосуды Тьмы адептов. Ты всегда был таким быстрым?

Несколько секунд Эдвин странно смотрел на меня, затем еще мрачнее чем раньше ответил:

— Нет. Меня Гаэр-аш натаскал за пять лет. Он мастер-Меча, подтянул меня практически до своего уровня. Раньше я был на порядок медленнее. Еще вопросы, сокровище мое?

Вопросов не было, я просто объяснила:

— На плане лорда-Вечного было указано предполагаемое время, за которое ты выведешь из строя двоих из адептов — три-четверти секунды.

Эдвин прищурил глаза и озвучил выводы, к которым уже пришла и я:

— За нашими тренировками наблюдали.

Я кивнула.

Помолчав немного, Эдвин светским тоном поинтересовался:

— Что еще интересного скажешь?

Ничего не став говорить, я сделала шаг к нему и молча обняла застывшего некроманта. Это было единственное желание, которое я не сдержала... Сдерживать пришлось многое другое. К примеру, желание обхватив лицо Эдвина уже заледеневшими ладонями и глядя в его глаза, чтобы просто донести вернее, умолять никогда, никогда, вот просто никогда не покидать дом Гаэр-аша. Или вернуться в Некрос, там точно безопасно.

— Риа, — Эдвин обнял, — успокойся, лично со мной точно ничего не случится.

Да, я тоже так думала о себе. Что со мной ничего не случится. О себе так думать легко... о тех, кто дорог — просто мучительно! И если, разговаривая с лордом Эллохаром я была абсолютно уверена, что

справлюсь, сейчас накатили сомнения. Что если отступники атакуют раньше, чем парни выйдут на арену? Что если заменят план? Что, если удар будет не одновременным? Что если они все трибуны превратят в один последовательно связанный жертвенник, и тогда энергия игр им не потребуется вовсе?! Тьма, как же страшно! — Эдвин, — я запрокинула голову, вглядываясь в его лицо, — а мы сегодня весь день пробудем в доме Гаэр-аша?

— Нет, — глухо ответил он. — Ты сегодня весь день пробудешь в доме, а мы на закате всем составом команды будем присутствовать на похоронах убитых адептов. Их семьи уже прибыли.

«Всем составом команды» — то есть меня, похоже, уже единогласно исключили... Обидно не было, было страшно. Жутко, безумно, и бесконечно.

Значит у меня время до заката.

Тьма, да что я успею придумать до заката?!

— Ничего, — раздалось от порога.

И на двор, размеренно шагая по лестнице, спустился лорд Гаэр-аш, одетый не в пример легче Эдвина. На нем вновь была только черная майка, брюки и сапоги, с рук ректор срывал черные обтянувшие пальцы второй кожей перчатки.

— Оригинальная тренировка, — было брошено нам издевательское. — Риаллин, пять кругов вокруг дома. Харн, к бою.

Эдвин мягко высвободился из моих объятий и напряженно начал было:

— Вы полагаете...

— Я не полагаю, я приказываю, — прервал его попытку высказаться ректор, и протянул руку.

Повинуясь его зову из оружейной прилетел внушительный двуручный меч, покорно вложившись рукоятью в ладонь хозяина, свой меч Эдвин создал из магии, а мне ничего не оставалось, как сорваться на бег.

Но оббежав весь дом, я остановилась за углом, пытаясь отдышаться, а затем выглянула из-за угла, всматриваясь в бой на мечах, от которых летели искры. Бойцы летали так же. Взлеты и падения, резкие повороты и неожиданные удары, просчитать которые было невозможно... Или возможно? Судя по схеме моего убийства — возможности Эдвина просчитали, вопрос в том — как? Я постояла еще, наблюдая ища за что можно зацепиться — зацепилась за верхний блок, чаще иных выставляемый Эдвином.

И тут бой прекратился.

— Риаллин, — произнес, не оборачиваясь лорд Гаэр-аш, — я сказал пять кругов, а не один. Харн, смени позицию защиты.

— Как? — мгновенно уточнил Эдвин.

— Кардинально.

И сталь вновь зазвенела на весь двор, прерываемая лишь завыванием все еще надеющейся пробить купол зимней бури. А я побежала, естественно, что мне еще оставалось. Вспоминая на бегу уравнение расчета скорости движения. Не то, которому обучали на артефакторском факультете, мне нужно было иное, то, с чего мы начинали занятия с дядей Тадором, когда моей задачей было рассчитать скорость падения дождевых капель.

Формула упорно не желала вспоминаться. На третьем круге застала Гаэр-аша что-то старательно объясняющего опирающемуся на магический меч Эдвину, на четвертом эти двое вновь сражались, причем Харн больше не использовал верхний блок в принципе.

На пятом услышала приказ ректора:

— Поднимись к Норту.

И не сбавляя скорости, взбежала сначала по лестнице в дом, а затем уже, промчавшись по холлу, ускорившись забежала на второй этаж. Проходя мимо комнаты Дана услышала богатырский храп, от которого позвякивали новоповешенные зеркала на стенах, и предварительно постучав, приоткрыла дверь, заглядывая к Норту.

Дастел сидел посреди комнаты, закрыв глаза и сложив руки на груди. Вокруг него словно тысяча сплетенных огоньков свечи танцевало синее пламя, а на губах, стоило мне войти, заиграла улыбка.

— Выспалась? — не открывая глаз, поинтересовался он.

— Относительно, — честно призналась, прикрывая дверь за собой и думая разуваться или не стоит Норту мешать.

— Не уходи, — распахивая совершенно синие огненные глаза произнес некромант, — сейчас проверю как ты и продолжу.

Не став спорить, быстренько разулась, сняла куртку, повесила на вешалку у двери и повернулась к Норту. Он все так же с улыбкой наблюдал за каждым моим движением, а едва я закончила с раздеванием, протянул руку, предлагая подойти к нему.

Подошла быстро, осторожненько переступила через огонь, и осталась стоять, потому что садиться тут было некуда. Ну и еще потому что, Норт начал осмотр. Своеобразно очень — приподняв мои брюки, коснулся обнаженной кожи ног, прижал пальцы к венам на голених и закрыл глаза. Я стояла не двигаясь, даже когда ощутила волну тепла, поднимающуюся по

моему телу вверх, но тут пламя, окружающее нас уже обоих, вдруг стремительно начало менять и цвет и интенсивность горения!

— Нннорт! — взволнованно позвала.

— Тшш, не мешай, — глухо отозвался он, — мне нужно проверить все досконально. К полдню прибудет лорд Веридан, он просмотрит тебя дополнительно. Но я хочу убедиться лично, что в твоей крови не осталось ни единой костяной иглы. Не отвлекай, пожалуйста, учитывая природную сопротивляемость твоего организма, мне довольно сложно.

Я бы с удовольствием не отвлекала, но огонь усиливался и усиливался!

Всего несколько секунд и всполохи, сине-зеленые, достигли потолка, а огонь, неистово беснуясь, лишь каким-то чудом не задевал меня... не знаю каким!

— Ннннорт... — в ужасе прошептала я.

Некромант... в смысле сейчас уже не некромант, а целитель, не ответил, полностью сосредоточившись видимо на исследовании моей кровеносной системы.

А до меня вдруг дошло — он здесь и сейчас и некромант и целитель! Одновременно. Потому что, находясь в медитации темный источник не пригасил, и с действующим темным активировал зеленый целительский!

«Когда два источника сливаются вместе, рождается река»...Это река?! Да тут похоже потоп намечается!

— Норт!!! — заорала я.

— Да, чувствую, пламя немного вышло из-под контроля, — безразлично отозвался он, — но мне сейчас лучше не отрываться, стой спокойно, огонь тебя не коснется.

Да ладно меня! Балдахин над кроватью Дастела уже полыхал вовсю, как и картины на стенах! Пламя еще не подобралось к столу, но было близко...И пол вокруг нас — он трещал, обугливаясь на глазах! А огненные всполохи становились все сильнее и сильнее! Интересно, знал ли о подобном лорд-Вечный?!

— Нннорт, — позвала я, — а ты пробовал то, что вечный посоветовал?

— Нет, — все так же не открывая глаз, выдохнул Дастел. — И не собираюсь.

Да как бы собираться уже и не нужно было, все и так было... собрано и задействовано, и... Тьма! Огонь теперь полыхал на постели, превращая ее в костер и жадно доедал стол, до которого тоже добрался.

Когда распахнулась дверь, я со вздохом невероятного облегчения посмотрела на лорда Гаэр-аша, а вот он с заметным напряжением на бушующее пламя. Затем на меня. Снова на пламя. Взмах рукой, и все вокруг

покрылось коркой мерцающего синевой ледяного защитного полога, отсекая огонь от пищи, и замыкая его в рамках одной отдельно взятой комнаты, в которой единственное, что сохраняло первозданный вид, так это круг в центре которого сидел Норт и стояла перед ним я. От всего остального остались угли... в прямом смысле слова.

— Да, стой вот так, не двигайся, — произнес ничего не замечающий Норт.

И не открывая глаз скользнул ладонями вверх, под свитер, рывком выпростав из-под пояса брюк майку, забрался под нее, сжав руками мою талию, и снова призвал целительский источник, чего делать, явно не следовало. Полыхнуло повторно! Полыхнуло так, что вся защита лорда Гаэр-аша разлетелась на мириады сияющих ледяных осколков, и была остановлена им же, в полушаге от меня и Норта.

Я стояла, боясь даже вздохнуть всей грудью, и от затаенного дыхания уже голова кружилась, ректор повторно взял пламя Норта под контроль, на сей раз загасив все, кроме пылающего огненного круга, в центре которого были мы с Дастелом.

А затем крайне спокойно произнес:

— Норт, что с источником?

— Восстановил, — глухо ответил парень, плотнее обхватив мою талию.

— С Риаллин скоро закончишь? — последовал новый вопрос от ректора.

Ответ был дан не сразу, еще несколько секунд Норт молчал, сканируя мое тело, затем спросил:

— Что она пила?

— Сок сагвея, — лорд Гаэр-аш прислонился голым плечом к обгоревшему и еще дымящемуся дверному косяку и пояснил: — Его еще называют брачным вампирским напитком.

— Почему брачным? — тут же поинтересовалась я, как-то странно и тревожно ощущая тепло рук Норта.

Глава Некроса вполне любезно объяснил: — Вампирский брачный обряд содержит в себе один... весьма своеобразный обычай — невеста и жених наполняют достаточно объемную чашу своей кровью, после чего каждый делает глоток, а все остальное жертвуют богине Ночи. И чтобы ни жених, ни невеста, не были лишены сил после подобной кровопотери, им дают сок сагвея перед обрядом, а затем перед брачной ночью.

Проговаривая все это, лорд Гаэр-аш почему-то пристально смотрел на Норта, словно ждал чего-то.

Дождался.

— Ты в норме, — вынес вердикт Норт. — Все показатели тела в норме, на внутренних органах ни следа повреждений, даже кровь полностью вернулась к нормальным показателям. Но...

Его ладонь вдруг сместилась на мой живот, легла плашмя, согревая и вместе с тем заставляя напрячься и Норт произнес:

— Твое тело меняется. Довольно быстро. И кровь. Кровь, как мы и опасались, на грани пробуждения.

А затем, убрав руку, приказал:

— Не дергайся.

И прижался губами к обнаженной коже. Я замерла, пламя вокруг нас взметнулось втрое выше прежнего, теплое дыхание некроманта на моем теле затмили даже страх сгореть заживо, и только едва заметная презрительная усмешка в глазах лорда Гаэр-аша заставила стоять на месте не двигаясь, сдерживая себя от желания как минимум зажмуриться, как максимум прикоснуться к волосам Норта... И это несмотря на то, что от неловкости щеки горели так, словно огонь танцевал уже на них.

Норт мягко скользнул губами по моему животу, плавно поднялся и все так же, не открывая глаз коснулся моей шеи, исследуя уже ее.

— Только лечить сейчас не начинай, — вдруг произнес лорд Гаэр-аш.

— Почему? — спросил Норт.

— Глаза открой, — просто посоветовал ректор.

И последовавший его совету Дастел просто окаменел, в ужасе глядя на то, что осталось от его комнаты.

— Вторая комната в моем доме, Норт, — насмешливо констатировал глава Некроса. — Не то чтобы я был сильно против, но тенденция выглядит пугающе, согласись.

Не то чтобы парень был согласен, но рывком обняв меня и прижав к себе, он все так же с ужасом оглядывался, пытаясь понять в какой момент ситуация вышла из-под его жесткого контроля.

— Когда два источника сливаются вместе — рождается река, — напомнила я.

И похолодела.

«Что?» — раздался спокойный голос Гаэр-аша во мне.

Так же мысленно ответила:

«Их сила не имеет значения для плана отступников», — мысленным шепотом озвучила страшную догадку.

Секундное молчание и спокойное:

«После похорон съездим с тобой на арену. Может еще что-нибудь

заметишь». Я кивнула и посмотрела на Норта, все еще настороженно оглядывающегося. Плавно отошла, выступив из круга, с откровенной жалостью глянула на книги, сейчас медленно опадающие пеплом, и спросила у лорда Гаэр-аша то, тревожило и сильно:

— Почему похороны сегодня?

Я не стала говорить, что это слишком быстро, и то, что родственники парней не могли приехать так скоро, если не были предупреждены заранее и все это как-то очень подозрительно, и...

— И вот именно поэтому ты останешься дома, — с усмешкой сообщил ректор.

И крутанувшись на месте, оставил нас одних в обгоревшей комнате. Спустя мгновение во дворе вновь запела сталь, а значит тренировка продолжилась. Вот только поможет ли?

— Что я пропустил? — глухо спросил подошедший и обнявший меня со спины Норт.

Накрыла его руки ладонями, с ужасом подумав, что это может быть в последний раз. Просто в последний раз. Ведь кто его знает, на какие изменения в план убийства четырех наследников сильнейших родов могла внести новая исполнительная группа отступников.

— Ты дрожишь, — тихо заметил Норт.

— Мне страшно, — призналась я, прижимаясь к нему сильнее.

Дастел скользнул губами по моим волосам и прошептал у самого уха:

— Что я пропустил?

Развернулась в кольцо его рук, запрокинула голову вглядываясь в удивительно синие, совершенно синие лишь с легким фиолетовым отсветом глаза и прошептала:

— Следующая цель отступников — уничтожение вас четверых.

Улыбнувшись, Норт наклонился ко мне, потерся кончиком носа о мой нос и тоже прошептал:

— Это мне известно.

От его прикосновения стало как-то тепло и радостно, но только на миг. Уже в следующий, страх за него, за них всех, вытеснил остальные чувства. А хуже всего было то, что я отлично понимала — Гобби прав, любые мои слова они воспримут не столь серьезно, как следовало бы. Ведь это им, сильным, одаренным и могущественным бросали вызов, и они уже сейчас были готовы его принять. Потому что за себя не так страшно, как за тех, кто дорог. И им не было страшно, страшно было мне.

— Не ходите сегодня на эти похороны, — попросила я.

Норт отстранился. Помрачнел. Затем тихо ответил:

— Риа, мы их убили. Не прийти — значит продемонстрировать чувство вины. Единственный, кто мог бы остаться с тобой — это Дан. Если ты хочешь, я попрошу его остаться с тобой.

И оставить вас всех без сильнейшего некроманта?

— Нет, — я покачала головой, — не надо.

От чувства собственного бессилия хотелось выть.

— Не волнуйся, все будет хорошо, — обнимая крепче, заверил Норт. Сильно сомневаюсь.

* * *

Завтрак проходил в молчании. Я нервно ковырялась вилкой в тарелке с кашей, парни сосредоточенно ели, Гаэр-аш читал газеты, закусывая основательным бутербродом.

Внезапно перед ним прямо из стола вылез череп. Внушительный, призрачно-зеленый, жутковатого вида и явно принадлежащий некогда измененной нежити. Норт, Дан и Эдвин на п — Риа возвращается в Некрос. Сейчас же.

— Поддерживаю, — высказался Дан, и потянувшись за бутылкой, налил себе вина.

Норт промолчал, пристально глядя на меня.

Лорд Гаэр-аш, отшвырнув газету на стол, сложил руки на груди, и спросил:

— Чего конкретно ты опасаясь?

Разведя руками примерно, как череп недавно, практически прошептала:

— А, по-вашему, мне нечего опасаться?

И уже нормальным голосом, взволнованно продолжила:

— Мы только что выяснили, что вечные...

— Отступники, Риа, — жестко осадил лорд Гаэр-аш, — называй их правильно!

— Увы, вечные — гораздо более точное определение, — с горечью парировала я. Затем вернулась к тому, что не договорила: — Мы только что выяснили, что вечные запланировали весь город превратить в один единый жертвенник, и это, боюсь, только начало!

Ректор хотел было что-то сказать, но откинулся на спинку стула, задумчиво глядя на стол перед собой, а затем тихо произнес:

— А ты права, это будет начало. Только начало. Первый этап в деле

отвлечения внимания и убийства магов.

— Только магов? — хрипло спросил Норт.

— Только магов, — все так же задумчиво подтвердил лорд Гаэр-аш. — Ибо если наше сокровище права, а я склоняюсь к мысли что это так, то отступникам понадобится единовременная массовая гибель людей, а этого можно добиться только двумя способами — магией, и в этом случае ничего не должно помешать заклинанию, либо используя взрыв, как случилось в далеком прошлом со второй столицей Хешисаи. И в первом и во втором случае единственный блокирующий фактор — маги. А наторы та редкая нежить, что способна ощутить и уничтожить магически одаренных людей.

В столовой на некоторое время воцарилась тишина, но длилась она не долго — череп вернулся к докладу.

— Старушки местные быстро бегают, — очень выразительно сообщил он. Оглянувшись на меня и добавил: — По спальням хозяйки шастают.

Все повернулись и посмотрели на меня.

Укоризненно глянув на инферно, нервно заметила:

— Во-первых, я вам не хозяйка, а во-вторых, не несу ответственность за деятельность местных старушек.

Потянувшись за чаем, лорд Гаэр-аш очень спокойно произнес:

— Норт, расслабься, это не отступники.

После слов ректора я повернулась к Дастелу и едва сдержала вскрик — коротко стриженные волосы некроманта сейчас спускались черными прядями до груди, в глазах полыхал огонь. Уже не синий, а с отчетливыми зелеными всполохами, на руках вновь почернели и заострились ногти. > — О, боевая форма рогоносца, — со смешком произнес Дан.

Норт окаменел. Я так вообще дышать перестала, а вот Эдвин с усмешкой произнес:

— Дан, мой тебе совет, если увидишь когда-либо подобную «боевую форму» — беги. Просто беги.

— Полагаешь, поможет? — попивая вино, поинтересовался Шей.

— Не уверен, но в этом случае будет хотя бы шанс, — произнося все это Эдвин пристально смотрел на Норта. У него же и спросил: — Зеленое пламя? Это что-то новенькое.

Не реагируя на замечание друга, Норт очень мягко, с обволакивающей нежностью спросил:

— Сокровище мое, что за «старушки» шастают в твоей спальне?

И я с ужасом проследила за тем, как его волосы удлиняются еще на длину ладони, не меньше.

— Норт! — предостерегающе окликнул лорд Гаэр-аш.

А вот inferно, добродушно усмехнувшись, махнуло рукой и сообщило:

— Да кто там только не шастает! С утра вообще демон захаживал и они с хозяйкой в изломе уединялись!

Я подскочила с места прежде, чем кто-либо вообще как-либо отреагировал, и нервно выговорив: «Я уже позавтракала» помчалась к двери.

Не успела.

— Норт! — окрик ректора раздался лишь на долю секунды после того, как со столовой было покончено. Огонь, причем изумрудно-зеленый, полыхнул так, что я протянувшая руку к двери, лишь чудом не коснулась оплавившейся на моих глазах ручки. И с ужасом проследила за тем, как расплавленный металл, раскаленным алым ручейком, стек по черной, совершенно обуглившейся двери. Потом рухнула дверь, взметнув сноп искр и сажи.

А затем раздалось раздраженное:

— Норт, сходи, охладись!

Я очень медленно обернулась назад, сильно недоумевая о причинах того, что ни огонь, ни искры от упавшей двери не задели меня, и даже не сразу заметила, что пол по кругу на том месте где я стояла, так же не выгорел. И места где сидели некроманты, все кроме стоящего сейчас и полыхающего зеленым пламенем Норта так же были целы. Зато сгорело все остальное! Гардины, занавеси, стол... Стол был крепкий, дубовый, поэтому в отличие от остальной мебели продолжал стоять. На нем, забавными серебряными лужицами растеклось то, что осталось от посуды... В лужицах отражалось пламя, которым пылал Норт...

И вот этот чудовищно горящий зеленым огнем Норт, делая шаг ко мне, прошипел жутким, неестественно низким голосом:

— Ссссокровище мое!!!

От вибрации его голоса грудой черного криво ломанного пылающего угля рухнул стол. Эдвина, Дана и ректора не задело исключительно по причине того же, почему и не затронуло огнем — ректор быстро среагировал. И защитные круги синим пламенем вспыхнули вокруг всех троих, не допуская посторонних горящих предметов в эти круги. И огонь исчез, едва собственно искры от рухнувшего стола уже не могли причинить вред. явление inferно отреагировали совершенно спокойно, я едва не закричала, даже не знаю, как сдержалась.

— Прикажу сделать тебе успокоительный чай, — не отрываясь от газеты, сказал Гаэр-аш мне, и лишь после поинтересовался у черепа: — Какие новости?

Череп высунулся из стола сильнее и замогильным голосом протянул:

— Они знаааааюуют...

— Кто знает? Что знает? Как давно знает? Будь столь любезен выдавать больше конкретики и меньше воя, — несколько раздраженно произнес ректор.

Череп скривился, изобразил тяжелый вздох и сообщил:

— Отследили двух птиц со странным поведением. Одной удалось уйти, вторую сбила какая-то бабка, после чего убегла вместе с птицей, теряя яблоки.

Вот после этой новости я принялась есть, всем своим видом демонстрируя, что очень голодна и с места не сдвинусь, пока не поем.

— Я и не собирался тебя выставять отсюда, — с некоторой укоризной сказал лорд Гаэр-аш, после чего приказал черепу: — Дальше.

— Гончие нашли схрон, — с готовностью продолжило инферно. — Доложил Рханэ, как вы и приказали поступать в случае обнаружения людей живыми.

Высказав все это, инферно обзавелось рукой, выразительно почесало лоб и сообщило:

— Верховная вся на нервах. И это, меткая.

Глава Некроса насмешливо взглянул на инферно, и череп, перестав ломать комедию, продолжил:

— Из живых людей трое в лес ушли.

— Проследили? — мгновенно спросил Гаэр-аш.

— Следим, — лаконично ответило инферно.

— Что еще? — подняв взгляд на череп, задал вопрос ректор.

Инферно несколько замялся, снова отрастил себе руку, почесал нижнюю челюсть, отрастил вторую руку и разведя обеими, неуверенно сказал:

— Хозяин, нежити многовато.

Гаэр-аш резким движением сложил газету и переспросил:

— В каком смысле? Инферно снова почесал челюсть, которая чесаться не могла ни коим образом и все так же несколько неуверенно, даже почти смущенно, сообщил:

— Я б не заметил, но, когда хозяйка призвала, — и череп кивнул в мою сторону, заставив подавиться, — в земле разум ощутил. Ну мы с братанами проверили и что скажу — нежити многовато. По окрестным

лесам особенно, но хватает и в городе.

Гаэр-аш сжал газету, так что она уже едва ли была в читабельном состоянии, затем спросил:

— Наторы?

— По большей части да, — признал череп.

Я, натужно откашливающаяся в салфетку, просто в ужасе смотрела на инферно, а вот парни соображали быстрее.

— Что делает нежить незаметной поисковым заклинаниям некромантов? — мгновенно спросил Норт.

— Состояние искусственного стазиса, — мгновенно ответил Эдвин. — Мы сталкивались с подобным, когда... — он бросил быстрый взгляд на меня, но все же продолжил, — когда освобождали дом Рика Тарна. Тогда на появление из-под земли хмыр не среагировал ни один амулет, я потерял двоих.

Некроманты помолчали.

— Ладно хмыры, — задумчиво проговорил Дан, — но натору не так просто будет выбраться из пласта утрамбованной почвы, тем более в городе.

— Так, а хмыры с ними, — простодушно сообщил череп. — С каждой кладкой хмыр две-пять, где как.

Норт помолчал, постукивая ножом по куску ветчины, затем спросил:

— Кладки давние?

— Да лет двести, не меньше, — сообщил череп.

Лорд Гаэр-аш помолчал, все так же сжимая газету, затем произнес то, о чем было страшно даже подумать:

— Они собираются уничтожить столицу седьмого королевства. Напрочь.

Он помолчал, затем задумчиво добавил:

— Перфекционисты. Желают, чтобы столица возрожденной империи Хешисаи находилась строго посередине подвластных территорий. В четвертом королевстве.

Я схватила кубок с водой, сделала несколько глотков, возвращая себе способность говорить и с трудом выговорила:

— Едва ли дело в перфекционизме. В смысле не только в нем.

На меня посмотрели все пятеро. И ректор, и парни и череп.

— Вспомните теорию, выдвинутую мной накануне, — сдерживая желание повторно откашляться, сказала я. — Если правы и вы и я, то мы имеем технологию создания пространственных тоннелей за счет эманаций смерти в результате массовых жертвоприношений.

Несколько секунд все молчали, затем Эдвин произнес: — Должен признать, — произнес держащий в одной руке бутылку, а в другой бокал Дан, — вы двое — вы меня пугаете.

— Это не повод для пьянства, — едко сказал ректор.

Дан понятно отставил и бутылку и стакан на пол. Эдвин все это время напряженно смотрел на застывшего, но продолжающего гореть Дастела, а с ужасом оглядывала черные местами еще полыхающие уже обычным красно-оранжевым огнем стены в местах, где догорали рамы от картин, шелковые черные обои, шкафчики... все подсвечники стекли золотыми лужами по тем же стенам... кое-где еще трещало и искрилось пламя...

— Да, у меня теперь очень оригинальная столовая, — насмешливо произнес лорд Гаэр-аш, и добавил: — Прикажу поставить здесь новый стол и буду принимать особо нежеланных гостей.

— У вас все гости не особо желанные, — вставил Дан.

— Логично, — легко согласился ректор. — Значит будем принимать здесь всех гостей без исключения. Твоя матушка, к слову, прибывает в столицу.

Дан заметно побледнел.

— Риа, в мой кабинет, — поднимаясь, приказал глава Некроса. — Эдвин, погоняй Норта, выясни как можно больше о новых возможностях нашего будущего короля.

* * *

В кабинете Гаэр-аша нас ожидало все то же inferно, но погруженное в странное состояние полусна, и гончая из личной стаи ректора. Огромный черный пес с вытянутой хищной мордой в пасти держал птицу, которую молча выплюнул, едва вошел некромант.

Быстро подойдя, лорд Гаэр-аш сковал пернатое заклинанием, затем поднял — несмотря на стазис, единственный оставшийся в наличии глаз птицы, смотрел с откровенной ненавистью.

— Кхарат, сколько? — задал вопрос ректор.

Менее всего я ожидала, что гончая в ответ пролает:

— Пятнадцать-двадцать пернатых. Семь крыс, из обнаруженных.

— Тараканы! — вставило inferно, и стало ясно, что череп не спит, он прислушивается.

— Возможно, — согласилась гончая. — Но отслеженные нами

экземпляры являлись управляемой нежитью, а не вместилищем разума.

Гаэр-аш кивнул и приказал инферно:

— Доложи Рханэ. Пусть примут меры.

Призрачный череп приоткрыл один глаз и заныл:

— Не, там опять Верховная метлой швыряться будет. Я же говорю — нервная она.

— Ну я так полагаю, причиной нервозности было твое появление в спальне Рханэ посреди ночи?

Череп широко оскалился и парировал: — Вы приказали о кладках с живыми людьми докладывать Рханэ незамедлительно. Я доложил.

Ректор просто молча посмотрел на него.

— Понял, помчал докладывать! — мгновенно отреагировало инферно.

И исчезло.

Гончая так же склонив голову, покинула кабинет через открывшийся в стене тайный ход.

Ректор, нервно постукивающий пальцами по столу, поднял взгляд на меня, все еще стоящую у двери и произнес:

— Итак, они готовились двести лет. Не пятнадцать — двести.

Я отошла от двери, прошла к дивану и забралась на него с ногами, готовая внимательно слушать каждое слово лорда Гаэр-аша Веридан.

— Двести лет, — некромант прошел и сел за стол, сложил пальцы под подбородком. — Идеальный срок для того, чтобы человечество, изрядно сокращенное за счет перехода на постоянное место жительства в Темную империю, подросло в количественном и качественном измерениях... И знаешь, чем больше подробностей я узнаю, тем сложнее осознавать, насколько велики их шансы на успех.

А затем практически без перехода, Гаэр-аш посмотрел на меня и произнес:

— Начнем с главного — Норт, Эдвин, Дан и Танаэш. Что мы можем сделать, чтобы защитить их от нелегкой судьбы марионеток?

Недоуменно взглянув на ректора, переспросила:

— Нелегкой судьбы марионеток?

Несколько секунд ректор молча смотрел на меня, а затем усмехнувшись спросил:

— А ты полагаешь, их просто убьют?

Я полагала, что да. В смысле, что хотят лишь убить.

— Сомневаюсь, — отрезал Гаэр-аш.

Затем, помолчав немного, произнес:

— Эдвина, Норта и Дана я готовил с самого поступления их в Некрос.

Всех троих. Занимаясь как с каждым по отдельности, так и с тремя одновременно. Эдвина практически натаскал до уровня Мастера Меча. Дана научил контролировать его силу, что было непросто — большая часть полигонов построена на местах, где пламя лорда Шей сжигало даже мертвые деревья на корню. Но мы справились. С Нортот было сложнее. Но он упорный, не менее упорный, чем я. И если быть откровенным, то, как я их натаскивал... — секундное молчание, — происходило не совсем законными и допустимыми способами.

Гаэр-аш помолчал, отвел взгляд и признался:

— Первые несколько лет их обучения дед жил в Некросе. Полагаю, ты догадываешься, почему.

Я не догадывалась, я в ужасе смотрела на ректора.

Он продолжил:

— Каждый раз, переходя на запрещенные даже этикой некромантов методы, я принимал меры для того, чтобы скрыть наши тренировки от посторонних глаз. И сейчас, после вскрывшейся информации о том, что Эдвина просчитали, я безуспешно пытаюсь понять — как? Харн натаскан до такой степени, что все его движения в принципе неспециалисту сложно даже увидеть. Неспециалисту?

Вдруг как наяву увидела лорда Вечного, который, постучав себя по лбу, прямо намекая где именно находится тот самый «величайший охотник своего времени». И, нервно сглотнув, спросила:

— Во времена империи Хешисай существовали Мастера меча?

Ректор чуть прищурил серые пронзительные глаза, словно припоминая, и произнес:

— Двое из тех, что могли попасть в руки отступникам. Полагаешь, их поглотили?

Молча кивнула.

— Допустим, — задумчиво проговорил Гаэр-аш. — В таком случае есть вероятность, что лорд-Вечный увидел одну из наших тренировок здесь.

Но затем, нервно мотнув головой, с яростью выговорил:

— И все же, я прав. Мерзко осознавать, но ты подметила очень точно — их сила не имеет для отступников значения. Иначе с чего бы вечному способствовать усилению Норта?

— Из любопытства? — предположила я.

Лорд Гаэр-аш посмотрел на меня с улыбкой. В этой улыбке была и добрая насмешка над моей наивностью, и легкий налет снисходительности, и легкий оттенок искреннего сожаления.

— Вечные, не любят терять своих, свет мой, — тихим голосом произнес ректор. — И сколь бы вечный не был любопытен, он не стал бы подставлять под удар братьев по ордену и по вечности. Соответственно мы имеем четкое осознание того, что в решающий момент сила четырех наследников не будет играть никакого значения. Подобный вариант развития событий возможен только в одном случае — их подчинят. Вопрос, что мы можем противопоставить Истинной Тьме?

А вот на этот вопрос ответ у меня был:

«Эль-таимы», — сказала мысленно.

«Способны противостоять Истинной Тьме?» — так же мысленно переспросил Гаэр-аш.

Я кивнула и добавила:

«Уже противостояли».

«Нападение лорда отступника в таверне? — догадался ректор. Помолчал, затем так же мысленно произнес: — Что ж, немного неожиданно».

«Почему?» — тут же спросила я.

«Потому что все были искренне убеждены в том, что трое выпускников Некроса завалили обычного отступника, Риа. Не Лорда!» — раздраженно ответил Гаэр-аш. А затем с каким-то мрачным удовлетворением добавил: «Что ж, так даже лучше».

Практически кивнув снова, я замерла, и так же мысленно произнесла:

«Единственное, чему не способны противостоять Эль-таимы — силе темных лордов...»

«Да я знаю, — последовало лаконичное. — Идеи?» В первый миг я хотела сказать, что нет. Никаких идей толком нет, но затем... Внезапно, росчерком молнии в сознании вспыхнуло то знание, к которому я уже пришла — сильному огню можно противопоставить только огонь! Исключительно огонь. Именно поэтому, когда горит степь, навстречу пожарищу отправляют созданную линию огня.

И я подняла вопросительный взгляд на Гаэр-аша. Почему-то была уверена, что поймет. Никто другой не понял бы, а он поймет. Должен понять.

И он понял.

Я не знаю, как и каким образом, но искра идеи, зародившаяся в моем сознании, перешла в его разум совершенно легко и естественно, пугающе легко и пугающе естественно. А следующим, что я ощутила, были сомнения. Раздирающие, пробуждающие опасения, убивающие надежду на что-то, что было важным. И в какой-то миг, мне казалось Гаэр-аш

откажется от этой безумной, но кажущейся все более верной идеи... Однако в следующее мгновение глава Некроса расправил плечи, выпрямил и так прямую спину, и произнес то, что ощущал, и я отчетливо это чувствовала, собственным приговором.

— Хорошо.

«Это было бы дополнительной гарантией их безопасности, — почему-то очень виновато сказала я».

«Дополнительной? — некромант обернулся. И неожиданно ожесточенно произнес: — У меня будет одно условие, Риаллин».

Дверь распахнулась с громким стуком, вошел резкий и стремительный Норт со все еще длинными волосами и все теми же черными когтями вместо ногтей. Неестественно быстрым взглядом осмотрел весь кабинет, решительно прошел, направляясь ко мне, сел на диван, и резким, собственническим движением, прижал меня к себе.

— Полегчало? — издевательски поинтересовался ректор.

Вошедший следом Эдвин, мягко бесшумно ступая, подошел тоже к дивану и сел по другую сторону от меня, Дан, последовавший за парнями, закрыл дверь, взял стул, развернул его спинкой вперед, оседлал, облокотившись, и произнес:

— А Норт вообще теперь нормальный?

— Нормальнее, чем ты думаешь, — зарываясь лицом в мои волосы, хрипло ответил Дастел.

Я же как-то даже без испуга посмотрела на его ладонь, которая, расположившись на моем колене, медленно, но верно возвращалась в прежнее состояние.

— Мастер, вы помните у вас там парочка сараев была? — вдруг поинтересовался Эдвин.

— Оружейная и склад? — уточнил Гаэр-аш.

— Не важно, их все равно больше не существует, — безмятежно сообщил Дан.

Все посмотрели на Норта, а вот Норт буквально дышал мной, и не желал отрываться от этого дела.

— Мне вот интересно, а что с такими как вы происходит, если таких как Риа нет рядом?

— Тебе предстоит выяснить это на личном опыте, — холодно ответил ректор.

Эдвин и Дан мгновенно посмотрели на него. Затем на меня. Снова на главу Некроса. Лорд Гаэр-аш ответил обоим ледяным взглядом, а затем поднял ладонь — огонь, зародившийся на ней, воспарил вверх, до потолка,

и искрящейся кромкой расползся по потолку, стенам, заполняя дверной и оконные проемы и изолируя нас от всего мира. И лишь когда огненная кромка сомкнулась, наполнив весь кабинет ректора призрачным голубоватым сиянием, таким, какое бывает от подожженного спирта, ректор начал говорить:

— Вы уже знаете, что на данный момент под ударом вы, вы четверо. К слову, о подходе гениальных ученых к планированию.

Из шкафа вылетел план моего убийства, который накануне гоблины передали лорду Эллохару. Он вылетел в своем первозданном бумажном виде, но опал на стол, а в воздухе, на сияющем сотканном из энергетических линий экране вспыхнула огненная копия, отчетливо видимая всем нам. Дан и Эдвин затаили дыхание, вглядываясь в схемы, параметры, посекундную раскладку действий и предположительный итоговый вариант. Норт, оторвавшись от меня, так же обратил пристальное внимание на призрачную копию плана.

Несколько долгих минут в кабинете было тихо, затем Эдвин произнес:

— Это, я так понимаю, был план «на скорую руку»?

— Правильно понимаешь, — подтвердил Гаэр-аш.

После чего прошел и сел за стол.

— Обратите пристальное внимание на проработку деталей и варианты развития событий.

— Скорее на разницу подходов собственно отступников и их исполнителей, — задумчиво произнес Эдвин. — На территории Некроса Рию пытался устранить лич, и у него ничего не вышло. Но теперь, глядя на то, как действуют «хозяева» становится не по себе.

Дан ничего не произнес, но его напряженно перемещающийся по схеме взгляд говорил о многом.

Норт молчал еще несколько долгих секунд, затем его рука коснулась моей ладони, сначала осторожно, затем собственнически сжав, и Дастел заговорил:

— На нас Эль-таимы. Не говоря о наших возможностях. И то что едва не убило Рию, — его рука едва заметно, но все же дрогнула, — нам троим не причинило бы никакого вреда. Это первый просчет отступников — об Эль-таимах им не известно, а если даже и узнают — обойти защиту, созданную Рией практически невозможно. Я вижу они разложили схематически возможности как моего обручального кольца, так и браслета рода Веридан. Паршиво. Говорит о многом, начиная от того, что у них был доступ к нашим родовым артефактам, и заканчивая тем, что среди тех, кто носит нашу кровь имеются предатели. Эту информацию придется

учитывать, когда приступим к захвату престола.

Он помолчал мгновение, затем продолжил:

— Об Эль-таиме Танаэша им известно было, и отступники вмешались в ритуал, не допустив создания действительно сильного артефакта. Это подтверждает тот факт, что Эль-таимы сильная защита, непреодолимая даже для этих «гениев». Но есть одна проблема... — и Норт выразительно посмотрел на ректора.

Гаэр-аш кивнул, грустно усмехнувшись.

— Да, — тихо произнес он, — я тоже об этом подумал — тебе очень продуманно подсунули схему пробуждения темного источника.

— Чтобы втянуть во все это тебя? — прямо спросил Дастел.

Ректор не стал отвечать, видимо сочтя вопрос риторическим.

Дан, шумно выдохнув, сообщил:

— Я один ничего не понимаю? — Ты единственный кто не имел дела с отступниками, — задумчиво ответил ему Эдвин. — Скажем так — это гении. Обладают извращенным умом, нестандартным подходом к любой задаче, и практически бессмертием. Помимо этого они способны поглощать личности, таким образом легко становясь умнее на эту самую личность и получая от жертвы все — знания, навыки, опыт. Таким образом, выходя на бой с отступником, ты сражаешься не с одним противником, а с десятком как минимум. Это в случае с обычным из вечных, что касается лордов — они особая каста, и в их сознании сотни поглощенных личностей.

Дан потрясенно помолчал, затем осторожно поинтересовался:

— Тогда почему они еще не стерли с лица земли все человеческие королевства?

— Потому что это не было их целью, — произнес Норт.

Дан, как и парни одетый в черный тренировочный костюм, поднялся, подошел к огненному плану, заложив руки за спину и пристально вглядываясь в столбики цифр и расчетов, а затем произнес:

— Они не брали в расчёт меня. Видите, удар на Ри должен был произойти тогда, когда я не находился по близости. Интересно, почему?

— Ты бы разнес все к Проклятой Тьме, и мог бы повредить «пешки» до начала игры, — ответил ему все так же Эдвин.

Дан молча вернулся на свое место, сел, раскачивая спинку стула, и помолчав, спросил:

— А в чем в принципе их главная цель?

И все посмотрели на ректора. Гаэр-аш, сложив пальцы под подбородком, взглянул на каждого из нас, а затем заговорил:

— Более двухсот лет назад все эти территории принадлежали империи Хешисаи, главной силой в коей были маги. Наиболее значительным орденом из всех являлся орден Огня. Это был своеобразный Золотой век человеческой магии, с не менее своеобразным постулатом — «Маги — высшие существа». Оглянитесь, ныне магия служит на благо человечества, тогда же человечество служило магам. Это были времена Величия и Могущества людей в мантиях. Они были выше законов, выше религии, и обладали абсолютной вседозволенностью. И вдруг захват власти демоном в Мирах Хаоса и последовавшее за ним восстание темных лордов, которые в итоге были вынуждены бежать и тысячи Черных всадников хлынули на территории Хешисаи, и империя пала, смятая натиском завоевателей. Людям пришлось бежать на юг, и впоследствии здесь образовалось семь человеческих королевств. Эта та история, которую мы знаем. Но есть иная. История тех, кто сумел зафиксировать время в точке наивысшего могущества Хешисаи. Кто сохранил все знания и возможности Золотого века магии. И кто жаждет...

— Вернуть это могущество, — потрясенно проговорил Дан.

— «Зафиксировать время»? — удивленно переспросил Эдвин.

— Что-то вроде временной петли всенекроманского бала? — догадался Норт.

Гаэр-аш кивнул.

Затем мрачно посмотрел на парней и продолжил:

— В древней доимпериалистической Хешисаи существовала магия Темных Рун.

Я ощутила, как напряглись ладони обнимающего меня Норта, но это была единственная реакция — внешне, все трое выглядели все так же спокойными и сосредоточенными. Никакого волнения, никаких опасений, лишь подчеркнутое внимание к тому, кто его несомненно заслуживал.

И боялась здесь и сейчас кажется лишь одна я. Темные Руны! Темные руны — магия от которой отрёклись. Почему? Вот именно это мне и хотелось бы узнать. То, что дал мне прежде ректор, те символы которыми были испещрены стены и пол в его тайной зале — были обычные руны. Древние знания жрецов Предрассветного, могущественные, но слишком не предсказуемые... поэтому магию и стали изучать как науку, а не использовать ее как силу веры. Но Темные Руны основывались на крови. Силе крови. Силе рода. И я сильно подозреваю, что под запрет их поставили как-раз именно магически одаренные могущественные семьи. Вопрос в том почему?

— Для активации знака Рейташ, — продолжил ректор, — требуется

кровь источника силы и катализатор. У нас есть и то, и другое.

Эдвин молча сложил руки на груди и тихо заметил:

— Темные руны — вне закона.

Гаэр-аш хотел было что-то сказать, но Эдвин не дал и продолжил:

— Я понимаю вашу тревогу за нас, мастер, — он снова использовал именно это обращение, и почему-то это заставило меня занервничать сильнее, — но будем откровенны — мы видели их возможности во время нападения на Рию. Перед нами сейчас неоспоримое подтверждение их... проклятой Тьмой гениальности. И становится более чем предельно ясно — наше устранение для них лишь вопрос времени.

Не знаю, как я сумела промолчать. Просто промолчать, с ужасом понимая — Эдвин приготовился к смерти. Хуже — он уже готов к ней. Он принял мысль о собственной гибели со всей очевидностью, и теперь просто будет минимизировать потери, стремясь сделать все, чтобы не пострадала... к примеру я.

И я оказалась права.

— Таким образом, — бесстрастно продолжил Эдвин, — основываясь на словах призрака из артефакта Танаэша, уже можно сделать вывод — останетесь только вы, мастер. И в этой ситуации я не вижу смысла рисковать вашей жизнью. Потому что в данный момент между Рией и ее судьбой Проклятой Калиан стоите только вы.

Из всего этого я ухватила за главное и прямо спросила:

— Эдвин, в каком смысле «рисковать вашей жизнью»?!

Глава дома Меча несколько недовольно взглянул на меня, но все же ответил:

— Темные руны — основываются на силе. Силе рода. Всего рода. В древние времена жрецы Ночи, завладевшие кровью магически могущественного рода, могли использовать силу всех его членов. И если расход силы был максимальным — старики и дети умирали сразу. Остальные... не сразу. Собственно, поэтому жрецов Ночи и вырезали всех, храмы сожгли, рунические сборники уничтожили. К слову, мастер, откуда у вас подобные... знания?

И я осознала, откуда взялось это чувство обреченности, которое откликом, неясной тенью, отсветом ощутила в ректоре.

— Нет!.. — выдохнула, испуганно глядя на лорда Гаэр-аша.

Но он не дал мне продолжить, более того — едва удостоил взглядом, и обратив холодный взор на Эдвина, спокойно произнес:

— Ты так уверен в своей героической смерти, Харн?

Эдвин хотел было ответить, но сжал приоткрытые было губы. Сжал до

побеления.

— Вижу, понял, — усмехнулся Гаэр-аш. А затем практически издевательски продолжил: — Я сильно подозреваю, и наше сокровище лишь подтвердила мои подозрения, что убивать вас никто не собирается. Они следили за нашими тренировками, они позволили Норту стать некромантом, очень вовремя подсунув ему нужные сведения, которые дали возможность пользоваться одновременно двумя источниками — что является невероятным не только у нас, но даже в Темной империи. Они знают на что вы способны, и несомненно собираются этими способностями воспользоваться в полной мере. — На нас Эль-таимы, — уверенно напомнил Норт.

Ректор взглянул на него и ледяным тоном произнес:

— Эль-таимы не противостоят природной магии темных лордов. Во время схватки с темным, Эдвин был погружен им в стазис. Учитывая сколько глаз у отступников в столице, я тебе могу гарантировать — они знают. Они видели. Они это учтут. И внесут в план. И когда Тьма Изначальная не причинит вам никакого вреда, воспользуются планом «Б».

Гаэр-аш помолчал несколько мгновений, затем добавил:

— У Риаллин был другой план — передать тебе, Харн, и тебе, Шей, мою магию крови ускорив мутацию ее кровью...

— Не совсем, — прошептала я.

— Но изменить кровь? — вопросительно глянул на меня глава Некроса.

Я опустила взгляд и прошептала:

— Огню может противостоять только огонь.

Помолчав, продолжила:

— Я понимаю, что это риск, но полученная сила того стоит и риск практически опра...

— Риск? — перебил меня Гаэр-аш, а затем, едва я посмотрела на него, с ожесточением продолжил: — Риаллин, девочка моя, давай откровенно — нам с Нортом невероятно, просто несказанно повезло, что рядом, самым немыслимым образом оказалась ты. Потому что боль, та боль которую испытал в полной мере я, и которая лишь едва коснулась Норта — это капля в море, по сравнению со всем спектром ощущений, через которые проходят подобные нам человекоорожденные носители огненной крови!

Он резко выдохнул и отвернулся к стене.

Промолчав несколько томительно долгих секунд, тихо продолжил:

— Ты думаешь человеческие женщины редко попадают в постель к темным? Поверь — не редко. Но не рожают практически никогда. И на это

есть причины.

И вновь повернувшись к нам, пояснил:

— Если у Дана еще есть шанс выжить при перерождении, у него основательно древний род, то у Эдвина нет даже надежды, Риаллин.

Я даже сказать ничего не успела, как именно Эдвин произнес:

— То есть в критической ситуации у нас троих будет выбор — или пытаться бороться своими силами, или активировать знак Рейташ и молить Тьму и всех богов Мрака, чтобы направленный на нас удар был единственным, потому что второй вас гарантированно убьет?!

Он подскочил, прошел к стене, постоял, нервно сжимая кулаки, а затем он же глухим полным отчаяния голосом с трудом выговорил:

— Но выбора у нас нет, да?

— Выбора нет, — устало подтвердил ректор. — Вы должны понимать, вы все трое, в случае, если отступники захватят контроль над вашим сознанием — я не смогу вас убить. Я даже не смогу безвольно стоять, позволяя другим убить вас.

В кабинете повисла тяжелая, гнетущая тишина. — Ну, — с ухмылкой произнес Дан, — а я всегда думал, что вы за наше убийство еще и доплатить готовы!

И от гнетущей тишины осталось лишь предчувствие чего-то плохого где-то в глубине души. А в остальном:

— В крайнем случае? — хрипло спросил Норт.

Ректор молча кивнул.

А затем стремительно поднялся, подошел к пылающему синими всполохами плану отступников, стер его и создав огненное перо, насмешливо сказал:

— Итак, лорды и леди, наша задача испортить идеальный план. Я даже буду откровенен — вероятно существенное множество идеальных планов. Идеи, мнения, предложения?

Молчали мы недолго, первым заговорил Норт:

— Помнится, на первом курсе Керон рассказывал об одном аксуме, который некстати основал лежку на краю пахотных крестьянских земель, а там деревня была прогрессивная, и в землю запускали специальных червей, для улучшения плодородности почвы... От аксума едва ли половина осталась.

Дан подхватил азартным:

— В Академии Визериуса такие должны быть, у них проводятся исследования по повышению плодородности земель на факультете травников.

— Травников? — с заметным удивлением переспросил ректор. Но не дожидаясь ответа был вынужден признать: — Неплохо. Как минимум это даст шанс подпортить, если не уничтожить кладки с нечистью.

Гаэр-аш ожидал других светлых идей, но у меня их не было, имелся только вопрос:

— При активации знака Рейташ гибнет весь род, так?

Ректор нервно передернул плечом и ответил:

— Дед в курсе, я сообщил ему еще вчера, интересоваться мнением короля смысла не вижу.

И я поняла, что род Гаэр-аш Веридан ныне ограничен лишь тремя представителями — королем, лордом Вериданом и собственно главой Некроса. А еще поняла, что лорд Веридан вовсе не рад такому решению и именно это сказал ему тогда Гаэр-аш, именно поэтому он сидел столь подавленный в кабинете...

А затем до меня дошло — ректор просчитал все заранее. И приготовился тоже заранее, не зря выбрал именно эту темную руну. В смысле — он явно выбирал, анализировал, просчитывал конечный результат и... сделал выбор. Видимо как и я осознав всю серьезность появления в столице седьмого королевства темного лорда.

— Я могу, — начала осторожно, не глядя ни на кого и в принципе изучая взглядом рисунок на ковре, — могу спросить, как он наносится?

И так как в кабинете вновь царило молчание, еще тише уточнила:

— Знак Рейташ?

— Тыльная сторона запястья, ближе к локтевому сгибу, огнем, как клеймо — несколько издевательски сообщил ректор.

А затем, неожиданно щедро пояснил:

— Знак Рейташ можно активировать лишь дважды, после он исчезает, даже если клеймо прожечь до кости. — Он даст кратковременное, но полномасштабное владение силой рода Гаэр-аш Веридан.

— И кен Эриар, — тихо добавила я. И вздрогнула. Мой род. У меня братья!

«Они не твоей крови, — насмешливо пояснил ректор исключительно для меня. — Как и Норт уже не моей».

А уже вслух сказал:

— Риаллин, твою кровь мы используем как катализатор и только. В прежние времена к слову сложнее всего было заполучить именно кровь катализатора — орки этого рода редко забредали на человеческие земли.

И в этот момент над всем городом прозвучал едва слышный мелодичный протяжный и печальный звон. Он вызывал в душе тревожное

чувство потери, скорби, тоски по утраченному.

— Похоронный обряд начался, — тихо сказал Гаэр-аш.

И Норт с Даном поднялись, Эдвин просто и так стоял.

А над городом продолжала литься печальная полная боли, слез, страдания.

— Родовая магия Анма, скорбь матери Кирата, — так же тихо, и видимо исключительно для меня, пояснил ректор.

— Не ходите... — испуганно выдохнула я.

Норт наклонился, поцеловал меня в лоб и прошептал:

— Все будет хорошо.

«Я присмотрю» — только для меня, пообещал Гаэр-аш.

— Тренировками займись, — приказал Эдвин.

Дан просто махнул рукой.

И они вышли, все четверо. После поднялись наверх, на второй этаж, а спустя минут пять, не более, спустились в одинаково черных мраморных мантиях. У Норта и Эдвина на руке, ближе к плечу, были красные повязки.

— Мы убийцы, — просто пояснил Норт, в отличие от остальных зашедший в кабинет ректора попрощаться со мной.

— Не вы... — прошептала внутренне холодея.

Он присел передо мной, обнял ладонями лицо, большим пальцем нежно провел по губе и посоветовал:

— Отдохни. Забудь обо всем, заберись в ванную с пеной и просто отдохни, мое сокровище, мы скоро вернемся.

И он поднялся, на прощание погладив по щеке.

Я проводила Норта взглядом и обняла себя за плечи, едва за ними закрылась входная дверь. Чуть позже послышался топот конских копыт и скрип открываемых, а затем закрываемых ворот в доме ректора.

И я осталась одна.

Совершенно одна — студенты из академии Сириллы уехали еще вчера, практически до того, как прибыл лорд Веридан и они с Нортом начали меня лечить...Посидев еще немного, сходила наверх, надеюсь, что застану Гобби... не застала, его тоже не было. Как и Ыгырха. В коридоре правда увидела двух боевых умертвий, те рвано передвигались красноглазыми тенями, неся мешки с золой. Не сразу поняла, что это они уборкой сожженной Нортом спальни занимаются.

На улице вновь зазвучала тоскливая, пробирающая до глубины души мелодия.

Постояв немного в нерешительности, прошла по коридору, сбежала вниз по ступеням и миновав холл, по которому гулко простучали каблук

моих тренировочных ботинок, вышла на порог.

Я сделала это напрасно.

Совершенно напрасно.

Потому что в доме была слышна лишь печальная мелодия, а стоя на пороге, я видела лица. Их лица. Йена Таната, Кирата Анма и Суана Ярта. Их лица в младенчестве, детском возрасте, подростковом, взрослом, и всех троих в мантиях с символикой первого королевства, обнимающих друг друга за плечи, понаставивших друг другу «рожки» и улыбающихся с видом «Мы всех победим». Видимо последнее изображение сделали для хранения рода Анма перед самым отъездом парней на Мертвые игры. И, возможно, именно его поставят на надгробие, потому что по крайней мере двоих будут хоронить в закрытых гробах... и Эдвину придется стоять рядом и смотреть в глаза родственников тех парней, которых он буквально изрубил на куски. И вроде все правильно, он не мог иначе, да и некроманты из Академии Магических искусств на тот момент уже были мертвы, но как объяснить это матерям, у которых теперь нет возможности даже обнять сыновей на прощание.

Мелодия над городом плакала. Проникновенно, горько, отчаянно. На небе, вместо облаков, плыли и плыли изображения погибших, словно матери пытались поделиться воспоминаниями о своих детях. Это все что у них осталось — память...

И глядя на проплывающие по небу лица адептов первого королевства я думала... об идеальном плане. О лорде Вечном... О том, что он не подумал, или не захотел подумать о боли матерей, о том, что три жизни он отобрал просто чтобы использовать тела парней как оружие, о том, что отступникам наплевать на цену, для них важна только цель.

В этот момент я как никогда поняла, почему Вечных называют именно отступниками. Почему их изгнали из ордена Огня. Почему даже маги называли их методы бесчеловечными. Почему от них ушел дядя Тадор, отказавшись вливать кровь Проклятой Калиан невесте лорда Гаэр-аша...

И в этот момент скрипнула калитка.

Я не сразу увидела вошедшего, сначала быстро смахнула слезы и вытерла мокрые щеки, но быстро же. Пара движений, не больше.

Но вошедшему хватило этого крохотного отрезка времени, чтобы тенью пересечь весь двор и встать передо мной, едва я смогла разглядеть его. И он именно позволил мне разглядеть себя, а я едва сдержала крик!

Лорд Дакрэш!

Это был изуродованный шрамами в прошлом одноклассник ректора, который применил некромантский приворот на крови и превратил свою

жену из целительницы в некромантку! Это...

— Узнала, вижу, — издевательски протянул чудовищный во всех смыслах мужчина.

И в его правой руке сверкнул раскаленный, наполненный заклинанием клинок. Я не знала, что это, не знала какое заклинание и что в нем помимо заклинания заставляло едва ли не плавится сталь, но всем своим существом отчетливо поняла — это смерть.

— Просто чтобы ты знала, падаль, я любил ее! — коротко произнес он, делая быстрый замах.

Меня спасли тренировки Эдвина. Исключительно тренировки Эдвина, потому что боевое плетение Кейвен я использовала практически не задумываясь, и некроманта отшвырнуло от меня ударной волной раз, и повторно когда я влила резерв в аркан. Вот только это был очень неслабый некромант, ко всему прочему боевой, и лорда Дакрэша снесло, но он даже не упал, лишь чуть пригнулся пережидая всплеск силы.

А затем вновь выпрямился, и злым, быстрым шагом направился ко мне, проговаривая сквозь стиснутые зубы:

— Я любил ее, мразь! А ее отняли по твоей мерзкой прихоти, гниль!

Падаль, мразь, гниль... Это только оскорбления, или? Взгляд испуганно метнулся к кинжалу, который стремительно ко мне приближали!

Аркан Дакрой применила не сразу, было очень страшно одним заклинанием опустошить весь свой резерв, но выбора особо нет — как говорил Эдвин: «Аркан Дакрой. Сильное, опустошающее резерв заклинание, применяемое в условиях прямой угрозы жизни». А это была очень прямая угроза, прямее не бывает.

Седьмое плетение — сложнейшее из всех пятнадцати, применяемых в некромантии, уже на этапе формирования заставило покачнуться от нахлынувшей, слабости, но едва лорд Дакрэш приблизился на расстояние вытянутой руки со вновь занесенным кинжалом, я ударила!

Ярко-зеленая молния спикировала с небес, прорывая защитный купол окружающий дом ректора, и отшвырнула некроманта шагов на двадцать от меня. Он попытался встать, рыча и изрыгая проклятия, но молния только пиковый момент аркана Дакрой, за ним последовал цепной разряд и уже десятки молний, слабее, но столь же эффективно, ударили в тело поднимающегося лорда.

Я и сама рухнула на колени, не в силах удержаться на ногах, просто сил уже не осталось, и я была уверена, абсолютно уверена, что лорд Дакрэш уже не поднимется, не умрет, нет, он все же некромант, и раз стоял тогда возле сердца Некроса, значит некромант весьма сильный, но у меня

была железная уверенность в том, что не встанет...

Уверенность рассыпалась в прах, когда некромант медленно, но сел.

Прах былой уверенности обернулся ужасом, когда я увидела, что с этим некромантом стало.

Это был не человек! Не живой человек! Это было умертвие. Жуткое, с серой кожей, иссушенным пергаментом обтянувшей череп, белыми, совершенно седыми волосами, нечеловеческим зеленоватым взглядом, страшным оскалом и черной руной полного подчинения на лбу.

Руной, выжженной огнем...

Я попыталась встать, не удержалась, рухнула, и отползла пятясь назад и с ужасом глядя вот на это... От некогда молодого тридцатилетнего пусть и изуродованного шрамами мужчины не осталось ничего. Ничего! Это был... это было...

— Хочешь знать кто это сделал со мной? — насмешливо поинтересовался монстр, медленно, с трудом, но поднимаясь.

И едва он встал, с ненавистью и рыком произнес всего одно слово:

— Артанаэш!

А я вдруг вспомнила утро после той ночи, когда мы вломились в замок этого некогда некроманта, слова лорда Рханэ: «Дакрэш не тот враг, которого можно не опасаясь оставить за спиной Норта». И холодный ответ Гаэр-аша: «Я знаю». Так значит ректор убил его?..

— Но... — продолжил мертвец, делая первый шаг ко мне, а я вдруг поняла, почему, когда вошел, мне показалось, что он тенью передвигается.

Потому что именно и передвигается! Он нежить! Боевая нежить! И словно подтверждая это, монстр в одно мгновение оказался рядом, схватил за ворот и подтянув к себе, прошипел выдыхая смрад мне в лицо:

— Но есть на свете добрые люди, малышка. Которым прекрасно известно и о заговоре, и о планах посадить на трон Норта. И королю очень не нравится, тот факт, что рядом с мальчишкой Дастелов вдруг появилась представительница легендарного племени кошек. И я получил право на месть...

Короткий замах и я зажмурилась, ожидая худшего.

«И глаза не открывай» — раздался спокойный голос внутри меня.

Порыв ветра и я все же нарушила приказ.

Гаэр-аш сидел рядом с поверженным и мелко сотрясающимся в агонии умертвием, и держал ладонь распростертой над его лбом, считывая данные с руны. В какой-то момент в зеленоватой дымке мелькнуло лицо нашего полусумасшедшего короля, затем исчезло, одновременно с его

исчезновением перестал и сотрясаться мертвец.

Ректор поднялся, повернулся и спокойно направился ко мне, а за его спиной вспыхнул костер из некогда человека и соратника. Рядом, на земле медленно остывая остался лежать заготовленный по мою душу кинжал.

— Вы его убили, — прошептала я, едва подошедший некромант молча наклонился и протянул мне руку.

— Зомби? — насмешливо переспросил Гаэр-аш.

— Лорда Дакрэша, — принимая его руку и поднимаясь, ответила я.

— К сожалению, не уничтожил тело, — с сожалением исключительно по данному только поводу, произнес ректор. — И дядя воспользовался тем, что Дакрэш имел доступ на территорию моего дома при жизни. Мой просчет. Идти можешь?

Я не была в этом уверена.

Я просто смотрела на ректора и вспоминала что осталось от лорда Дакрэша. Не выдержав, спросила:

— Почему он пппостарел?

Лорд Гаэр-аш молча подхватил меня на руки, и понес в дом, ответив на ходу:

— Одна из сторон силы некромантов заключается в возможности преобразовывать жизненную энергию в силу источника в случае, если резерв опустошен полностью.

И я поняла какой силы было сопротивление, которое оказал лорд Дакрэш.

— Он же был вашим... — не договорила.

— Он сделал свой выбор, я свой, — сухо произнес ректор.

Последнее, что я увидела перед тем, как Гаэр-аш внес меня в дом — улыбающееся лицо Кирата Анма, яркой картинкой проплывающее по темнеющему зимнему небу... Мелодия играла вновь, выплескивая всю боль материнского сердца... Боли, которая уже никогда не уйдет и никогда не закончится.

— Когда погиб отец мама месяцами не вставала с постели, — почему-то рассказала ректору.

— Не стоило тебе выходить на двор, — вынес вердикт глава Некроса. Не стоило, наверное.

— Как Норт и Эдвин? — спросила почти беззвучно. — Норт держится, Харн — воин, — последовал краткий ответ.

По лестнице Гаэр-аш взлетел даже не изменив дыхания, не ответил на поклон снующих по коридору и наводящих порядок после пожаров боевых умертвий, внес меня в мою комнату и усадил на постель. Сам отошел к

окну, и прислонившись плечом к стене сказал:

— Риа, на будущее — зови меня в критических ситуациях. Не раздумывая.

А я вдруг подумала — а как он вообще появился?

— Молча, — с ироничной насмешкой ответил ректор.

После перевел взгляд в окно и поставил меня в известность:

— Завтра начинаются бои.

Я не перебивая слушала, чувствуя, что дальнейшая информация не порадует вовсе.

— После похорон мы собирались встретиться с Рханэ в королевском дворце. Но эта встреча уже лишена смысла. Так что отдыхай, когда я вернусь займемся нанесением знака Рейташ, и желательно сегодня же изготовить Зеркала Света. Сможешь?

Кивнула, в этом действительно ничего сложного не было — я знала формулу сплава, остальное было лишь делом техники, я была уверена, что справлюсь. Я просто не понимала:

— Почему встреча лишена смысла?

Ректор медленно перевел взгляд на меня, усмехнулся и произнес:

— Потому что, девочка моя, дяде стало известно о том, что ты представительница легендарного племени Кошек. А так же о заговоре — Дакрэш был посвященным и выложил ему все. И насколько я знаю короля — уже завтра наш Герон Даграэш Четвертый будет здесь. И первое, что он сделает — предаст гласности то условие, что выставил нам с Нормом.

Слова короля я вспомнила с трудом. Столько всего произошло, столько событий, столько... смертей. И сквозь туман минувшего, я едва ли припомнила что конкретно было сказано, вспомнила лишь: «Но учти, Нортаэш, опозоришься на Мертвых играх, и я твою нежную девочку прилюдно отдам Танаэшу, в качестве приза! Может он конечно и не возьмет, но сам понимаешь — подобный позор не смыть даже кровью, и королевой она уже не станет».

— Как ты думаешь, на что пойдет Танаэш, чтобы заполучить тебя? — вдруг спросил Гаэр-аш.

Растерянно мотнула головой. Я не знала.

— На все, — холодно произнес Гаэр-аш.

И направившись к двери, уже не глядя на меня, повторил:

— Абсолютно на все! Договариваться с Рханэ не имеет смысла, ход за королем, дальше будем действовать по обстоятельствам. Отдыхай, сокровище мое, сегодня будет сложный вечер, а завтра гораздо более сложный день.

Я проводила ректора задумчивым взглядом, а едва дверь за ним закрылась, потянулась к завязкам на ботинках, собираясь расшнуровать их. И я не верила, ни на миг не поверила, что Ташши способен на «абсолютно все». Это лорд Гаэр-аш способен переступить через судьбы, жизни и обстоятельства, если считает это правильным, а Ташши нет, он... он не такой.

И мне отчаянно не хватало сейчас Гобби, в смысле Габриэля, он бы разобрался куда легче чем я, он... Но даже Гобби я едва ли смогу рассказать всю правду. Разувшись, отставила обувь, встала и подошла к окну.

Всходила новая луна — тоненький серп на хмуром небе, по которому продолжали плыть изображения погибших адептов, одно за другим.

И я не хотела смотреть на их лица... не могла. Просто не могла.

И потому посмотрела на луну. Просто на луну, стараясь не замечать тех юных лиц, которые уже никогда не состарятся, стараясь не думать обо всех тех, кто ушел за Грань, потому что попали в жернова очередного идеального плана, стараясь не думать об их близких, навсегда теряющих сыновей, мужей и отцов.

И не справляясь с нахлынувшей тоской, я едва шевеля губами позвала самого родного для меня человека, который, и я знала об этом, никогда не ответит.

— Дядя... — полетело растерянное в пустоту.

И пустота вдруг перестала ею быть.

Пустота соткалась полотном вокруг месяца, пронизанная сиянием наполнилась лунным светом, проступила знакомым до боли, до каждой черточки, до слез в глазах лицом с таким родным взглядом, что я пошатнулась и не упала лишь успев вцепиться в подоконник. Но даже так, едва устояла, услышав недоуменное:

— Риа?!

Я не смогла выговорить и звука. Сегодня не полнолуние! Не полная луна! И после разговора с лордом-Вечным я была уверена, что всё, что уже всё, что надежды нет, что...

— Девочка моя, ты что выросла? — и дядя Тадор, мой дядя Тадор высунулся из луны наполовину, недоуменно разглядывая с головы до ног. — За час? — еще более недоуменно спросил он.

Замер, затем, таким знакомым задумчивым жестом почесывая подбородок, вернулся обратно и теперь его туловище вновь было лишь изображением на луне, просто слишком живым, для того чтобы быть просто изображением.

— А где ты? — он оглядел комнату. — Я же сказал ждать меня там, Риа.

Сказал и застыл.

Замер. Глядя на меня, на слезы что полились ручьем, я просто не могла их контролировать, на дом... я не знаю как, но поняла — он его видит. А затем плечи дяди Тадора опустились, и он хрипло переспросил:

— Я не пришел за тобой, да?

Попыталась ответить и не смогла. Я ничего не могла сказать, я вытирала слезы и смотрела, смотрела, жадно смотрела, словно впитывая его образ, облик, жесты, голос. Я не могла насмотреться. Я не могла говорить. Только плакала и смотрела, я...

— Я оставил ребенка в грязной подворотне наедине с трупом? — еще более хрипло произнес он.

И дядя Тадор закрыл лицо ладонью, как делал всегда, когда переживал. Сильно переживал. Но я уже знала, что будет дальше — сейчас он начнет действовать, если он и отчаивался, то всегда ненадолго.

Так и случилось.

Резко убрав руку, дядя взглянул на меня внимательным взглядом темных глаз и начал задавать вопросы:

— Сколько тебе, моя девочка?

— Семнадцать, — прошептала с трудом выговорив. — Семнадцать... — эхом отозвался дядя Тадор, и с нескрываемой болью выдохнул: — Семнадцать!

Я промолчала, все так же неотрывно глядя на него, и не до конца веря собственным глазам. В происходящее фактически было безумно сложно поверить.

— Ты в столице седьмого королевства, — оглядевшись вокруг, произнес дядя Тадор. — В доме Гаэр-аша?! Что ты делаешь в доме Гаэр-аша? Уходи оттуда! Сейчас же, немедленно, котенок!

Он глухо простонал, растер лицо ладонями, вновь посмотрел на меня и приказал:

— Одевайся. Не забудь шапку и теплый плащ, я вижу снег, значит у тебя зима. Затем пройди по коридору второго этажа вправо до упора. До самого упора. Подойдешь к стене, нарисуешь руну Тхагар и напитаешь кровью. Не магией, солнышко. Нужна кровь. Спустишься вниз по проходу до винтовой лестницы. От нее снова вправо, вправо, а не вниз и открываешь проход символом Ашуэро. Напиться его дыханием. Выдохни все что есть, чем больше, тем лучше. В любом случае, ты выйдешь на старом кладбище в восточном секторе столицы. Оттуда

пройдешь до северных ворот, откроешь символом первой руны, чтобы не привлечь стражу, выйдешь на улицу Первоцветов, спустишься вниз, под откос, до домика сапожника Агуда. Ему и только ему назовешь свое имя, и скажешь, что тебя послал я. Агуд хранит шкатулку, ее откроет только твоя рука. Кольцо наденешь на правую руку, на безымянный палец. Оно закроет то, что сияет сейчас на твоей ладонке... — последнюю фразу, дядя Тадор произнес со странным чувством горя. И я поняла его причины, едва он добавил: — Моя маленькая девочка, я тебя не уберег...

И тут же знакомое и приказное:

— Действуй.

Не размышляла ни секунды.

Вновь надела ботинки, быстро зашнуровала, подхватила плащ из шкафа, шапку брать не стала, она была на вешалке внизу на первом этаже, и спускаться за ней был недосуг, но чувствовала себя из-за этого немного виноватой. Еще схватила нож для бумаги со стола.

Выйдя в коридор повернула направо и быстро, так что боевым умертвиям пришлось расступаться, подошла к стене, резким жестом проткнула палец. Руна Тхаргар по сути проста — неравноценный крест, вокруг него ровный круг, в правом секторе маленькая руна Аддан. Древняя письменность вечных, давно позабытая реальным миром.

И едва завершила, сдавила палец, напityвая руну кровью, и одновременно с этим ощущая, как моя аура формируется рядом, на шаг позади меня. Моя фактическая копия, которую я чувствовала, как саму себя. И когда открылся проход, который по всем законам пространства и логики должен был вести прямо на улицу в пустое пространство, а вел почему-то вниз крутой замшелой лестницей, я шагнула вперед, а моя копия осталась стоять там, в доме Гаэр-аша... Так вот что случается, если напиться руну Тхагар кровью — о твоём исчезновении из дома никто не узнает!

Я потрясенно обернулась, и увидела, как вторая я, на ходу расстегивая плащ, возвращается в мою комнату. Кто бы мог подумать, что эту руну можно использовать таким способом! И кто бы мог представить, что у отступников есть не только астральные перемещения, но и тайные ходы в самом доме ректора!

Но я, не тратя время на размышления, шагнула по ступеням вниз. Проход закрылся за моей спиной, а я начала спуск — вниз, вниз и вниз. Четыре уровня. Четыре подземных уровня, и судя по шуму, доносящемуся сверху, эти уровни располагались под городом, что тоже наталкивало на не

слишком приятные мысли. Но так, если подумать — ведь это только вечные могли использовать Призрачные грани, а их пособникам нужны были иные пути... вот они их и создали. Прямо под городом! На пятый уровень вела винтовая лестница, я по ней спускаться не стала, сделала как сказал дядя и на стене справа вывела символ Ашуэро. Символ вышел так себе, сил после использования аркана Дакрэа осталось совсем мало, но хватило. И едва он замерцал, переливаясь, я набрала побольше воздуха и выдохнула изо всех сил, отдав кажется весь свой воздух. И стена передо мной засияла призрачной сероватой дымкой и растворилась, открывая вид на кладбище... На очень людное кладбище. На которое я бы очень не хотела сейчас попасть...

Но судорожно вздохнув, шагнула за грань перехода, почти сразу проваливаясь в снег по колено.

На похоронную церемонию я старалась не смотреть, и не смотреть на трех женщин, потерявших своих сыновей — просто не слышать, не оглядываться, не останавливаться.

Я с трудом, но выбралась на дорожку, и пошла точно к северным воротам.

Миновав все кладбище, прикоснулась к тяжелой дубовой двери и вывела простейшую первую руну. Ворота приоткрылись сами, позволяя мне выскользнуть, и через мгновение я уже шла по улице Первоцветов, выискивая лавку сапожника.

Шагов двадцать шла, не больше.

Больше мне просто не дали.

— Слыш, ледя, не ходила бы ты здесь, — бабуля в цветастом платке кряхтя и косолапо ступая, подобралась ко мне, выскользнув из совершенно пустого переулка. — Яблочка хочешь?

— Очень, спасибо, лорд Ыгырх, — я невольно улыбнулась.

Яблоко мне передали тут же, румяное, наливное и красное, пахнущее осенним садом и почему-то летним медом. Откусила не задумываясь, и сосредоточенно жуя, продолжила путь.

— Слыш, ледя, — продолжила семенящая рядом могучая бабуля, — ты как из дома-то выскользнула?

Наверное, в каждом противостоянии нужно выбирать свою сторону... я выбрала. А потому тихо сообщила Ыгырху:

— Из дома ректора есть тайный путь, ведет в катакомбы под городом. Я видела четыре уровня, уровни большие, просторные, с высокими потолками. Ходят там часто, пыли и паутины нет. Еще имеется как минимум пятый уровень.

Гоблин даже остановился, явно потрясенный информацией.

Затем все так же кряхтя и семена догнал меня, дождался пока проглочу очередной откушенный от яблока кусок и спросил:

— А ты куда идешь-то?

— К сапожнику. Тебе со мной нельзя.

— А если очень хочется? — прищурилась бабуля.

— Там могут быть отступники, — прямо сказала я.

БЫгрх некоторое время семенил рядом, потом, отставая, едва слышно произнес:

— Попроюсь сам внутрь. Не рискуй собой.

Я не обернулась, не хотела, чтобы заметили, мало ли, поэтому просто доела яблоко, и прибавила шагу, торопясь найти нужную лавку. Дважды приостанавливалась, видя сапог на вывеске, но оба раза проходила мимо — первая лавка принадлежала уважаемому Уду, вторая мастеру Ватосу. Пришлось идти дальше, запоздало осознавая, что шла я по самому центру столицы, по ходовым торговым улицам. Кругом сновал народ, сегодня притихший и не разговорчивый, слышались вздохи и всхлипы, сетования, что такие молодые парни и погибли смертью безвременной. Большинство женщин и вовсе стояли, запрокинув головы и смотрели на изображения, проводя самые детские картины тоскливыми взглядами.

А я шла, сосредоточенно и быстро.

И едва мимо не прошла, когда заметила позолоченный медный сапог в железной висячей вывеске, самой сияющей из всех окружающих. Но никакая это была лавочка и не домик — передо мной высился огромный обувной магазин, сверкающий яркими витринами, сапогами от красных до золотых и серебряных, туфельками на разном каблуке и самых удивительных фасонов. И людей и продавцов в этом магазине было предостаточно, и я бы с удовольствием прошла мимо, но над витринами и входом золотились огромные буквы «Обувное чудо мастера Агуда».

Деваться было некуда.

Поднявшись по трем устланным зеленым ковром ступеням, я открыла звякнувшую колокольчиком дверь, и вошла в царство обуви. Это место сложно было назвать иначе — обувь была везде. На стеллажах, зеркальных витринах, шкафах под потолок высотой, напольных выставочных тумбах, в руках у покупателей... везде. И даже когда я подошла к торговой стойке, бойкая девушка с рыжеватыми кудрями, сначала была вынуждена убрать с нее три раскрытые коробки с туфельками разного размера, а лишь после, безошибочно разглядев во мне не покупателя, немного с вызовом спросила:

— Чего вам, уважаемая?

— Мне нужен мастер Агуд. Лично.

Она показательно фыркнула, словно хотела всем присутствующим показать, что мол ходят всякие тут, требуют чего-то, но я оборвала это выступление ледяным:

— Мне нужен мастер Агуд.

Продавщица задохнулась возмущением, фыркнула повторно, но отошла к стеллажам, расположенным за прилавком, открыла встроенную дверь, даже не потревожив обувь, которая на стеллаже стояла, и исчезла. Вернулась минут через пять, с победным видом и торжеством в глазах, явно собираясь сообщить мне, что видеть меня никто не хочет... но не успела. Сдвинув ее с пути из подсобного помещения вышел крепкий мужчина лет шестидесяти, посмотрел на меня с прищуром, и коротко приказал возмущенной девице:

— Проводи вниз. Это особый и очень важный клиент.

Девушка недовольно поджала губы, но вышла из-за стойки, поклонилась мне даже, и стараясь выглядеть радушно произнесла:

— Следуйте за мной, госпожа.

— Леди, — тихо поправила я, поддерживая откровенное вранье мастера Агуда.

— Ой, так, а вы леди, — заволновалась девушка. — Вот, вот сюда вот.

Меня провели к золоченой и украшенной стеклянными витражами двери. За ней открывалась лестница, на этот раз обитая красным бархатом, и видимо исключительно для дорогих клиентов — судя по всему, для мастеров был отдельный вход, а в том, что мастеров было много я могла убедиться — в мастерской человек двадцать сидело за работой, не меньше.

— Дальше я сам, Дейни, — произнес вышедший из, похоже своей личной мастерской, мастер.

Девушка легко поклонилась, и ушла, несколько раз оглянувшись. Мастер же, дождавшись пока она уйдет, распахнул дверь, ведущую вовсе не в мастерскую, а в кабинет, тихо произнес:

— Здравствуйте, Риа. Я взглянула на него с нескрываемым удивлением, но ничего не говоря, мужчина подтолкнул меня к двери в кабинет, и едва я вошла, зашел следом, запер дверь на ключ. Один проворот стандартный вправо, а вот затем — шесть проворотов влево, два снова вправо, и четыре опять влево. И отзываясь на движения ключа зазвенела вся дверь, продемонстрировав, что никакая она не деревянная — внутри железо.

— Он всегда этого боялся, — достав ключ из замка и спрятав его в скрытой нише под картиной, заговорил мастер Агуд. — Его самый

страшный кошмар.

Повернулся, оглядел меня с головы до ног, как-то неодобрительно покачал головой и произнес:

— Тринадцать артефактов, тринадцать посвященных мастеров в самых разных уголках человеческих королевств, дали клятву, которую, как мы все надеялись, не придется никогда исполнять. Помнишь меня?

Вопрос был неожиданным и я несколько заторможено отрицательно покачала головой.

— Не удивлен, — грустно улыбнулся он, — ты была под заклятием, едва стояла, но Тадор заставил всех нас хорошенько тебя рассмотреть и запомнить, чтобы могли узнать с первого взгляда. И клятву на крови мы давали тебе, а не ему. Проходи, садись, девочка.

Мастер указал на стул для посетителей, стоящий напротив стола хозяина. А сам ушел к стене, снимая с шеи цепочку с крохотным серебряным ключиком. Я подошла к указанному месту, но не спешила садиться, напряженно оглядываясь. Не маг не ощутил бы ничего в этом помещении, но как маг я насторожилась сразу — я ощущала двери. Много дверей. Очень много дверей.

— Отсюда есть выходы в катакомбы под городом? — не выдержав, спросила у мастера.

— Да, — коротко ответил он.

Помолчал, затем добавил:

— Свою семью я из города уже вывез.

Одна эта фраза сказала о многом. И мне бы промолчать, но все же спросила:

— А как же остальные семьи?

И увидела, как ссутулились плечи мастера. Несколько секунд он молчал, затем вновь продолжил открывать тайник, который, и я определила это по рунам, стремительно выводимым Агудом, находился где-то в совершенно ином месте. В том месте были волки... Отзвук донесся издали, но расслышать что-либо еще я не успела — мужчина захлопнул дверцу и подошел к столу с небольшой резной шкатулкой, подойдя, молча вручил ее мне, после чего обошел стул и рухнул практически в кресло.

Я осторожно присела на край стула, без слов приложила ладонь к поверхности шкатулки и услышала тихое жужжание открываемых механизмов. Это только активация была магией, а сам замок просто изготовлен.

— Гномы делали, — поделился со мной информацией мастер Агуд.

Неопределенно кивнула, показывая, что услышала, и открыла крышку. Внутри лежало письмо, просто сложенный вдвое лист бумаги, колечко, совершенно простенькое, медное на вид, абсолютно без признаков магии или ауры на нем, и тоненький стальной браслет. Я не коснулась ни того ни другого, судорожно разворачивая послание. Там были строки:

«Девочка моя, мое солнышко, мое маленькое счастье, если ты читаешь эти строки, значит случилось страшное и мне не удалось заблокировать побочный эффект твоей новой крови. Я надеюсь этот день никогда не настанет, мне уже доставили сталь из Хаоса, я знаю, что нужно делать и требуется лишь время, но каждую ночь кошмары убеждают меня в том, что его нет. Ты еще маленькая, но даже будь ты взрослой, я никогда не рассказал бы тебе, что изо дня в день, просыпаюсь видя один и тот же сон — ты гибнешь, отдавая всю себя до капли, и неведомым образом превратив свой дар магии Смерти в истинную Жизнь. Я не знаю, как. Я точно уверен, что это невозможно. Я абсолютно в этом уверен, но сон повторяется снова и снова. Я надеюсь, ты никогда не прочитаешь это письмо, я отчаянно верю в это, но мы с тобой артефакторы, мой котенок, мы оба знаем — готовиться нужно ко всему. В шкатулке помимо письма два предмета — первый кольцо-блокиратор, оно скроет тебя от любых поисковых заклинаний, второй — браслет, который сделает тебя столь же неприметной, как и он сам. Как активировать ты разберешься даже сейчас, когда тебе всего десять, уверен тебе это не составит труда и в будущем.

А теперь слушай внимательно, моя девочка: Если ты читаешь это письмо в четвертом королевстве — ступай в наш скальный схрон, и найди выход на пятый уровень, как выйти — описано в моей любимой книге.

Если во втором — оставайся на месте, тебя вывезут.

В первом — оставайся на месте.

Пятом — иди к воде, ничьих слов не слушая. Море укажет путь.

Но если в седьмом и взгляд принца Танаэша уже остановился на тебе — беги, иначе вы погибнете оба. Мой человек поможет и выведет из города, мелех завертится и подключатся нужные люди и связи. Беги в Темную империю, в самый отдаленный район — Приграничье, туда где в предгорье по хвойным лесам разбросаны отдельные поселения. Туда, куда не доберутся скаэны, не добредут рвары и не ступала нога перебежцев. Поселись там, скрывая свой дар — оба дара, и живя на средства, которые тебе передадут. Дождись меня там, я приду.

И помни, мой котенок, даже обычные кошки всегда падают на четыре лапы, а ты кошка Хаоса, ты не падаешь, ты способна летать».

Я дочитала письмо до конца, я перечитала последнее предложение дважды, и отбросила листок в сторону. Он сгорел еще в полете, и на пол не упало даже пепла — чары самосожжения на нем определил бы и первокурсник, что уж говорить обо мне.

И несколько долгих минут после я сидела совершенно оглушенная, понимая, что могла получить и прочитать это послание гораздо раньше, но видимо подвел тот из тринадцати, что находился неподалеку от замка отчима, иначе бы дядя Тадор не написал «ступай в наш скальный схрон». Не езжай, не беги, не отправляйся — а ступай, значит один из хранителей тайника был совсем рядом и не выполнил свою клятву. На мгновение я представила, что было бы, получи я это письмо после гибели дяди Тадора? Что было бы тогда? Не знаю, но абсолютно уверена — не было бы Некроса, не было бы Гобби, Норты, Эдвина, Дана и лорда Гаэр-аша. Не было бы для меня этих Мертвых игр... Но они все равно были бы для них! Весь план отступников не изменился бы ни в чем, хуже того — они бы неизменно погибли, все четверо, они и этот город, полный счастливых семей.

— Вы никуда не поедете, да? — вдруг спросил наблюдающий за мной мастер Агуд.

— У вас были инструкции вывести меня? — спросила прямо.

Он кивнул, затем подтвердил:

— Да. Но исключительно с вашего согласия.

— Почему? — спросила почти шепотом. Мастер Агуд ответил, глядя мне в глаза:

— Потому что ваши глаза обрели насыщенный зеленый цвет, Риа, и меня сильно и с трудом преодолимо к вам тянет. Ваша кровь просыпается. Уже почти проснулась, несмотря на то, что вам сколько? Семнадцать? Да, всего семнадцать, я считал, считал каждый год, в течение которого вы не появлялись на моем пороге. Рано для пробуждения крови Хаоса, слишком рано, но кровь активировала и запустила режим выживания, а значит вам пришлось нелегко, очень нелегко. И любое нервное потрясение сейчас, как спусковой крючок — запустит в вас необратимые процессы. И менее всего, мне хотелось бы стать причиной этого.

Он поднялся, прошел вдоль стены с рисунками и эскизами разных моделей обуви, остановился, глядя на отпечаток детской ножки, выполненный грифелем, и совершенно неожиданно произнес:

— Я единственный из тринадцати, кто знает о сие Тадора. Я знаю, что погибнут двое, но будет спасен весь город... — он помолчал, а затем глухо произнес: — Я дал клятву, клятву на крови, что сделаю все, чтобы

защитить твою жизнь, и, если не выполню — проживу лишь на несколько минут дольше тебя, девочка. Но ты права — семей много. Слишком много, чтобы наблюдать их смерти и знать, это остановить, но не сделал.

Он резко повернулся ко мне, и спросил:

— Что я могу сделать?

Думала я не долго.

— Мне нужны схемы тайных ходов под городом, открывающие их руны и план, схема всего плана.

Сказав все это, я менее всего ожидала, что после моих слов, мастер Агуд просто откроет верхний ящик своего стола и протянет мне сложенный вчетверо внушительного размера лист бумаги. Там было все — схемы тайных путей, формула активации временного заклинания, девять(!), не один, а девять планов подчинения Норта, Эдвина, Дана и Ташши, различных, с вариациями, и двенадцать вариантов убийства мирных граждан без уничтожения магов и магически одаренных людей. Отступникам нужны были одновременно и жертвы для ритуала и магии для будущей армии, и они сделали все, чтобы и волки сыты и овцы целы — иначе не назовешь. Но больше всего меня поразило имя главы отдела «Седьмого этапа» — магистр Ульгер Шерарн. Я знала это имя — брат дяди Тадора. Вечный, за убийство которого так жестоко отомстили моему отцу. Вечный, который оказался жив. И который, кажется, стал причиной того, что дядя Тадор не смог вернуться к ребенку, что сидел в грязной подворотне, обнимая остывающее тело, в котором уже не билось сердце.

— Шансов нет? — внешне равнодушно, но я уловила в вопросе напряжение, поинтересовался мастер Агуд.

— Если я скажу, что теперь задача приобрела несколько больше личностных составляющих и дело стало только интереснее, вы мне поверите? — несколько безнадежно поинтересовалась я.

— Нет, — с широкой улыбкой честно признался он.

— И будете правы, — я улыбнулась в ответ.

И поднялась со стула.

Нужно было возвращаться, нужно было браться за дело, мне очень понравилось действие напитанной кровью руны Тхагар и я собиралась ее использовать. И да — теперь я знала своего врага. Пусть не в лицо, но знала.

Конец шестой книги.